

ISSN 2587-9510

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 3(30) 2018

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 3(30) 2018

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал выходит четыре раза в год.

Ранее журнал издавался под названием «Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация».

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – С.А. Скуридина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Л.М. Кольцова – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **С. Менгель** – доктор филологических наук – Халле Виттенберг, Германия; **Раджешвар Раджу А.** – доктор PhD по русскому языку – Рева, Индия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия.

Технический редактор – Т.Ю. Кудрявцева.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес издателя: 394026, г. Воронеж, Московский проспект, 14.

Фактический адрес издателя: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473) 271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2018

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal is published four times a year.

The journal was published as “Scientific newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and cross-cultural communication”.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors’ point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – S.A. Skuridina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

L.M. Koltsova – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **S. Mengel** – doctor of philology – Halle Witternberg, Germany; **Rajeshvar Paju A.** – PhD in Russian language – Rewa, India; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **N.V. Tsymbalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia.

Technical editor – T.J. Kudryavtseva.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394026, Voronezh, Moskovsky avenue, 14.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора..... 8

Лингвистика

Ханнанова Д.М. Сравнительная типология именного сказуемого и связочных глаголов..... 10

Попов С.А. Исчезнувшие топонимы как лингвистический показатель исторических и культурных традиций Воронежского края..... 15

Методика преподавания языков

Власова Н.А. Образовательный квест как форма организации занятия при обучении русскому языку как иностранному (из опыта проведения)..... 21

Жамгарян Н.Т. Роль современных технологий (электронных пособий) в преподавании русского как иностранного (РКИ)..... 25

Аспекты изучения художественного текста

Воронова Т.А. Белый цвет в поэтической палитре Арсения Тарковского..... 30

Ларин С.А., Филатова Д.А. Лариса Огудалова и Юлий Капитонович Карандышев: неравный брак и проблемы коммуникации..... 35

Исаева А.В. Испанизмы в романе Эрнеста Хемингуэя «Фиеста (И восходит солнце)»..... 40

Новикова М.В., Саратов М.В. Любовная лирика Рюрика Ивнева..... 45

Филатова Д.А. Хозяин или слуга? (Образ Карандышева в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница»)..... 51

Клюева А.Н. Вербальная репрезентация фотографического искусства в текстах коротких рассказов Джона Апдайка..... 55

Попова Ю.С. «И длится штос, и длится светлый бал...» (об особенностях семантики бала в творчестве И.А. Бунина)..... 59

Карташова Е.Н. Особенности репрезентации образа одинокой женщины в прозе В.М. Шукшина..... 64

Лингвокультурология

Христова С.Н. Обращение по титулам в этикетной речи русского дворянства и английской аристократии XIX века в социолингвистическом аспекте (русско-английские параллели)..... 68

Бугакова Н.Б., Москаленко М.В. Студенты как отдельная социальная группа и особенности их языковой картины мира..... 77

Межкультурная коммуникация

Коваль Д.Е. Проблема перевода сленга надсат на русский язык в романе Энтони Берджесса «Заводной апельсин»..... 82

Голикова М.М. Роль фразем с теонимами и демонимами в раскрытии доминант этноязыкового сознания (на материале русского и польского языков)..... 86

Журналистика в историко-теоретическом аспекте

Чуйков П.Л. Проблема «Россия и Запад» в историософской публицистике Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского, редактора журнала «Время»..... 91

Алексеев А.Б. Особенности оппозиционного политического дискурса ФРГ..... 98

Скуридина С.А., Сорокин И.В. Основные тенденции и особенности развития регионального телевидения..... 105

Язык СМИ

Калеел Ахмед К. Калеел Когнитивно-прагматический аспект трансформированных фразеологизмов в современных газетных заголовках..... 109

Правила оформления статей..... 114

CONTENTS

Kovaleva L.V. Opening remarks of the chief editor 8

Linguistics

Khannanova D.M. Comparative typology of nominal predicate and copular verbs..... 10

Popov S.A. Disappeared toponyms as a linguistic indicator of the historical and cultural traditions of the Voronezh region..... 15

Methods of teaching languages

Vlasova N.A. Educational quest as a form of organization of classes in teaching Russian as a foreign language..... 21

Zhamharyan N.T. The role of modern technologies (electronic benefits) in teaching Russian as a foreign..... 25

Literary text: aspects of study

Voronova T.A. White colour in the poetic vocabulary of Arseny Tarcovsky..... 30

Larin S.A., Filatova D.A. Larisa Ogudalova and Julius Kapitonovich Karandyshev: unequal marriage and communication problems..... 35

Isaeva A.V. Loan words of Spanish origin in the Hemingway’s novel “The sun also rises. Fiesta”..... 40

Novikova M.V., Saratova M.V. Love poems of Ryurik Ivnev..... 45

Filatova D.A. A master or a servant? (The image of Karandyshev in the play by A.N.Ostrovsky “A girl without dowry”)..... 51

Klyueva A.N. Verbal representation of photographic art in the short stories by John Updike..... 55

Popova Y.S. “And to long Stous, and the light ball...” (About the peculiarities qualities of the ball semantics in Ivan Alekseevich Bunin’s creativity)..... 59

Kartashova E.N. Features of representation of single woman’s image in V.M. Shukshin’s proze..... 64

Language and culture studies

Hristova S.N. Address on titles in etiquette speech of Russian nobility and English aristocracy of the XIX century on the sociolinguistic aspect (Russian – English parallels)..... 68

Bugakova N.B., Moskalenko M.V. Students as a separate social group and peculiarities of their language picture of the world..... 77

Intercultural communication

Koval D.E. The problem of translation of argot “nadsat” into Russian language in Anthony Burgess’ novel “A clockwork orange”..... 82

Golikova M.M. The role of phrases with theonyms and demonyms to identify the dominant ethno-linguistic consciousness (based on Russian and Polish languages)..... 86

Journalism in historical and theoretical aspect

Chuykov P.L. The problem “Russia and the West” in historiosophical journalism of N.V. Gogol and F.M. Dostoyevsky, the magazine “Time” editor..... 91
98

Alexeyev A.B. Features of the German oppositional political discourse.....

Skuridina S.A., Sorokin I.V. The main trends and features of development of regional television..... 105

Language of mass media

Kaleel Akhmed Khamis Kaleel Cognitive and pragmatic aspects of transformed phraseological units in modern newspaper headings..... 109

Layout of the articles..... 114

Вступительное слово главного редактора

Вашему вниманию предлагается тридцатый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики», который представлен к изданию международной редакционной коллегией и является преемником серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Выпуск включает исследования, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из семи разделов: I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ».

Авторами научных статей данного выпуска являются доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 20 научных работ.

Раздел «Лингвистика» включает исследования в области отечественного и зарубежного языкознания (Д.М. Ханнанова, С.А. Попов).

Второй раздел – «Методика преподавания языков» – содержит методические рекомендации по обучению иностранных учащихся (Н.А. Власова, Н.Т. Жамгарян).

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» представлены статьи, посвященные изучению образной (Е.Н. Карташова, Д.А. Филатова, С.А. Ларин), семантической (Ю.С. Попова, М.В. Новикова, М.В. Саратова, Т.А. Воронова) и лексической (А.В. Исаева) структуры поэтического и прозаического текста.

Четвертый раздел – «Лингвокультурология» – включает исследование этикетной речи русского дворянства и английской аристократии XIX века (С.Н. Христова), особенностей языковой картины мира студенчества (Н.Б. Бугакова, М.В. Москаленко).

Работы пятого раздела – «Межкультурная коммуникация» – раскрывают роль фразем в репрезентации доминант этноязыкового сознания (М.М. Голикова) и проблемы перевода сленга надсат на русский язык (Д.Е. Коваль).

Шестой и седьмой разделы – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» и «Язык СМИ» – предлагают вниманию читателей статьи, посвященные актуальным вопросам истории, теории, методологии и практики журналистики (П.Л. Чуйков, И.В. Сорокин, С.А. Скуридина, А.В. Алексеев, Калеел Ахмед К. Калеел).

Содержащиеся в выпуске 3 (30) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ.

Полагаем, что данное издание будет интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации ВГТУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.1

*Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова (ИУЭП), филиал в
г. Альметьевске*

*канд. филол. наук, старший преподава-
тель кафедры иностранных языков и пе-
ревода*

Ханнанова Д.М.

Россия, г. Альметьевск,

тел. +7(8553) 31-95-87

e-mail: val_dina@mail.ru

*Kazan Innovative University named after
V.G. Timiryasov (IEML), branch
in Almet'yevsk*

*The chair of Foreign Languages and Trans-
lation, Senior Teacher, Candidate of Philo-
logical Sciences*

Khannanova D.M.

Russia, Almet'yevsk,

tel. +7(8553) 31-95-87;

e-mail: val_dina@mail.ru

Д.М. Ханнанова

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ИМЕННОГО СКАЗУЕМОГО И СВЯЗОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

Статья посвящена вопросам типологического сопоставления именного сказуемого и связочных глаголов в немецком, английском и русском языках. Выявление общего и различного в функционировании именной конструкции на материале трех языков проводилось с позиций понимания сказуемого и глагольной связки в отечественной лингвистике в русле концепции аспектного и модального преобразований исходного типа именного сказуемого. Проведенный анализ показал, что на фоне общего сходства именное сказуемое и связочные глаголы в рассматриваемых языках характеризуются довольно значительными частными различиями, противопоставляющими немецкий и английский языки русскому. Сходства обнаруживаются в плане морфологического оформления именного сказуемого, состоящего из связочного глагола и предикатива, в возможности многих полнозначных глаголов выполнять связочную функцию, обширных семантических соответствиях, а также способности глагольных связок к альтернативе в составе модели именного предложения. Расхождения также затрагивают как формальные, так и семантические стороны рассматриваемых языковых единиц. Форму именного сказуемого в русском языке отличает наличие нулевой связки и явление грамматической тавтологии. Несовпадения в семантическом плане объясняются, главным образом, различающимся составом выявленных связочных глаголов в каждом из рассматриваемых языков и проявляются в количественном несоответствии в пределах известных семантических групп и подгрупп, вызванном явлениями синонимии и многозначности.

Ключевые слова: именное сказуемое, связочный глагол, предикатив, семантика, типологическое сходство.

D.M. Khannanova

COMPARATIVE TYPOLOGY OF NOMINAL PREDICATE AND COPULAR VERBS

The article is devoted to the issues of typological comparison of the nominal predicate and copular verb in German, English and Russian. The identification of common and different in the functioning of the nominal

structure on the material of three languages was carried out from the standpoint of understanding the predicate and copular verb in Russian linguistics, in line with the concept of aspect and modal transformations of the original type of the nominal predicate. The analysis showed that against the background of general similarity, nominal predicate and copular verbs in the languages under consideration are characterized by rather significant private differences, contrasting German and English with Russian. Similarities are found in terms of the morphological design of the nominal predicate, consisting of a linking verb and a predicative, the ability of many full meaning verbs to perform a link function, extensive semantic correspondences, as well as the ability of the linking verbs to alternation in the model of the nominal sentence. The differences also affect both formal and semantic aspects of the language units under consideration. The form of the nominal predicate in the Russian language is distinguished by the presence of a null copula and the phenomenon of grammatical tautology. The differences at the semantic level are mainly due to the set of copular verbs found in each of these languages and are manifested in the quantitative asymmetry within the known semantic groups and subgroups, which is reduced to the phenomena of synonymy and polysemy.

Key words: nominal predicate, copular verb, predicative, semantics, typological similarity.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики уже на протяжении многих десятилетий остается изучение общих закономерностей функционирования языков. Это связано с тем, что, сравнивая различные аспекты взаимозависимости и взаимодействия равноуровневых языковых единиц сразу в нескольких языках, возможно более полное описание каждого из сравниваемых языков и установление на этой основе их типологического родства, что в конечном итоге способствует выявлению языковых универсалий и более глубокому осмыслению природы языка в целом.

Несмотря на то, что зарубежными лингвистами глагольно-именные сочетания не рассматриваются в качестве именного типа сказуемого, в немецком и английском языках они поддаются описанию с позиций понимания их в отечественном языкознании. Сходства между указанными языками наблюдаются, в первую очередь, в плане частеречного оформления исходного типа именного сказуемого, состоящего из глагольной связки *быть/sein/be*, основной функцией которого является передача грамматического значения, и именной части, выраженной, как правило, существительным, прилагательным или причастием, в котором называется признак, приписываемый субъекту.

Специфической чертой структуры русского именного предложения является то, что глагол *быть* представлен неполной временной парадигмой, в настоящем времени изъявительного наклонения, как известно, нормой является нулевая связка. В то время как в немецком и английском языках наличие эксплицитно выраженной связки во всех формах именного сказуемого обязательно: наст. вр. *Она - счастлива, Sie ist glücklich, She is happy*; прош. вр. *Она была счастлива, Sie war glücklich, She was happy*. Предложения с отсутствующей связкой, наблюдаемые в германских языках, как правило, представляют собой предложения-эллипсисы, выполняющие функцию уточнения, где отсутствие финитной формы глагола объясняется параллелизмом с предыдущим предложением: *Es war fast neun Uhr, als Wohgemuth endlich von Spitzzi abließ, er selber sehr erschöpft, doch befriedigt* (L. Feuchtwanger) → ... , *er war selber sehr erschöpft, doch (er war) befriedigt*. Отсутствие связки в предложении может быть также пережитком более раннего формирования структуры предложения и встречаться, например, в устойчивых выражениях и поговорках [1; с. 66-67], например, *Träume – Schäume; Ein Mann – kein Mann; Ende gut – alles gut*, в разговорной речи, когда правила письменного языка могут не соблюдаться: *Schönhusen ein Sozialist? Dieser unwirsche mißtrausche Mensch ein Sozialist?* (W. Bredel) или являться репрезентацией эмоциональной оценки, характеризующейся ситуативностью и спонтанностью: *You a perfect fool!* (W. Maugham) [2].

Расхождения наблюдаются также между формами предикатива германских и русского языков. Так, например, английский и немецкий предикативы, выраженные именем прилагательным или причастием, имеют неизменяемую форму. Предикатив в рус-

ском языке, напротив, представляет собой форму изменяемую, которая согласуется с подлежащим в числе и роде, а в настоящем времени изъявительного наклонения еще и в падеже. Таким образом, в русском предложении наблюдается явление грамматической избыточности или тавтологии, которая для немецкого и английского языков невозможна [3; с. 140-141]: *Der Tisch ist gedeckt, The table is set* и *Стол накрыт* (род и число выражены не только в имени существительном, но и в предикативном имени), сравните также: *Er(sie) war(waren) schön, He (she, they) was (were) beautiful* и *Он (она, они) был (была, были) красивым, красивой, красивыми*.

Известно, что в свете концепции аспектного и модального преобразований элементарного именного сказуемого в русском, немецком и английском языках становится возможным значительно расширить традиционно предлагаемый в грамматиках перечень глаголов, выступающих в функции связочных. Оказывается, что в роли связок способны выступать до 125 глаголов, которые во всех трех языках можно распределить по семантическим группам «состояния/идентификации признака», «кратковременного состояния/кратковременной идентификации признака», «продолжительного состояния/продолжительного сохранения признака», «изменения состояния/приобретения нового признака», «модальной оценки», а также их подгруппам [4], в рамках которых между глаголами рассматриваемых языков обнаруживается большое количество семантических соответствий.

Имеющаяся асимметричность в составе групп проявляется преимущественно в количественном отношении связок конкретного языка, которое объясняется рядом факторов, в первую очередь, явлением полной, частичной или стилистической синонимии, когда одно и то же понятие в разных языках может выражаться в совпадающих или близких по смыслу словах по-разному: в одном языке одним элементом, а в другом – двумя или более [5; с. 56]. Такие расхождения в количественном отношении связочных глаголов одной семантической группы обусловлены тем, что понятийная категория, имеющая место в нескольких языках, в одном языке может быть сложнее, чем в другом, или иметь более широкую сферу употребления [6; с. 15]. Так, например, немецкому глаголу *heißen* соответствуют два русских глагола – *зваться* и *именоваться*, немецкому *leben* и английскому *live* – русские глаголы *жить*, *зажить*, немецкому глаголу *sehen* – русские *глядеть* и *смотреть*. Достаточно большое количество синонимов выявлено среди немецких связок в подгруппе «способа проявления признака»: *glänzen, schimmern, funkeln, leuchten, blitzen, blinken, erglänzen, gleißen, spiegeln, zwinkern*, которым соответствуют лишь два английских глагола *gleam* и *shine*. В русском языке связочные глаголы аналогичной семантики не обнаружены. Для немецких глаголов подгруппы «внутреннего проявления признака» *sich verhalten, sich benehmen, sich gebärden, sich geben, sich aufführen, auftreten, sich betragen* связочные глаголы-соответствия в английском и русском языках также отсутствуют. Стилистические синонимы представлены, например, русскими глаголами *уродиться*: *уродился в отца (родился похожим на отца)*, *выскочить*: *выскочила (выбежала) разъяренная*; *понестись*: *он понесся (побежал) раздетый*; *бродить*: *она бродит (ходит) растерянная* или немецкими глаголами *stinken* и *duften*: *Die Blume duftet (riecht) nach Honig – Die Luft stinkt (riecht) nach Schwefel*.

В связи с тем, что система знаменательно-словесного именования в каждом языке необычайно сложна [7; с. 75] и своеобразна, глаголы, употребляемые в роли связочных, в разных языках могут функционировать в различных значениях. Так, например, немецкий глагол *bleiben* употребляется в качестве связки в значении «оставаться в каком-либо состоянии»: *Dora bleibt ernst*, соответствующий ему английский глагол *continue* способен использоваться в функции связки в двух значениях «продолжать(ся); оста-

ваться; сохранять(ся); пребывать в каком-либо состоянии»: *The winter continued damp and wet* (А. Cronin) и «тянуться, простираться»: *The main road continues for two hundreds of kilometres*. Немецкий глагол *fallen* используется как связка в значениях: «падать» *Der Soldat fiel blutüberströmt*; «пасть, погибнуть» *Erich fiel als Held*; «пасть, сдаться (о городе, крепости)» *Die Stadt fiel gebrannt*; «пасть, быть свергнутым (о правительстве)» *Die Regierung fiel blamiert*; «идти (о снеге, дожде)» *Der Regen fällt kalt*; «падать (о свете, тени)» *Der Schaden fiel kurz*; «раздаться, прозвучать» *Der Schuß fiel schalltot* [8]. Для английского глагола *fall* связочными будут лишь два значения: «падать, спадать, опускаться; понижаться» *He fell bleeding* и «становиться»: *He fell asleep* [9]. Русский глагол *падать* как связочный реализуется только в значении «опускаться, валиться на землю, книзу»: *Солдат упал окровавленный* [10]. В других случаях он образует глагольное сказуемое. Признак, характеризующий предмет, заключенный в подлежащем, будет представлен как готовый, уже приписанный: *Падает холодный серый дождь, Короткая тень пала на пол*. Такие расхождения в структуре значений свойственны для многих многозначных глаголов, выступающих в роли связочных.

Связки некоторых подгрупп имеют место только в двух языках. Так, например, глаголы подгруппы «характеристика по вкусу, по запаху, по звуку» типична лишь для немецкого и английского языков. Схожие по смыслу русские предложения оказываются конструкциями исходного типа именного сказуемого со связкой *быть*, иногда в сочетании с распространенным предикативом: *Der Tee schmeckte süß, Tea tasted sweet* и *Чай был сладким (на вкус)*, либо являются глагольными предложениями: *Seine Stimme klang müde, His voice sounded tired* и *Его голос звучал устало*.

Полные соответствия обнаруживаются в подгруппе связочных глаголов «положения в пространстве»: *stehen, liegen, sitzen – stand, lie, sit – стоять, лежать, сидеть*. В других случаях, когда соответствующие глагольные связки в одном или двух остальных языках не выявлены, они могут быть восполнены. Так, например, восполнены и расширены могут быть такие подгруппы как подгруппа глаголов «движения»: *Er war ganz glücklich abgereist – He left quite happy – Он уехал совершенно счастливым, Sie stand aufgeregt auf – She stood up worried – Она встала взволнованная (обеспокоенная), Der Nebel sank dick und dicht – The fog was sinking thick and pitch-dark – Туман опускался густой и непроглядный*; подгруппа «положения в пространстве»: *Das Blatt Papier hängt weiß und leer an der Wand – The paper hangs white and blank on the wall – Лист бумаги висит белый и пустой на стене*; «способа проявления признака»: *Die Ohrringe gleißen / glänzen / blitzen / schimmern / funkeln grün und golden – The earrings sparkle / glitter / shimmer / glare green and gold – Серьги искрятся / светятся / блестят / мерцают / отливают зеленым и золотым (светом)*. Общее функциональное сходство и семантические соответствия связочных глаголов в трех рассматриваемых языках обеспечивают также их способность к альтернации в составе конструкции именного предложения [11]: *Das Fenster war / wurde / stand / blieb / schien geöffnet, The window was / became / stood / remained / seemed opened, Окно было / стало / стояло / оставалось / казалось открытым*.

Таким образом, сравнительный анализ именного сказуемого и связочных глаголов в немецком, английском и русском языках продемонстрировал, с одной стороны, имеющееся типологическое сходство указанных грамматических единиц, с другой – показал, что формальная сторона именного сказуемого и внутреннее устройство микросистем глагольных связок обладает довольно проявленным своеобразием, характерным для каждого отдельного языка.

Библиографический список

1. Акулова К.П. Разграничение членов предложения в современном немецком языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 112 с.
2. Осташова О.И. Способы экспликации оценочного предиката в англоязычной художественном дискурсе XIX-XX веков / Научные труды КубГТУ. № 3. Краснодар, 2016. С. 465-472.
3. Анохина С.П., Косторва О.А. Сравнительная типология немецкого и русского языков: учеб.пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 208 с.
4. Валиева Д.М. Система связочных глаголов (на материале немецкого языка): дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2005. 154 с.
5. Бережан С.Г. Значение сопоставительного изучения лексики / Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. М.: Наука. 1987. С. 53 - 63.
6. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1989. 288 с.
7. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1994. 382 с.
8. Немецко-русский словарь: Ок. 95 000 слов. М.: Русский язык, 1993. 1040 с.
9. Англо-русский словарь: 70 000 слов и выражений / сост. проф. В.К. Мюллер. М.: Советская энциклопедия, 1965. 912 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Екатеринбург: Урал-Советы (Весть), 1994. 800 с.
11. Некрасова И.М. Семантика и функции немецкого пассива (в сопоставлении с русским и английским языками): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2000. 19 с.

References

1. Akulova K. P. Differentiation of sentence members in the modern German language. L., 1971. 112 p.
2. Ostashova O. I. Ways of an explication of the evaluation predicate in English artistic discourse of the XIX-XX centuries. Scientific works of the Kuban State Technological University. №. 4. Krasnodar, 2016. P. 465-472.
3. Anokhina S. P., Kostrova O. A. Comparative typology of German and Russian languages. M., 2012. 208 p.
4. Valieva D. M. System of copular verbs (by the material of the German language): diss. ... kand. philol. sciences. Perm, 2005. 154 p.
5. Berezhan S. G. The importance of comparative study of vocabulary/Comparative linguistics and teaching non-native language in-t linguistics. USSR Academy of Sciences; edited by V. N. Yartseva. M.: Science. 1987. P. 53 - 63.
6. Gak V. G. Comparative typology of French and Russian languages. M., 1989. 288 p.
7. Blokh M. Y. Theoretical grammar of the English language. M., 1994. 382 p.
8. German-Russian dictionary: about 95000 words. M., 1993. 1040 p.
9. English-Russian dictionary: 70000 words and phrases. M., 1965. 912 p.
10. Ozhegov S. I. Russian Dictionary: about 57000 words. Yekaterinburg, 1994. 800 p.
11. Nekrasova I. M. Semantics and functions of German passive (in comparison with Russian and English): autoabstract diss. ... kand. philol. sciences. Perm, 2000. 19 p.

УДК 811.161'373.21

*Воронежский государственный университет
канд. филол. наук, преподаватель кафедры свя-
зей с общественностью*

Попов С.А.

*Россия, г. Воронеж, тел. +7(908)311-08-78
e-mail: spo@bk.ru*

*Voronezh State University
PhD, lecturer of the Department of
public relations*

Popov S.A.

*Russia, Voronezh, +7(908)311-08-78
e-mail: spo@bk.ru*

С.А. Попов

ИСЧЕЗНУВШИЕ ТОПОНИМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

В статье рассматриваются воронежские топонимы, официально исчезнувшие в конце XX – начале XXI веков согласно нормативным правовым актам. Топонимикон Воронежской области состоит как из наиболее древних названий иноязычного происхождения (гидронимы, отгидронимические ойконимы), так и более молодых топонимов славянского происхождения (ойконимы, гидронимы). Отражая основные этапы освоения и заселения региона, топонимическая система Воронежского края претерпевала как количественные, так и качественные изменения. На протяжении нескольких десятилетий из официальных документов исчезли десятки топонимов Воронежского края, что в основном было связано с появлением других официальных ойконимов (в связи с переименованием населенного пункта) или с фактическим исчезновением населенного пункта. Исчезнувшие ойконимы представляют собой огромную культурно-историческую ценность, поскольку содержат в себе имена, фамилии, прозвища владельцев или первооселенцев и членов их семей, имена православных святых, названия религиозных праздников, которые стали названиями православных храмов, лёгших в основу ойконимов, этнический состав населения, ландшафтные характеристики, возраст, местоположение населенного пункта. Автор показал и проанализировал некоторые федеральные и региональные нормативные правовые акты, которые регулируют вопросы, связанные с географическими названиями. В настоящее время назрела острая необходимость создания словаря исчезнувших топонимов Воронежского края, историко-культурологические сведения которого гармонично дополняют информацию о современных названиях, что также будет способствовать популяризации краеведческих сведений среди жителей региона, туристов и содействовать патриотическому воспитанию молодежи.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, топонимия, ойконимия, воронежское лингвокраеведение, топонимический словарь.

S.A. Popov

DISAPPEARED TOPONYMS AS A LINGUISTIC INDICATOR OF THE HISTORICAL AND CULTURAL TRADITIONS OF THE VORONEZH REGION

The article deals with Voronezh place names that officially disappeared in the late XX – early XXI centuries according to normative legal acts. Toponymical Voronezh region consists of the most ancient names of foreign origin (hydronyms otherunices placenames), and more young names of Slavic origin (placenames, hydronyms). Reflecting the main stages of development and settlement of the region, the toponymic system of the Voronezh region underwent both quantitative and qualitative changes. For several decades, dozens of names of Voronezh region disappeared from official documents, which was mainly due to the appearance of other official oikonoms (in connection with the renaming of the settlement) or the actual disappearance of the settlement. The disappeared oikonoms are of great cultural and historical value, as they contain the names, surnames, nicknames of the owners or first settlers and their families, the names of Orthodox saints, the names of religious hol-

idays, which became the names of Orthodox churches that formed the basis of oikonoms, ethnic composition of the population, landscape characteristics, age, location of the settlement. The author has shown and analyzed some Federal and regional normative legal acts that regulate issues related to geographical names. Currently, there is an urgent need to create a dictionary of disappeared toponyms of the Voronezh region, historical and cultural information which will harmoniously complement the information on modern names, which will also promote the popularization of local lore information among the residents of the region, tourists and promote Patriotic education of youth.

Key words: onomastics, toponymy, oikonym, Voronezh lingvostranovedenie, toponymic dictionary.

В повседневной жизни мы постоянно пользуемся географическими названиями (топонимами), начиная от наименований городов, сёл, посёлков, хуторов и заканчивая именованиями улиц, парков, скверов, площадей, отдельных частей населённых пунктов, микрорайонов.

Топонимика – раздел ономастики (науки об именах собственных), исследующий топонимы (географические названия), их значение и происхождение, структуру, функционирование, ареал распространения, развитие и изменение во времени. Топонимия – это совокупность топонимов на определенной территории.

Топонимы возникают из апеллятивов в процессе конкретизации и индивидуализации географических объектов, а также из имён собственных людей (антропонимов: личных имён, фамилий, прозвищ). По справедливому замечанию основоположника отечественной топонимики В.А. Никонова, каждое географическое название – это «история, выраженная средствами языка... Историзм – не одна из группочек названий, а основа всех названий. Только история побуждает обращаться к географическим при знакам или, например, к личным именам...» (1).

На протяжении последних десятилетий региональной топонимии уделяется повышенное внимание со стороны учёных-краеведов и всех интересующихся местной историей и культурой, и это неслучайно.

Региональная топонимия представляет большой интерес для истории языка, поскольку зачастую только в географических названиях определенной территории сохранились до наших дней исчезнувшие из современного русского литературного языка слова, модели словообразования и другие языковые явления. Исследование фонетических, морфологических и лексических особенностей топонимов также дает возможность говорить о путях и времени заселения отдельных регионов России.

Согласно определению историка В.И. Пановой, «Воронежский край – широко употребляемое в исторической литературе понятие. Оно не имеет четкой географической локализации и включает в себя обычно районы, исторически и географически связанные с городом Воронежем, в первую очередь территорию современной Воронежской области» (2).

Рассмотрим ряд воронежских топонимов, исчезнувших в конце XX – начале XXI веков согласно официальным документам.

Топонимия Воронежского края имеет более чем четырехсотлетнюю историю. Как мы уже писали ранее, «на территории региона уже несколько веков совместно проживают представители разных национальностей, поэтому местная топонимия представляет собой яркий пример реализации принципов межкультурной коммуникации. На данной территории в течение длительного времени смешивались, взаимодействуя, пласты лексики различных языковых групп, отразившиеся в географических названиях. Топонимы многоплановы как по времени появления, так и по языковому происхождению, словообразованию и семантике» (3).

Топонимикон Воронежской области состоит как из наиболее древних названий иноязычного происхождения (гидронимы *Большая Алабушка* (от тюр. *алабуха* «окунь»), *Дон* (др. иран. «река, вода»), отгидронимические ойконимы *г. Богучар*, *г. Эртиль*), так и более молодых топонимов славянского происхождения (ойконимы: *с. Алексеевка*, *г. Бобров*, *г. Павловск*, *с. Петропавловка*, гидронимы: *ручей Студёный Колодезь*, *озеро Зёмкино*, *река Криуша*).

Среди топонимов Воронежского края особую группу составляют этнонимы, в которые отразилось пребывание различных народов и переселенцев с различных земель на данной территории. Идентичность – категория, существующая только в оппозиции, для ее формирования необходимо наличие «другого», однако национальная идентичность оформляется и вместе со стремлением к сближению наций. Многие из современных жителей Воронежской области – потомки великорусских и малоросских (украинских) переселенцев в пределы бывших Воронежской и Курской губерний. Результатом этого явилось образование характерных пар названий с этническими определениями «русский» и «украинский»: *с. Русская Буйловка – с. Украинская Буйловка*, *с. Русская Журавка*, *с. Русская Гвоздёвка*, *хут. Украинский*.

Отражая основные этапы освоения и заселения региона, топонимическая система Воронежской области претерпевала как количественные, так и качественные изменения: одни названия сохранились неизменными на протяжении веков, другие исчезли вместе с населенными пунктами, третьи продолжали жить в качестве других типов объектов (*г. Георгиу-Деж*, но железнодорожная станция *Лиски*). Некоторые старые селения получили новые именованья по идеологическим соображениям (*хут. Богомолов – с. Краснофлотское*).

К сожалению, на протяжении нескольких веков из официальных документов исчезли сотни названий населенных пунктов Воронежского края, что в основном было связано с появлением других официальных ойконимов (в связи с переименованием населенного пункта, чаще всего по идеологическим соображениям) или с фактическим исчезновением населенного пункта. Исчезнувшие ойконимы представляют собой огромную культурно-историческую ценность, поскольку содержат в себе имена, фамилии, прозвища владельцев или первопоселенцев и членов их семей, имена православных святых, названия религиозных праздников, которые стали названиями православных храмов, лёгших в основу ойконимов, этнический состав населения, ландшафтные характеристики, возраст, местоположение населенного пункта.

В настоящее время топонимическая система как России в целом, так и отдельных её регионов регулируется законодательством. На федеральном уровне действует Федеральный закон от 18 декабря 1997 года №152–ФЗ «**О наименованиях географических объектов**», который «устанавливает правовые основы деятельности в области присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов, а также нормализации, употребления, регистрации, учета и сохранения наименований географических объектов как составной части исторического и культурного наследия народов Российской Федерации» (4). В соответствии со статьей 6.1 указанного закона «существующие наименования географических объектов выявляются на основании нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, статистических данных, данных официальных картографических и справочных изданий, иных источников, а также посредством опроса населения соответствующих территорий, опроса краеведов и других специалистов».

Статья 9 указанного закона определяет порядок присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов. В частности, «предложения о присвоении наименований географическим объектам или о переименовании географических объектов могут вноситься органами государственной власти

Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, а также общественными объединениями, юридическими лицами, гражданами Российской Федерации. Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации рассматривают указанные предложения, информируют население соответствующих территорий о необходимых затратах и выявляют его мнение об указанных предложениях в порядке, установленном законами субъектов Российской Федерации. Указанные предложения (в случае одобрения законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации), документы, обосновывающие указанные предложения, и расчёты необходимых затрат направляются законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации на экспертизу в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти».

Региональное законодательство субъектов Российской Федерации также регулирует вопросы, связанные с географическими названиями. Одним из основных законов Воронежской области в данной сфере является Закон Воронежской области от 27 октября 2006 года №87–ОЗ **«Об административно-территориальном устройстве Воронежской области и порядке его изменения»**, который «устанавливает административно-территориальное устройство Воронежской области, порядок образования, реорганизации и упразднения территориальных единиц, компетенцию органов государственной власти Воронежской области в решении вопросов административно-территориального устройства Воронежской области и не распространяется на порядок образования, реорганизации и упразднения муниципальных образований, установления и изменения их границ и наименований» (5).

Большую ценность для исследователей воронежской топонимии представляет собой перечень административно-территориальных и территориальных единиц Воронежской области, который содержится в Реестре «Административно-территориальное устройство Воронежской области», являющемся приложением к указанному Закону Воронежской области.

Согласно Закону Воронежской области от 24 декабря 2010 года № 136–ОЗ **«О реорганизации территориальных единиц городского округа город Воронеж в форме их присоединения к городу Воронежу»** реорганизованы «территориальные единицы городского округа город Воронеж: рабочий посёлок Краснолесный, рабочий посёлок Придонской, рабочий посёлок Сомово, рабочий посёлок Шилово, посёлок Водокачка, посёлок им. Будённого, посёлок Первое Мая, село Малышево, село Масловка, село Никольское, село Подгорное, село Подклетное, посёлок Подклетный, посёлок Подпольное, посёлок Полюновка, посёлок Репное, село Репное, село Семилукские Выселки, посёлок Семилукского лесхоза, село Таврово, посёлок Толши, посёлок Чистое в форме их присоединения к городу Воронежу» (6). В данном случае населенные пункты остались, однако исчезли их официальные названия.

Топонимические процессы не стоят на месте. Со временем меняются границы населенных пунктов и поселений, географические названия исчезают вместе с географическими объектами, появляются новые населенные пункты или переименовываются старые. Однако это не стихийный процесс, все изменения фиксируются законами или постановлениями законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Например, в соответствии с постановлением Воронежской областной Думы от 30 сентября 2004 года № 945-III-ОД **«Об упразднении административно-территориальных единиц Воронежской области»** Воронежская областная Дума по-

становила «упразднить на территории Воронежской области следующие административно-территориальные единицы: хутор Ямки, расположенный на территории рабочего посёлка Нижний Кисляй Бутурлиновского района; хутор Звезда, расположенный на территории города Калач Калачеевского района; хутор Довжик Краснобротского сельсовета Калачеевского района; хутор Малая Мездрянка Михневского сельсовета Нижнедевицкого района; хутор Крутая Гора Новоольшанского сельсовета Нижнедевицкого района; хутор Бочаров Синелипяговского сельсовета Нижнедевицкого района; хутор Высокий Синелипяговского сельсовета Нижнедевицкого района; хутор Головин Синелипяговского сельсовета Нижнедевицкого района; хутор Степанов Синелипяговского сельсовета Нижнедевицкого района; хутор Рогов Старомеловатского сельсовета Петропавловского района; хутор Будищев Алейниковского сельсовета Россошанского района; хутор Новоалексеевка Копенкинского сельсовета Россошанского района; кордон Колевник Кочетовского сельсовета Хохольского района; хутор Прокудино Костенкинского сельсовета Хохольского района; населённый пункт Лесная Жировая Дача Гремяченского сельсовета Хохольского района; хутор Заречье Еманчанского сельсовета Хохольского района» (6). При этом были рассмотрены материалы об упразднении населенных пунктов, представленные представительными органами местного самоуправления указанных муниципальных районов Воронежской области.

В соответствии с постановлением Воронежской областной Думы от 27 марта 2008 г. № 1212-IV-ОД «**О переименовании географического объекта Воронежской области**» одобрено предложение Совета народных депутатов Новоусманского муниципального района Воронежской области о переименовании географического объекта, расположенного на территории Усманского 2-го сельского поселения Новоусманского муниципального района Воронежской области, – посёлка Безбожник в посёлок Луч (8).

Как видим, современное региональное законодательство Воронежской области в сфере административно-территориального устройства региона, установления правовых основ деятельности в области присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов служит серьёзным официальным источником для исследователей топонимии региона.

Однако со временем последующие поколения воронежцев могут совсем ничего не знать об этих населенных пунктах и их названиях. Исследуемый материал катастрофически исчезает из официальных документов и живого употребления в русском языке, и сегодня назрела острая необходимость в его фиксации и научном описании.

Таким образом, в настоящее время назрела острая необходимость создания словаря исчезнувших топонимов Воронежского края. В результате историко-культурологические сведения об исчезнувших топонимах Воронежского края гармонично дополняют информацию о современных названиях, что также будет способствовать популяризации краеведческих сведений среди жителей региона, туристов и содействовать патриотическому воспитанию молодежи.

Библиографический список

1. Никонов В.А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С. 26.
2. Панова В. И. История Воронежского края: Учебно-методическое пособие. 4-е изд., доп. Воронеж: «Родная речь», 2001. С. 4.
3. Попов С.А. Топонимия как фактор национальной идентичности // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета): Сборник материалов IV Международной научной конференции 5-6 мая 2009 г., г. Минск. В двух частях. Часть 2. Минск: РИВШ, 2009. С. 277.

4. Федеральный закон от 18 декабря 1997 года № 152–ФЗ «О наименованиях географических объектов» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9054747>. (Дата обращения – 13.04.2018).

5. Закон Воронежской области от 27 октября 2006 года № 87–ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Воронежской области и порядке его изменения» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/802081594>. Дата обращения – 13.04.2018.

6. Закон Воронежской области от 24 декабря 2010 года № 136–ОЗ «О реорганизации территориальных единиц городского округа город Воронеж в форме их присоединения к городу Воронежу» // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=106027129&page=1&rdk=0#10. (Дата обращения: 13.04.2018).

7. Постановление Воронежской областной Думы от 30.09.2004 № 945-III-ОД «Об упразднении административно-территориальных единиц Воронежской области» // URL: <http://archive.cfo-info.com/okrug7e/rajonns/read7x9hrc.htm>. (Дата обращения – 13.04.2018).

8. Постановление Воронежской областной Думы от 27 марта 2008 г. № 1212-IV-ОД «О переименовании географического объекта Воронежской области» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/441727671>. (Дата обращения – 13.04.2018).

References

1. Nikonov V. A. Introduction to toponymy. Ed. 2-E. M.: LKI Publishing house, 2011. P. 26.

2. Panova V. I. History of Voronezh region: educational and methodical manual. 4th ed., additional. Voronezh: "Native speech", 2001. P. 4.

3. Popov S. A. Toponymy as a factor of national identity // Russian language: system and functioning (to the 70th anniversary of the faculty of Philology): Proceedings of the IV international scientific conference 5-6 may 2009, Minsk. In two parts. Part 2. Minsk: National Institute of higher education, 2009. P. 277.

4. Federal law № 152–FZ of 18 December 1997 "On the names of geographical objects" // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9054747>. (Date of access – 13.04.2018)

5. The law of Voronezh oblast of 27 October 2006, № 87–ОЗ "About the administrative-territorial structure of Voronezh region and how it has changed" // URL: <http://docs.cntd.ru/document/802081594>. (Date of access – 13.04.2018)

6. Law of the Voronezh region of 24 December 2010 № 136-OZ "On reorganization of territorial units of the Voronezh city district in the form of their accession to the city of Voronezh" // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=106027129&page=1&rdk=0#10.

7. Resolution of the Voronezh region Duma of 30.09.2004 № 945-III-OD "On abolition of administrative and territorial units of the Voronezh region" // URL: <http://archive.cfo-info.com/okrug7e/rajonns/read7x9hrc.htm> Oh. (Date of access – 13.04.2018)

8. Resolution of the Voronezh region Duma of March 27, 2008 No. 1212-IV-OD "on renaming the geographical object of the Voronezh region" // URL: <http://docs.cntd.ru/document/441727671>. (Date of access – 13.04.2018)

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 37.026.9

*Воронежский институт МВД России
канд. филол. наук,
старший преподаватель кафедры соци-
ально-гуманитарных дисциплин
Власова Н.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(473)200-53-66
e-mail: nad.vlasova@mail.ru*

*Voronezh Institute of the Ministry of the Inte-
rior of Russia
Senior lecturer of the chair of Social and
Humanitarian Disciplines
PhD in philology
Vlasova N.A.
Russia, Voronezh, +7(473)200-53-66
e-mail: nad.vlasova@mail.ru.*

Н.А. Власова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КВЕСТ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ)

Статья посвящена анализу особенностей образовательных квестов как формы организации занятия при обучении русскому языку как иностранному. Автор рассматривает основные типы образовательных квестов, выделяемые по разным основаниям (структуре сюжета, предметному содержанию, форме работы, сроку реализации, режиму проведения), кратко характеризует каждый из видов, описывая его преимущества и слабые стороны. В статье приводится анализ типичной структуры образовательных квестов, дается описание каждого из этапов. Кроме того, статья содержит рекомендации преподавателю, решившему организовать квест для студентов, изучающих русский язык как иностранный, по организации, проведению и оцениванию результатов образовательной игры. Автор говорит о достоинствах и возможных недостатках подобной формы организации занятия. Также приводится пример образовательного квеста, разработанного на основе лексико-грамматической темы «Глаголы движения с приставками». Данная тема является одной из самых сложных для иностранных студентов по целому ряду причин. Часто основным препятствием к пониманию русских приставочных глаголов движения является отсутствие соответствующего представления (концепта) у иностранных студентов, а одним из эффективных путей решения этой проблемы – его формирование путем «обыгрывания». В этом случае задействованными оказываются и слуховая, и зрительная, и моторная память. В статье обосновывается правомерность использования занятия в форме образовательного квеста для отработки и закрепления русских приставочных глаголов движения. Описывается возможный сюжет образовательного квеста, содержатся примеры заданий, даются конкретные рекомендации по подготовке и проведению занятия, оцениванию его результатов.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, глаголы движения с приставками, образовательный квест.

N.A. Vlasova

EDUCATIONAL QUEST AS A FORM OF ORGANIZATION OF CLASSES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (FROM EXPERIENCE)

The article is devoted to the analysis of the features of educational quests as a form of organization of classes in teaching Russian as a foreign language. The author considers the main types of educational quests, allocated for different reasons (the structure of the plot, the subject content, the form of work, the period of implementation, the mode of carrying out), briefly characterizes each of the types, describing its advantages and disadvantages. The article analyzes the typical structure of educational quests, describes each one of the stages. In addition, the article contains recommendations to the teacher, who decided to organize a quest for students

studying Russian as a foreign language, how to organize, conduct and evaluate the results of the educational game. The author speaks about the advantages and possible disadvantages of such a form of organization of classes. An example of an educational quest developed on the basis of lexical and grammatical theme "Verbs of motion with prefixes" is also given. This topic is one of the most difficult for foreign students due for a number of reasons. Often the main obstacle to understanding the Russian prefixed verbs of movement is the lack of appropriate concept, and one of the effective ways to solve this problem – its formation by gaming. In this case, both auditory, visual and motor memory are involved. The article substantiates the legality of the use of classes in the form of educational quest for the development and consolidation of Russian prefixed verbs of motion. The possible plot of the educational quest is described, examples of tasks are given, concrete recommendations on preparation and carrying out of occupation, to an assessment of its results are given.

Key words: methods of teaching Russian as a foreign language, verbs of movement with prefixes, educational quest.

Нестандартный подход к организации занятий по русскому языку как иностранному, основанный на самостоятельной исследовательской деятельности студентов, активизирует усвоенные ими знания, сформированные умения и навыки, стимулирует познавательный интерес к изучаемому материалу. Особое значение в этой связи приобретает использование различных учебных игр в образовательном процессе.

Понятием «квест» (от английского *quest* – ‘искать, поиск’) обозначают игры, которые проводятся как в реальном (off-line), так и в виртуальном (on-line) пространстве. Эта форма игровой деятельности требует от участников поиска решения определенных задач [1], как, например, в популярных компьютерных играх в стиле «квест».

В учебном процессе квест рассматривается как особым образом организованный вид деятельности, исследовательской в своей основе. Для ее выполнения учащиеся осуществляют поиск информации (предметов, людей) по подсказкам и / или специальным заданиям [3]. Реализуя, в первую очередь, учебные задачи, образовательный квест выгодно отличается от стандартной формы организации занятия элементами сюжета, ролевой игры, необходимостью взаимодействия с другими участниками, использования ресурсов какого-либо помещения (какой-либо территории) и / или различных информационных ресурсов.

Вопросам использования квеста в учебном процессе посвящено достаточно много работ. Предметом их исследования являются уроки в школе [1], [2], [3], учреждениях среднего [4] и высшего профессионального образования [5].

Разработана классификация квестов, подробное рассмотрение которой выходит за рамки данной статьи [6]. Для преподавателя русского языка как иностранного, решившего провести занятие в форме квеста, существенными будут следующие характеристики:

1. Режим проведения квеста (реальный, виртуальный или комбинированный).
2. Срок реализации квеста (краткосрочный или долгосрочный).
3. Форма работы (групповая или индивидуальная).
4. Предметное содержание (моноквест, межпредметный квест).
5. Структура сюжета (линейная, нелинейная, кольцевая).

Последний пункт, очевидно, нуждается в пояснении. В линейных квестах игра построена по цепочке: выполнив одно задание, участники получают следующее, и так до тех пор, пока не пройдут весь маршрут. В нелинейных квестах игроки получают основное задание и перечень точек с подсказками, но маршрут (порядок решения задач) формируют самостоятельно. В кольцевых квестах команды стартуют с разных точек, которые будут для них же финишными [3].

Образовательный квест обычно включает введение (постановку задачи для участников квеста, характеристику их ролей); задания (сюжет квеста); порядок прохождения (правила, штрафы) и оценку (подведение итогов, призы, если таковые предусмотрены) [5].

Преподавателю, разрабатывающему занятие в форме квеста, необходимо определить его цели и задачи, описать целевую аудиторию и количество участников, составить сценарий квеста, найти помещение для его проведения и позаботиться о необхо-

димых ресурсах, по возможности пригласить помощников, назначить дату проведения квеста и мотивировать учащихся. При этом следует помнить, что для студентов, в отличие от преподавателя, приоритетной будет не обучающая, а развлекательная и релаксационная задачи. Другими словами, квест должен содержать интересную для участников задачу и понятные им роли.

При помощи квеста можно «обыграть» различные лексико-грамматические темы. Так, большой интерес у студентов подготовительного этапа обучения (уровень В1) вызывает образовательный квест для активизации употребления в речи глаголов движения с приставками.

Всем преподавателям русского языка как иностранного хорошо известно, что глаголы движения с приставками представляют собой определенную трудность для иностранных студентов. Обучающиеся должны усвоить разницу в значении глаголов, обозначающих разные типы движения (идти, бежать, ехать, лететь и т.д.; нести, везти и т.д.); знать особенности употребления глаголов НСВ и СВ (приходить – прийти); понимать значение глагольных приставок (приехать, уехать, въехать, выехать и т.д.); выучить правила глагольного управления. Зачастую основное препятствие к пониманию русских приставочных глаголов движения – отсутствие соответствующего представления (концепта) у иностранных студентов, а один из эффективных путей решения этой проблемы – его формирование путем «обыгрывания». В этом случае задействованными оказываются и слуховая, и зрительная, и моторная память. Занятие в форме квеста, предполагающего выполнение определенных инструкций, – один из самых эффективных, на наш взгляд, способов отработки и закрепления такой сложной лексико-грамматической темы, как глаголы движения с приставками. Ниже описание сюжета квеста и примеры заданий.

Задача для студентов-участников квеста может быть сформулирована так: «Найти похищенные ценности». Студенты будут выступать в роли детективов. Учебная задача квеста – отработка употребления в речи глаголов движения с приставками.

Это реальный краткосрочный моноквест. Его проведение занимает до полутора часов (10-12 заданий). Группу методом жеребьевки можно поделить на подгруппы. Преподаватель рассказывает студентам об основной задаче и определяет их роли. После этого студенты разгадывают ребусы (например, со словом «доска» для одной группы и словом «книга» для другой) и таким образом определяют, где искать карточки с первым заданием. Для получения каждой следующей карточки студентам также необходимо выполнять определенные задания (составить слова или предложения, вспомнить факты из истории России, расшифровать надписи и т.д.). Если в игре участвует несколько команд, лучше выбрать кольцевую структуру сюжета, то есть группы будут начинать с разных точек. В таком случае каждая группа будет работать самостоятельно. Все задания для студентов должны быть так или иначе связаны с выполнением действий, описанных глаголами движения с приставками (подойдите к железной двери, зайдите в аудиторию 102, обойдите спортивный зал справа и т.д.). Учебная задача квеста будет выполнена успешнее, если для его проведения студентам будет выделена определенная территория, по которой они смогут свободно перемещаться (разумеется, при наличии такой возможности). Преподавателю, составившему сценарий квеста, будет необходима помощь в его организации и проведении. Другие сотрудники образовательной организации могут выступить в роли участников квеста, с которыми студентам придется взаимодействовать, чтобы успешно пройти весь маршрут. Для членов команды-победителя, которая найдет «похищенные ценности» первой, желательно приготовить небольшие призы.

Практика показывает, что использование квестов в учебном процессе имеет как преимущества, так и недостатки. С одной стороны, квест как форма организации занятия позволяет студентам быть его активными участниками, взаимодействовать друг с другом, активизировать полученные в ходе обучения знания. Благодаря наличию сюжета и элементам ролевой игры квест, помимо учебной, выполняет релаксационную и развлекательную функции. Кроме того, квесты предоставляют широкие возможности для использования междисциплинарного подхода.

С другой стороны, стоит отметить трудоемкость подготовки занятия в форме квеста, а также необходимость использования большого количества дополнительных ресурсов.

В целом студенты с энтузиазмом участвуют в таких мероприятиях, как образовательный квест, поскольку подобная форма организации занятия позволяет снять напряжение, неизбежное при интенсивном обучении, способствует эмоциональному вовлечению студентов в процесс обучения и мотивирует их на дальнейшее изучение языка.

Библиографический список

1. Афанасьева Л.О., Поречная Е.А. Использование квест-технологий при проведении уроков в начальной школе // Школьные технологии. 2012. №6. С. 149-159.
2. Каравка А.А. Урок-квест как педагогическая информационная технология и дидактическая игра, направленная на овладение определенными компетенциями // Мир науки. 2015. №3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/45PDMN315.pdf> (Дата обращения: 28.04.2018).
3. Осяк С.А., Султанбекова С.С., Захарова Т.В., Яковлева Е.Н., Лобанова О.Б., Плеханова Е.М. Образовательный квест – современная интерактивная технология // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1-2. URL: <https://science-education.ru/pdf/2015/1-2/302.pdf> (Дата обращения: 28.04.2018).
4. Матвеева Н.В. Ролевая игра и веб-квест: новый взгляд на традиционный метод // Среднее профессиональное образование. 2014. №4. С. 45-47.
5. Кичерова М.Н., Ефимова Г.З. Образовательные квесты как креативная педагогическая технология для студентов нового поколения // Мир науки. 2016. Т. 4. №5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/28PDMN516.pdf> (Дата обращения: 28.04.2018).
6. Сокол И.Н. Классификация квестов // Молодой ученый. 2014. №6 (09). С. 138-140. URL: <http://molodyvcheny.in.ua/files/journal/2014/6/89.pdf> (Дата обращения: 28.04.2018).

References

1. Afanasyeva L. O., Porechnaya E. A. The usage of quest technologies while teaching in primary school // School technologies. 2012. Vol. 6. P. 149-159.
2. Karavka A. "Quest"-lesson as a pedagogical information technology and didactic game aimed at mastery of specific competencies // World of Science. 2015. Vol. 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/45PDMN315.pdf> (Date of access: 28.04.2018).
3. Oak S. A., Sultanbekova S. S., Zakharova T. V., Yakovlev E. N., Lobanova O. B., Plekhanov E. M. Educational quest – a modern interactive technology // Modern problems of science and education. 2015. Vol. 1-2. URL: <https://science-education.ru/pdf/2015/1-2/302.pdf> (Date of access: 28.04.2018).
4. Matveeva N. V. Role-play game and web-quest: a new glance on traditional method // Secondary vocational education. 2014. Vol. 4. P. 45-47.
5. Kicherova M. N., Efimova G. Z. Educational quests as a creative educational technology for students of new generation // World of science. 2016. Vol. 4. Part 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/28PDMN516.pdf> (Date of access: 28.04.2018).
6. Sokol I. N. The classification of quests // Young scientist. 2014. Vol. 6 (09). P. 138-140. URL: <http://molodyvcheny.in.ua/files/journal/2014/6/89.pdf> (Date of access: 28.04.2018).

УДК 37.026.9

*Общеобразовательная основная школа N11
имени В.Сарояна, г. Раздан
Филолог, учитель русского языка и лите-
ратуры
Жамгарян Н.Т.
Армения, г. Раздан, тел. +37493654777
e-mail: nona.zhamharyan@mail.ru*

*Secondary school N11 named after V. Sa-
royan in the city of Hrazdan
Philologist, teacher of Russian language
and literature
Zhamharyan N.T
Armenia, Razdan, +37493654777
e-mail: nona.zhamharyan@mail.ru*

Н.Т. Жамгарян

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ЭЛЕКТРОННЫХ ПОСОБИЙ) В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО (РКИ)

В статье рассматриваются возможности применения открытых онлайн-ресурсов по русскому языку в учебном процессе, что на сегодняшний день является одной из самых актуальных тем в методике преподавания русского языка как неродного. Продуктивными методами обучения являются применение информационно-компьютерных технологий, интерактивное обучение и метод дифференцированного подхода к учащимся в процессе обучения. Также приведены примеры использования элементов инновационных технологий в практической учебной деятельности. В статье затрагиваются методические вопросы, с какими сталкиваются преподаватели XXI века в связи с требованием использования новых компьютерных технологий, обсуждается проблема необходимости нетрадиционных методов преподавания, анализируются виды новых компьютерных технологий, варианты занятий с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также рассматривается электронное пособие, использование которого дает эффективный результат в процессе обучения. Автором изучены формы представления материала в современных пособиях. В статье рассмотрены коммуникативные преимущества электронных пособий в преподавании РКИ и способы применения данных пособий в активном процессе обучения. В ходе исследования выбраны несколько методов обучения разного типа, использование которых обеспечивает хороший результат для учащихся и педагога.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, автоматизирование, тренировочный блок, контролирующий блок, информативный блок, рецептивные навыки, интернет-ресурсы, электронные ресурсы, аудирование, познавательная сторона, современные технологии, методика преподавания, электронные пособия.

N.T. Zhamharyan

THE ROLE OF MODERN TECHNOLOGIES (ELECTRONIC BENEFITS) IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN

The article is devoted to the study and analysis of modern electronic resources in Russian language available on the internet. Productive methods of teaching use of information and computer technology, and the method of a differentiated approach to students in the learning process. The actual pedagogical problems are touched upon, what the teachers face in the 21st century in connection with the demand for the use of new computer technologies. Examples of the use of elements of innovative technologies in practical training activities are also given. The main purpose of the training material, its tasks. The subject of the need for non-traditional methods of teaching is being studied. Kinds of new computer technologies, variants of employment with use of information-communication technologies are analyzed. We consider an electronic manual, the use of which gives an effective result in the learning process as well as types and sections of electronic manuals, their structure. Two types of electronic benefits have been studied, their advantages when used in the learning process. The forms of presenting the material of modern manuals. The article discusses the communicative advantages of electronic manuals in the teaching of RCTs and ways to reconcile these benefits in an active learning process. In the course of the research, several teaching methods of various types have been identified, the use of which will provide a good result for students and teachers.

Key words: electronic textbook, electronic resource, multimedia technologies, interactive course, electronic manual, electronic resources, listening, cognitive side, modern technologies, teaching methods.

В наше время знание нескольких языков необходимо для каждого образованного человека. Естественно главной целью изучения иностранных языков являются коммуникативные умения и навыки, практическое владение иностранным языком. Использование новых компьютерных технологий, интернет-ресурсов является одним из самых эффективных способов обучения иностранному языку на сегодняшний день.

Русский язык является языком межнационального общения, он способствует общению к культуре других народов, создавая возможность общения людей разных национальностей. В педагогической деятельности определенное место занимает способность пробуждать у детей интерес к изучаемому предмету. Обучение не будет успешным, если оно оставляет ученика равнодушным.

Современный человек не представляет свою жизнь без информационных технологий. Существуют разные технологические новшества, использование которых стимулирует процесс обучения: электронные учебники, пособия, презентации, видеоролики, аудиокниги и т.д. Люди любят часами смотреть телевизор или сидеть перед компьютером. Так почему же не использовать данные увлечения, когда компьютерные технологии открывают перед нами большие возможности? С помощью современных технологий преподаватель сможет повысить качество обучения. Современный ученик лучше воспринимает информацию, которую видит с экрана монитора (проектора), чем бумажную версию. Очень эффективно периодически использовать на уроках видеоролики, презентации, аудиокниги, и другие электронные материалы. Говоря о преимуществах электронных пособий и учебников, надо отметить, что эти материалы являются ценными средствами в области образования.

Основная цель учебного материала, представленного в бумажном или электронном варианте, остается неизменной – способствовать приобретению учащимися новых знаний и навыков. Формы представления материала современных пособий существенно отличаются от традиционных учебных пособий. Рекомендуется использовать следующие варианты занятий с ИКТ (информационно-коммуникационные технологии)-поддержкой:

1. с мультимедийной поддержкой, например, демонстрации, презентации, видеоролики и др.;

2. с компьютерной поддержкой, когда компьютер используется студентами по цепочке или одновременно.

Во время занятий эффективно сопровождать задания с познавательными текстами и рисунками, чтобы учащиеся выполняли так же практические задания: контрольные работы, тренировочные упражнения и др.

Таким способом выявляется, насколько учащиеся усвоили учебный материал, какие знания они хорошо усвоили и где есть проблемы. Учащимся рекомендуется проходить тестирование по данному учебному материалу, что часто включают в себе современные пособия.

3. с использованием разных типов интернет-ресурсов.

Необходимо во время занятий использовать разнообразные электронные издания, например CD DVD носители в качестве методических материалов либо учебники, видеокурсы, пособия, так как использование таких материалов обогащает познавательную способность ученика. Уместно так же использование образовательных интернет ресурсов во время занятий в качестве подготовки к занятию и на других этапах занятий : вступительная беседа, закрепление, рефлексия и др..

4. занятия интерактивными методами: мультимедийная лекция, онлайн-тестирование экскурсия, познавательные фильмы или мультфильмы и др.

Один из качественных методов повышения уровня образования является использование педагога информационных технологий в качестве оценочной деятельности. Педагогу не затруднит в данном случае систематизировать, отслеживать и автоматизировать продуктивность процесса обучения с помощью разных типов задач, например: итоговые проверочные работы, тематические работы и др.

По мнению исследователей учебные издания в основном выполняют функции информационную, коммуникативную, развивающую, познавательную, организационную, воспитывающую и систематизирующую.

Учебные издания содержат редакторскую и авторскую обработку, анализ учебного материала. Они должны включать характеристики данной программы.

Учебные пособия в основном включают три блока: информативный (изучение нового материала), тренировочный (закрепление нового материала), и контролирующий (выявление приобретенных знаний и навыков).

Информативный блок – это лексические темы, их функционирование в речи. Некоторые составители электронных пособий утверждают, что в пособиях материал лучше представить в сжатой форме и подавать порционно, чтобы улучшить восприятие учащихся. Данный блок должен заканчиваться контрольным тестом или вопросами, списком ключевых слов, лексическим минимумом и т.п.

Тренировочный блок обычно предлагает тренировочные упражнения, закрепление изученного лексического материала и, самое главное, дает возможность самостоятельно исправить собственные ошибки, что способствует познавательной деятельности учащихся.

Контрольный блок включает контрольно-тестовую систему, задания для проверки приобретенных речевых умений и навыков в процессе обучения. В его состав входят автоматизированные тесты, которые выявляют итог процесса обучения [См.1 стр.38].

Объектом нашего изучения стал электронный материал по русскому языку, который находится в свободном доступе в сети интернет, – курс «Русская газета к утреннему кофе» (интерактивный курс РКИ, автор – Е.И.Бегенева). Рассмотренное электронное пособие может использоваться при обучении русскому языку как иностранному. В печатной версии пособия отражены взаимосвязанные виртуальные фрагменты интерактивного курса, с помощью чего педагог может переходить плавно с одного занятия на другую, а также учащиеся могут работать самостоятельно.

Первый модуль рассчитан на 6 месяцев обучения, то есть к курсу доступ открыт в этот период. Весь курс модулей насчитывается 475 разных уровней задания. Задания в «Русской газете...» разделяются на два типа: традиционные и открытые (отличаются отсутствием формализации и вариативности скомбинированных изображений с текстом), например, «Придумайте рекламу “Елисейскому” магазину» [2 урок, зад. 35]. Здесь звуковое сопровождение стимулирует развитию аудирования, а так же репродуктивное сочетается с артикуляционными тренингами. К репродуктивному относятся такие виды заданий, как проговорить концовки изученного материала, вспоминая его.

Как отмечает автор интерактивного курса, данные тренинги принадлежат к заданиям открытого типа и результаты не оцениваются системой, именно от преподавателя зависит, с какой долей энтузиазма студенты отнесутся к подобной работе и насколько она станет результативной [см. 2].

Каждое задание имеет свои конкретные условия выполнения, как, впрочем, и во многих других пособиях данного рода. Задания в данном пособии в основном разделяются на три типа. Первая группа – задания, где требуется творческий подход учащихся (рисунки, иллюстрации разных жанров и др.) Вторая группа заданий – разборочная, наблюдать, исправить, комментировать и др. Третья группа предлагает выполнение более сложных интеллектуальных задач, например: проанализируйте смысловые связи и заполните пропуски в интеллектуальной паутине.

В «Русской газете...» много тестов, которые завершаются видеороликом. Много и уместно использована рубрика творческой работы с видео. «Русская газета...» вводит с помощью видеоматериала культурологическую и лингвострановедческую информацию. В видеокolleкции <<Русской газеты...>> включается большое формально-содержательное разнообразие: видеодialogи, караоке, сюжетное прогнозирование, работа с экраном в режиме <<пауза>> [см.3].

Тексты в пособии подобраны для развития аналитического и просмотрового чтения. Работе с данными текстами посвящены 30 типов задания: вопросники, словники, информационные страницы, традиционный текст. С текстами большого объема работа выстраивается в зависимости того, какая цель представлена перед учащимся – просмотровое чтение или аналитика : вопросы в зал (выбирается ведущий, который задает аудитории заранее подготовленные вопросы из текста). Если ученик проходил все тренинговые задания и контрольный текст 100% то урок считается полностью усвоенным (если он не достигает 100, контрольный тест не открывается, результаты отражаются на экране). При соблюдении данных условий студент получает доступ к каждому новому уроку модуля [см.3].

Рассмотрим другое электронное пособие – «В Москву? В Москву!» (видеокурс и учебное пособие, авторы В.В.Частных Н.М. Богославская Ю.Ю. Тюрина, год выпуска 2017) для уровней А2, Б1. Пособие составлено из шести видеокурсов, каждый продолжением 10 минут. Пособие предлагает задания разных уровней сложности, развивая лексические и грамматические навыки учащихся с помощью аудирования. Учащиеся после просмотра видеоролика решают задания, относящиеся к данной теме, например, ЗАДАНИЕ 1. Посмотрите эпизод 1. Ответьте на вопросы [см.4], а также возможные варианты ответа. Работа такого рода развивает способствует развитию словарного запаса учащихся.

Следующий тип заданий плавно переходит к морфологическим и лексическим заданиям. Например, учащиеся должны написать местоимения в скобках в нужной форме, с помощью чего проверяется, насколько учащиеся усвоили материал и в какой степени они владеют знаниями по морфологии. Рубрика «С русскими на хорошем русском» рассматривает разные фразы, которые часто используют русские в разных жизненных ситуациях, обогащая, словарный запас иностранца и развивая коммуникативные навыки. В рубрике «Говорите по-русски правильно» учащиеся выполняют грамматические задания , восстанавливая фразы из фильма. Происходит развитие навыков выполнения разных грамматических задач и развитие быстрой ориентации в текстах на русском языке. Выполняемое задание закрепляется в памяти учащихся, так как они, кроме написания, видят и слышат данные фразы, например, ЗАДАНИЕ 7. Поставьте глаголы из скобок в нужную форму, чтобы восстановить фразы из фильма) [см.4].

Развитие коммуникативных способностей в пособии также обеспечивается: рубрика «Искусство перевода», где происходит переход с одного языка на другую, вследствие чего и происходит процесс усвоения иностранного языка. Звучание русского языка играет огромную роль в формировании правильного произношения. В пособии используется игровой метод обучения, например, верное утверждение необходимо подчеркнуть (0-нолик), а неверное (X-крестик), поскольку учащиеся часто используют эту игру. Пособие способствует формированию элементарных лексических, грамматических и фонетических навыков. Данное пособие является достаточно интересным, его можно использовать для изучения РКИ в любой стране. Пособие можно заказать онлайн.

Как видим, в интернете множество вариантов платных и бесплатных электронных пособий разных жанров. Следует изучать их структуру и привлекать их к нашим занятиям, ведь наука развивается и с каждым днем необходимы новые методы и виды организации эффективного процесса обучения. Электронные учебники иностранного

языка должны соответствовать наиболее существенным требованиям, которые вытекают из специфики учебного предмета << иностранный язык >>.

В ходе исследований мы пришли к выводу, что роль использования электронных пособий в преподавании русского языка как иностранного велика, так как современные технологии привлекают студента, обеспечивают более эффективный процесс обучения, расширяют кругозор. В XXI веке стремление к интенсификации и модернизации требует использования вышеуказанных инновационных технологий.

Библиографический список

1. Применение информационно-коммуникационных технологий в обучении студентов педагогического вуза // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. URL: https://books.google.am/books?id=-_ldAwAAQBAJ&pg=PA38&lpg=PA38&dq=контролирующий+блок+электронных+учебников+Алипханова+Ф.Н. (Дата обращения: 19.02.2018).

2. Бегенева Е.И. Смешанная модель обучения в преподавании языка (на примере интерактивного курса РКИ «Русская газета к утреннему кофе»). Научный вестник Воронежского государственного университета. Серии современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Вып. N 2 (14). Воронеж 2010. С.137-145. URL: www.class.org/contents.php?id=40&lng=1 (Дата обращения 18.02.2018).

3. Журнал «Русский язык в Армении» N2/2015 (стр.14-22) Г.Р.Саркисян ЕГУЯСН им. В. Брюсова ст. «К вопросу о месте современных электронных пособий в преподавании русского языка как иностранного» (Дата обращения 20.02.2018).

4. «В Москву? В Москву!» видеокурс и учебное пособие авторы В.В. Частных Н.М. Богославская Ю.Ю. Тюрина, (год выпуска 2017) (стр. 28, 60, 61, 90, 91, 110, 111) (Дата обращения 5.04.2018).

References

1. Alipkhanova FN Application of information and communication technologies in the teaching of students of a pedagogical university // Bulletin of the University (State University of Management). 2014. URL: https://books.google.am/books?id=-_ldAwAAQBAJ&pg=PA38&lpg=PA38&dq=controlling+blocking+electronic+training+units. (Date of access: 19.02.2018).

2. Begeneva E.I. The mixed model of teaching in language teaching (on the example of the interactive course of the Russian Newspaper for the Morning Coffee.) The Scientific Herald of the Voronezh State University The series of modern linguistic and methodological and didactic studies. N 2 (14). Voronezh 2010. P.137-145. Access mode: www/class.org/contents.php?Id=40&lng=1. (Date of access: 19.02.2018).

3. Magazine << Russian language in Armenia >> N2 / 2015 (p.14-22) GR Sargsyan EHUYASN im.V. Bryusova st. << On the issue of the place of modern electronic manuals in the teaching of Russian as a foreign language >>. (Date of access: 19.02.2018).

4. To Moscow? To Moscow! >> video-tutorial and tutorial authors V.V. Private NM. Bogoslavskaya Yu.Yu. Tyurina. (Date of access: 19.02.2018).

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 882

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации,
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(4732)71-50-48;
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and intercultural communication,
PhD, associate professor
Voronova T.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

Т.А. Воронова

БЕЛЫЙ ЦВЕТ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ПАЛИТРЕ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО

Данная статья посвящена анализу цветовой лексики в лирике Арсения Тарковского, в частности, поэтическим и контекстуальным значениям прилагательного «белый». Актуальность представленного исследования не вызывает сомнений, так как поэтическое творчество Арсения Тарковского на данный момент недостаточно исследовано в этом аспекте. В статье приводится частотность употребления автором леммы «белый» (в том числе и во фразеологических единицах), указываются значения, которые она развивает в поэтических текстах Тарковского. Подчеркивается, что число контекстуальных смыслов описываемого слова значительно превышает количество общеязыковых, обозначенных в нормативном толковом словаре, так как в художественном тексте мы имеем дело с большим количеством семантических «приращений». В статье приводятся примеры употребления прилагательного «белый» в таких дополнительных значениях, как «светлый», «счастливый», «дневной», «бесцветный», «символизирующий смерть», «чистый и невинный», «притворно невинный» и другие. Некоторые значения связаны друг с другом по ряду семантических признаков, другие представляют собой внутренние антонимы. Учитывая частотность употребления и семантическую «развитость» прилагательного «белый», можно сделать вывод о том, что оно является одним из ключевых в поэтической системе Арсения Тарковского.

Ключевые слова: Арсений Тарковский, цветовая лексика, цветовая символика, белый цвет, поэтический текст, семантическое приращение, общеязыковое значение слова.

T.A. Voronova

WHITE COLOUR IN THE POETIC VOCABULARY OF ARSENY TARKOVSKY

The present article is devoted to the analysis of colour lexis in Arseny Tarkovsky's verse, especially to the poetic and contextual meanings of the adjective 'white'. The relevance of the presented research is beyond doubts because Tarkovsky's verse is not studied enough in this aspect. In the article we give the frequency of the adjective 'white' (including its usage in idioms) and point out the meanings developed by this word in Tarkovsky's poetic texts. It is emphasized that the number of contextual meanings substantially exceeds the one of common language meanings marked in the normative explanatory dictionary because artistic text deals with a

lot of semantic expansions. The article demonstrates such additional meanings of the adjective 'white' as 'light', 'blissful', 'colourless', 'symbolizing death', 'pure and innocent', 'falsely innocent' etc. Some meanings are interconnected through a number of semantic traits; others are inner antonyms. Taking into account the frequency of the adjective 'white' and its semantic development, we can conclude that this is one of the key words in the poetic vocabulary of Arseny Tarkovsky.

Key words: Arseny Tarkovsky, colour lexis, colour symbolic, white colour, poetic text, semantic expansion, common language meaning of the word.

Цветовая лексика представляет собой один из тех словесных пластов поэтического текста, которые всегда привлекают внимание и читателей, и исследователей. Символика того или иного цвета, общекультурные или индивидуально-авторские ассоциации, с ним связанные, – все это углубляет и обогащает семантическое содержание стихотворного произведения. В этом отношении белый цвет является одним из основных и наиболее частотных. Таковым он является и в поэтическом лексиконе Арсения Тарковского, чье творчество на данный момент недостаточно исследовано в этом аспекте.

И. Захариева справедливо замечает: «Белый цвет доминирует в стихах Тарковского» [1; с. 31]. Прежде всего следует отметить высокую частотность данной лексемы: по данным «Словаря лирики Арсения Тарковского», в одних только свободных словосочетаниях оно употреблено поэтом 52 раза [2; с. 45]. Кроме того, лексема «белый» в поэзии Тарковского занимает одно из первых мест по количеству фразеологических единиц, в состав которых оно входит; причем список этот составляют как общеязыковые фразеологизмы (*белые руки, белый свет, белый день*), так и индивидуально-авторские (*белая круговерть, белый покров, белый огонь*). Наконец, количество оттенков значения, развиваемых прилагательным «белый» в текстах Тарковского, также высоко: «Словарь лирики Арсения Тарковского» насчитывает их 16 [2; с. 46]. Для сравнения: в «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой указывает всего лишь 5 значений рассматриваемого слова [3; с. 40], причем совпадений между нормативным толковым словарем и словарем писательским обнаруживается крайне мало. Данный факт вполне объясним, так как в поэтическом тексте мы сталкиваемся с большим числом семантических «приращений», не совпадающих с общеязыковыми значениями лексической единицы; именно в художественном тексте слово раскрывается наиболее полно.

Обратимся к значениям прилагательного «белый» в лирике Арсения Тарковского. В основном общеязыковом значении – «цвет снега или мела» [3; с. 40] – оно употребляется поэтом «по максимуму»: 26 раз в 18 стихотворениях, среди которых – такие «программные» произведения Тарковского, как «25 июня 1939 года», «Ялик», «Мартовский снег», «Первая гроза», «Я в детстве заболел...», «Плыл вниз от Юрьевца по Волге звон пасхальный...» и др. Отметим и единичные примеры употребления лексемы «белый» в значении «сорт» (хлеба или вина): «*И белый хлеб в руках несет*» [4]; «*На свадьбах пили белое вино*» [4]. Однако на этом совпадении с общеязыковыми смыслами заканчивается.

Так, одно из толкований данного слова – «светлый» – приобретает в ряде контекстов более узкое значение «озаренный светом», «полный света». У этого значения возникает важная дополнительная коннотация – «счастливый»: «*С тобою белый день белее, А ночью белого белей Свободно плещут крылья феи В блаженной комнате моей*» [4]. Примечательно, что именно в белый цвет «окрашиваются» в стихотворных произведениях Тарковского детские воспоминания («*Душу, вспыхнувшую на лету...*», «*Я в детстве заболел...*», «*Ничего на свете нет...*»).

В данном значении прилагательное «белый» входит и в состав контекстно-индивидуального фразеологизма «белый-белый день», трактуемого как «символ детства»

ва, счастливого и гармоничного времени» [2; с. 46]. Указанный смысл не ускользнул от внимания исследователей: «Воспоминание о невозвратном ослепительном времени помечено удвоенным световым эпитетом: «Белый-белый день». <...> Погруженность в «белый день» — символизация счастливого состояния человека, дух которого еще не познал жизненных невзгод. Сам по себе *белый цвет* означает интенсивную *освещенность* пространства, что и вызывает подъем авторских эмоций» [1; с. 29]. Выявленное символическое значение подчеркивается и за счет соседства близких по смыслу цветочных прилагательных – «молочный» и «серебристый» [5; с. 38], [1; с. 29]: «*Отец стоит на дорожке. Белый-белый день. В цвету серебристый тополь, Цentifолия, а за ней – Вьющиеся розы, Молочная трава*» [4].

К толкованию «белый = светлый» вполне логично приближается и значение – «дневной», то есть озаренный дневным светом и противоположный ночной темноте: «*Еще мы в пещере костра не зажгли И мамонтов не рисовали, Ни белого неба, ни черной земли Богами еще не назвали*» [4]. В другом контексте мы встречаемся с более сложной семантической картиной: «белый» = «озаренный дневным светом и солнцем» = «очень светлый от солнечного света и сухой от солнечного тепла» («*Что мне оставили ранние годы, Ранние годы – лучистые воды, Белый песок да степная трава – Горькая, звонкая, злая, сухая...*» [4]. Еще одно значение слова «белый», близкое перечисленным выше, – «яркий, ослепляющий»: «*Мокрый, мертвый, лежит он в ложбинке, Будто битая птица в корзинке. <...> В белых молниях труп офицера*» [4].

В то же время в ряде текстов Тарковского прилагательное «белый» может означать «отсутствие цвета вообще»: «*Ровный белый небосвод, И на зелени прибрежной Белый сумрачный налет, Слово жребий неизбежный*» [4]. В приведенном примере «белый = бесцветный» может пониматься как «говорящий о пасмурной погоде»; однако в других контекстах значение «бесцветный» перерастает в «безжизненный»: в уже процитированном отрывке непривычное сочетание слова «белый» и эпитета «сумрачный» говорит само за себя.

Более того, белый цвет в лирике Тарковского не единожды становится ассоциацией с чем-то неживым и даже символизирует смерть: «*Ты – бедный мальчик сумасшедший, С каких-то белых похорон На пиршество друзей приведший Колоколов прощальный звон*» [4]; «*По такому белому снегу Белый ангел альфу-омегу Мог бы крыльями написать И лебяжью смертную негу Ниспослать мне, как благодать*» [4]. Можно предположить, что настоящее значение является скрытой ассоциацией с цветом погребального покрывала или простыни, в которую заворачивают умершего: не случайно выражение «ты в белом спишь» повторяется у Тарковского в ряде текстов. Возможна реконструкция и более традиционной ассоциативной картины: белый цвет связан в сознании автора со снегом и зимой как с окончанием года, временным умиранием природы, которое воспринимается как символ конца человеческой жизни. Отчасти здесь можно увидеть и некие параллели с траурной символикой белого цвета в ряде восточных культур («Белый – это цвет, связанный со старостью, осенью, увяданием, т.е. завершение цикла и выходом за грань мира. Поэтому белый цвет в одежде означает траур, и подчеркивает значение предметов как связанных с похоронами» [6]). Однако применительно к поэзии Тарковского это совпадение едва ли можно считать системным и авторски осознанным.

Нельзя не отметить, что данное значение в определенном отношении является антонимичным первому из указанных нами: «белый» = «полный света, ассоциирующийся с началом жизни» и «белый» = «безжизненный, символизирующий смерть». Развитие внутренней антонимии у ключевой, наиболее частотной, организующей поэтическое пространство лексики – одна из характерных черт поэтической системы Арсения Тар-

ковского, о которой уже говорилось в одной из наших предыдущих работ: «Ряд ключевых лексических единиц в поэзии А. Тарковского приобретает в различных контекстах противоположные оттенки смысла, причем данное явление носит отнюдь не единичный характер», отражая таким образом «символично-смысловую сложность лирики А. Тарковского и в некотором смысле авторское мировоззрение» [7; с. 31].

Что касается других случаев использования Тарковским прилагательного «белый» именно в символическом значении, то здесь поэт не выходит из традиционных культурных рамок: «белый» нередко может быть истолкован как «чистый, невинный, безгрешный» («Он, как **белый** голубь, дышит В колыбели лубяной» [4]) или «святой, незапятнанный» («Под небом северным стою Пред **белой**, бледной, непокорной Твоею высотой горной <...> В твоём грядущем, как в раю» [4]). В этом отношении будет интересным пример из стихотворения «Солдат», в котором традиционная символика белого цвета обыгрывается в ироническом ключе и приобретает несколько иной оттенок значения – «якобы невинный», «притворно невинный», «соблазняющий кажущейся невинностью»: «Как будто и напрашивается, Как будто издевается; А глянул – прихорашивается И в ситец одевается. Походкою несмелою Выходит павой **белюю**» [4].

Наконец, в ряде поэтических текстов Тарковского мы обнаруживаем своего рода метонимический перенос значения анализируемого прилагательного, когда слово «белый» означает «ставший белым в результате чего-либо». Так, в стихотворении «После бомбежки» данная лексическая единица употреблена в значении «седой» или «поседевший»: «Наружу сунул бороду чуть свет Из погреба на волю **белый** дед В холстине рваной, праздничной когда-то» [4]. В стихотворных циклах, посвященных памяти Н.А. Заболоцкого и А.А. Ахматовой, эпитет «белый» превращается в контекстуальный синоним слова «снежный» или же приобретает добавочный оттенок – «засыпанный снегом»: «Венков еловых птичьих лапки В снегу остались от живых. Твоя могила в **белой** шапке, Как царь, проходит мимо них» [4]; «**Белые** сосны поют: – Аминь! Мой голубь – твоя рука» [4].

Наконец, в наиболее сложном, с нашей точки зрения, случае переноса значения слово «белый» может быть истолковано как «слепой», «ослепший» или даже «невидящий»: «Бредем, теряя кромку круга И спотыкаясь о гроба. Не видно месяца над нами, В сугробах вязнут костыли, И души **белыми** глазами Глядят вослед поверх земли» [4]. Настоящий отрывок заслуживает, на наш взгляд, более пристального внимания, так как его истолкование требует «вскрытия» довольно непростой ассоциативной схемы. «Белыми» (то есть невидящими) глазами может «смотреть» античная статуя. Упоминание в тексте стихотворения «гробов» (иными словами, могил) и «каменной стены» приводит к мысли о том, что «души» – не что иное, как могильные памятники, высеченные из белого мрамора (и вдобавок усыпанные снегом). В итоге образность всего текста в целом приобретает черты «кладбища воспоминаний», сопровождающего «жизненную зиму» (отсюда и выбор названия – «Зимой»).

Подведем итоги нашего исследования. Белый цвет действительно является одним из первостепенных в поэтической палитре Арсения Тарковского; об этом свидетельствует и высокая частотность использования анализируемой лексической единицы, и ее семантическая «разветвленность», и развитие у данного слова внутренней антонимии (впрочем, заметим в скобках, что употребление прилагательного в рассмотренных нами «смещенных» значениях не составляет значительного числа примеров). Все вышеперечисленное характерно именно для ключевых лексических единиц в лирике Арсения Тарковского; таким образом, мы имеем дело с проявлением целостной поэтической системы.

Библиографический список

1. Захариева И. Цветовые эффекты в лирике Арсения Тарковского // Opera Slavica. XXIV (3). 2014. С. 27 – 36.
2. Воронова Т.А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Часть I (А-Йота). Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2004. 296 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
4. Тарковский А.А. Собрание сочинений в 3 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1, 2.
5. Резниченко Н. «От земли до высокой звезды»: Мифопоэтика Арсения Тарковского. Нежин – Киев, 2014. 272 с.
6. Символика цвета в китайской культуре. URL: www.color-harmony.livejournal.com (Дата обращения: 15.04.2018).
7. Воронова Т.А. Лексическая семантика как отражение мифа в поэзии Арсения Тарковского // Язык как средство формирования интернациональной ментальности. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2007. С. 28 – 32.

References

1. Zakhariyeva I. Colour effects in lyrics by Arseny Tarkovsky // Opera Slavica. XXIV (3). 2014. P. 27 – 36.
2. Voronova T.A. Vocabulary of Arseny Tarkovsky's verse. Part I. Voronezh, 2004. 296 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of Russian language. Moscow, 1994. 928 p.
4. Tarkovsky A.A. Completed works in 3 vol. Moscow, 1991. Vol 1, 2.
5. Reznichenko N. "From the earth to the highest star": Mythological poetics of Arseny Tarkovsky. Nezhin – Kiev, 2014. 272 p.
6. Colour symbolic in Chinese culture. URL: www.color-harmony.livejournal.com (Date of access: 15.04.2018).
7. Voronova T.A. Lexical semantic as the reflection of the myth in Arseny Tarkovsky's poetry // Language as a means of international mentality formation. Lipetsk: Lipetsk State Teaching University, 2007. P. 28 – 32.

УДК 821.161.1.0

*Воронежский государственный университет
канд. филол. наук, доцент кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы
Ларин С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-908-135-54-78
e-mail: larin-s@yandex.ru*

*Voronezh State University
The chair of history and typology
of Russian and foreign literature
PhD, associate professor
Larin S.A.
Russia, Voronezh, 8-908-135-54-78
e-mail: larin-s@yandex.ru*

*Воронежский государственный университет
магистр кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы
Филатова Д.А.
Россия, г. Воронеж
e-mail: filatova-darya2004@yandex.ru*

*Voronezh State University
The chair of history and typology
of Russian and foreign literature
Master student
Filatova D.A.
Russia, Voronezh
e-mail: filatova-darya2004@yandex.ru*

С.А. Ларин, Д.А. Филатова

ЛАРИСА ОГУДАЛОВА И ЮЛИЙ КАПИТОНОВИЧ КАРАНДЫШЕВ: НЕРАВНЫЙ БРАК И ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

В статье анализируются отношения главной героини пьесы Островского «Бесприданница» и ее жениха, бедного чиновника Карандышева. При этом особое внимание уделяется специфике их коммуникативного поведения. Уже в самом начале пьесы Островский показывает, что между героями холодные, едва ли не враждебные отношения: диалоги окрашены желчью, иронией и сарказмом. «Вдохновителем» общения в большинстве случаев является Карандышев. Его речь наполнена претензиями, обидами, обвинениями. Однако почти всегда инициатива переходит к Ларисе, которой удается не просто управлять коммуникацией, но и доминировать, одерживать победу. Островский подчеркивает, что в процессе общения Карандышев совершенно не использует аргументы и те преимущества, которые у него, казалось бы, есть. В результате он оказывается жертвой агрессивной коммуникативной позиции своей невесты, ее матери, Паратова и других более «решительных» персонажей пьесы. Главной причиной такого поведения героя является его зависимость от невесты, боязнь потерять «привилегии», которые он надеется получить, женившись на «первой красавице» Бряхимова. Закономерно, что такая конфликтная коммуникация не позволяет героям выстраивать продуктивное, эффективное общение и, в конечном счете, приводит к драматической развязке: не просто становится невозможным их брак, но один из любовников должен погибнуть.

Ключевые слова: «Бесприданница», драматургия, А.Н. Островский, коммуникативное поведение, матримонимальные мотивы, суицид.

S.A. Larin, D.A. Filatova

LARISA OGUDALOVA AND JULIUS KAPITONOVICH KARANDYSHEV: UNEQUAL MARRIAGE AND COMMUNICATION PROBLEMS

The article analyzes the relationship between the main character of Ostrovsky's play «A girl without dowry» and her fiancée, the poor official Karandyshev. Special attention is paid to the peculiarities of their communicative behavior. Yet at the very beginning of the play Ostrovsky shows that relationships between the charac-

ters are cold, almost hostile: the dialogues are painted with bile, irony and sarcasm. The «inspirer» of communication in most cases is Karandyshev. His speech is filled with claims, grievances, accusations. However, the initiative always passes to Larissa, who manages not only to rule the communication, but also to dominate, to win. Ostrovsky emphasizes that in the process of communicating Karandyshev absolutely does not use the reasons and the advantages that he seemingly has. As a result, he is a victim of the aggressive communicative position of his bride, her mother, Paratov and other more «decisive» characters of the play. The main reason for such behavior of the character is its dependence on the bride, the fear of losing the benefits that he hopes to get married to «the first beauty» of Bryahimov. Naturally, such a conflict does not allow the heroes to build a productive, effective communication and, ultimately, leads to a dramatic outcome: not just becomes impossible their marriage, but one of the lovers must die.

Key words: «A girl without dowry », drama, A.N. Ostrovsky, communicative behavior, matrimonial motives, suicide.

Тема брака и брачных отношений является едва ли не главной в творчестве Островского [1]. Не случайно в заглавиях целого ряда пьес драматурга мы встречаем матримониальную семантику: «Семейная картина», «Бедная невеста», «Воспитанница», «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзаминова)», «Богатые невесты», «Женитьба Белугина». С особой интенсивностью «брачные» мотивы обнаруживают себя в драме «Бесприданница», посвященной истории несчастной любви и трагической гибели Ларисы Огудаловой, застреленной небогатым чиновником Карандышевым.

Три года Карандышев являлся «посетителем» дома Огудаловых и не скрывал своей симпатии к Ларисе, однако девушка не отвечала взаимностью невзрачному чиновнику, который совершенно терялся на фоне *блестящих* женихов и гостей дома.

Лариса соглашается на брак с Карандышевым, утратив надежду на то, что сможет соединить свою жизнь с достойным и любимым, *идеальным* мужчиной, и решив разорвать порочный круг *цыганской* жизни, который держал ее в плену долгое время.

Однако, согласившись на брак с Карандышевым, Лариса не смогла внезапно полюбить его. Она не скрывает, что чиновник для нее лишь «соломинка, за которую хватается утопающий» [2, с. 37].

Брак для Ларисы – возможность решительно изменить свой образ жизни, для Карандышева – шанс встать на новую дорогу, повысить свой социальный статус. Неудивительно, что отношения между женихом и невестой очень далеки от идеальных. И это Островский показывает читателям открыто уже в сцене первого появления героев в пьесе (4 явление 1 действия).

Молодые люди говорят и не понимают друг друга, словно между ними существует стена, преодолеть которую невозможно. Карандышев практически не слушает Ларису, никак не реагирует на ее просьбы и пожелания, а кроме того, часто задает ей провокационные вопросы, мучает своей ревностью.

Лариса просит жениха как можно скорее уехать в деревню, где она надеется обрести покой и укрыться от преследующих ее слухов, но Карандышев не соглашается, а, напротив, охваченный ревнивым любопытством, спешит узнать подробности ее разговора с Вожеватовым, с которым они случайно встретились во время прогулки. Б.О. Костелянец указывает на тотальную «глухоту», существующую в отношениях между героями: «Лариса – про Волгу, Карандышев – про Вожеватова. Карандышева не интересуют ни мысли, ни чувства, ни стремления Ларисы, выражаемые и этим ее напряженным “смотрением”, и ее высказыванием. И чем более назойливо он выпытывает то, что Лариса называет “пустяками какими-то”, тем резче становится ее отношение к нему» [3, с. 420]).

Кажется, что Карандышев просто ревнует невесту к Вожеватову как наиболее опасному своему конкуренту [4]. Не случайно оба персонажа названы в пьесе «моло-

дыми людьми».

Однако дальнейшее поведение Карандышева скорее свидетельствует о другом. Он постоянно стремится оказаться в центре внимания, хочет заставить говорить о себе. Можно предположить, что Карандышев надеется на то, что он сам наконец-то стал (хотя бы и косвенно) темой для разговора. Ведь предстоящая свадьба Ларисы произвела большое впечатление на всех *известных людей* города Бряхимова.

Лариса не позволяет Карандышеву занять доминирующую позицию. Она грубит и манипулирует, а иногда и просто открыто унижает жениха, заставляет говорить «сквозь слезы»: «Ах, да об чем бы он [Вожеватов. – С. Л., Д. Ф.] ни говорил, – что вам за дело! <...> Если бы я не искала тишины, уединения, не захотела бежать от людей – разве бы я пошла за вас? Так умейте это понять и не приписывайте моего выбора своим достоинствам, я их еще не вижу. Я еще только хочу полюбить вас; меня манит скромная семейная жизнь, она мне кажется каким-то раем. Вы видите, я стою на распутии; поддержите меня, мне нужно ободрение, сочувствие; отнеситесь ко мне нежно, с лаской! Ловите эти минуты, не пропустите их! <...> Надо думать, о чем говоришь. Болтайте с другими, если вам нравится, а со мной говорите осторожнее!» [2, с. 20–21].

Общение между потенциальными супругами превращается в постоянное соперничество, в котором каждый из них хочет не просто доказать свою правоту или переубедить собеседника, но самоутвердиться за счет другого. И поводы для конфликтного общения постоянно находятся.

Карандышев хочет добиться признания своих заслуг, доказать Ларисе, что она сделала правильный выбор и он нисколько не уступает ее бывшему «фавориту»: «Ну чем я хуже Паратова? <...> ...мне бы интересно было слышать от вас. <...> Ведь это только слова: нужны доказательства. Вы разберите нас хорошенько! <...> » [2, с. 22].

Лариса всё еще во власти грез и воспоминаний, которые беспрестанно обращают её в прошлое, держат ее в сладком плену, не позволяют трезво посмотреть на окружающий ее мир, на реальное положение дел: «Сами по себе вы что-нибудь значите, вы хороший, честный человек; но от сравнения с Сергеем Сергеичем вы теряете все. <...> С кем вы равняетесь! Возможно ли такое ослепление! Сергей Сергеич... это идеал мужчины. Вы понимаете, что такое идеал?» [2, с. 22].

Однако общение героев ни к чему не приводит – каждый из них сохраняет свой взгляд на происходящее, каждый из них неспособен изменить или хотя бы просто скорректировать свою точку зрения. Характерны в связи с этим размышления Ларисы, впервые – после того как ее повторно обманывает и бросает Паратов – всерьез задумавшейся о своем будущем. Героиня напряженно думает о том, что с ней произошло, представляет себе различные варианты своего будущего, размышляет даже о самоубийстве, но при этом у нее даже не возникает мысли о том, что она как-то оскорбила Карандышева, навсегда испортила ему репутацию, сбежав от жениха накануне свадьбы: «Я давеча смотрела вниз через решетку, у меня закружилась голова, и я чуть не упала. А если упасть, так, говорят... верная смерть. (Подумаю.) Вот хорошо бы броситься!.. Нет, зачем бросаться!.. <...> Расставаться с жизнью совсем не так просто, как я думала. Вот и нет сил! Вот я какая несчастная! <...> Что ж я не решаюсь? Что меня держит над этой пропастью? Что мешает? (Задумывается.) <...> Просто решимости не имею. Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня убил кто-нибудь... Как хорошо умереть... пока еще упрекнуть себя не в чем. Или захворать и умереть...» [2, с. 78].

Лариса, как и все ее приятели-поклонники, не считает Карандышева выгодной для себя партией. Накануне свадьбы она едва ли не открыто признается Карандышеву в том, что не любит его и никогда не сможет полюбить. Поэтому ей было легко предать своего нерадивого жениха, сбежав с его соперником [5, с. 236]. Но предательство Лари-

са совершает даже не в тот момент, когда, разгоряченная собственным пением, комплиментами «благодарных» слушателей и лестью Паратова, соглашается отправиться с *господами* на пикник. Лариса обманула доверие героя, безответно поверившего ей, доверившего свою честь, свое счастье. В этом смысле Лариса сближается с Паратовым, с его иудиним поцелуем.

Перелом в сознании Ларисы возникает во время торжественного обеда, устроенного Карандышевым по случаю помолвки. Увидев бедность будущего мужа, мещанскую обстановку [6], в которой ей в скором времени придется жить, Лариса возненавидела себя за то, что согласилась на этот брак, однако предпочла перенести весь свой гнев на жениха. Поэтому и в совершенно безобразной сцене «опаивания» Карандышева она увидела не поступок низких людей, использующих свою силу и хитрость против того, кто перед ними совершенно беззащитен, – мотив, неоднократно встречающийся в русской литературе XIX века [7; 8]. Лариса обвиняет во всем произошедшем Карандышева, который, по ее мнению, виновен в том, что не сумел защитить себя, готов терпеть унижения.

Второй и последний раз между Карандышевым и Ларисой происходит диалог-состязание в конце драмы (11 явление 4 действия). Основные мотивы, сопровождающие их общение на протяжении всей пьесы, при этом сохраняются. Только усиливается напряжение, связанное с неприятием сложившейся ситуации обоими героями.

Карандышев ждет, что Лариса раскается за совершенный ею поступок, а он сможет «наказать» и простить ветреную невесту. Карандышев хочет выступить одновременно и судьей, и палачом, и защитником, и спасителем Ларисы.

Но Лариса уже получила выгодное предложение от Кнурова [4], которое, как она может догадаться, вполне устраивает ее мать и соответствует ее личным склонностям и сформированным за долгие годы пребывания «в цыганском таборе» привычкам [9]. Поэтому появление Карандышева героиня воспринимает крайне негативно, ведь чиновник напоминает ей о ее поступке, о ее выборе, не оправдавшем ожидания героини.

Лариса старается избавиться от Карандышева, использует привычные коммуникативные приемы: «Как вы мне противны, кабы вы знали! Зачем вы здесь? <...> Для меня самое тяжкое оскорбление – это ваше покровительство; ни от кого и никаких других оскорблений мне не было. <...> ... я слишком, слишком дорога для вас. <...> Вы мне прощаете? Благодарю вас. Только я-то себе не прощаю, что вздумала связать судьбу свою с таким ничтожеством, как вы. <...> Подите, вы слишком мелки, слишком ничтожны для меня» [2, с. 80].

Карандышев не может отпустить Ларису к Кнурову, поэтому игнорирует все оскорбления, все унижения, которые позволяет себе его бывшая невеста. Однако, осознав, что Лариса всерьез готова продать себя, Карандышев совершает роковой выстрел и тем самым ставит точку в их затянувшемся споре.

На протяжении всей пьесы Островский показывает, что Карандышев и Лариса совершенно неспособны понять друг друга. И это происходит не только потому, что герои принадлежат к разным культурам [6] – просто они слишком похожи, и, оказавшись во враждебном окружении, не смогли противостоять угрозе, исходящей из внешнего мира.

Не случайно Островский постоянно указывает на сходство Карандышева и Ларисы, на то, что сближает героев, делает их похожими. Они одинаково требовательны и к миру, и к людям. Герои не хотят идти на компромиссы, уступать миру, и в результате становятся его жертвами. Поэтому, как подчеркивает драматург, их отношения изначально были обречены на неудачу.

Библиографический список

1. Андреев М.Л. Метасюжет в театре Островского. М., 1995. 28 с.
2. Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 12 томах. М.: Искусство, 1975. Т. 5. 548 с.
3. Костелянец Б.О. Драма и действие. Лекции по теории драмы. М.: Совпадение, 2007. 504 с.
4. Немцев В.И. Женихи бесприданницы, или наследие Кнурова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 107–118.
5. Отрадин М.В. «Бесприданница» А.Н. Островского // Анализ драматического произведения: межвузовский сборник. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. С. 226–243.
6. Ермолаева Н.Л. О художественной антропологии в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» // А.Н. Островский в новом тысячелетии: материалы научно-практической конференции. Кострома: Промдизайн-М, 2003. 125–131 с.
7. Ларин С.А. Алкогольный код в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Литература XI–XXI вв. Национально-художественное мышление и картина мира. Ульяновск, 2006. С. 365–371.
8. Ларин С.А. «Щенком изволил бранить...» (о «собачьих» мотивах в романе И.А. Гончарова «Обломов») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 5. С. 96–103.
9. Филатова Д.А., Ларин С.А. «В цыганском таборе...»: мать и дочь в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» // Казанская наука. 2018. № 4. С. 25–27.

References

1. Andreev M.L. Metaplot in the theater of Ostrovsky. Moscow, 1995. 28 p.
2. Ostrovsky A.N. Complete works in 12 volumes. Moscow, 1975. Vol. 5. 548 p.
3. Kostelyanets B.O. Drama and action. Lectures on the theory of drama. Moscow, 2007. 504 p.
4. Nemtsev V.I. Grooms of the bride without dowry, or the heritage of Knurov // News of Volgograd State Pedagogical University. 2005. № 3. P. 107–118.
5. Otradin M.V. «A girl without dowry» by A.N. Ostrovsky // Analysis of dramatic works: the interuniversity collection. Leningrad University Press, 1988. P. 226–243.
6. Ermolaeva N.L. On artistic anthropology in the play by A.N. Ostrovsky «A girl without dowry» // A.N. Ostrovsky in the new Millennium: materials of scientific and practical conference. Kostroma, 2003. P. 125–131.
7. Larin S.A. Alcohol code in the novel «Oblomov» by I.A. Goncharov // Literature of XI–XXI centuries. National artistic thinking and world picture. Ulyanovsk, 2006. P. 365–371.
8. Larin S.A. «He called me a puppy!» (About «dog» motives in the novel «Oblomov» by I.A. Goncharov) // Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2010. № 5. P. 96–103.
9. Filatova D.A., Larin S.A. «In the Gypsy camp...»: mother and daughter in the play by A.N. Ostrovsky «A girl without dowry» // Kazan science. 2018. № 4. P. 25–27.

УДК 81373.45

*Автономная некоммерческая организация
высшего образования «Международный ин-
ститут менеджмента ЛИНК»
преподаватель Исаева А.В.
Россия, Московская область, г. Жуковский
+7(916)634-65-92
e-mail: siannais@rambler.ru*

*International Institute of Management LINK
Teacher Isaeva A.V.
Russia, Moscow region, Zhukovsky
+7(916)634-65-92
e-mail: siannais@rambler.ru*

А.В. Исаева

ИСПАНИЗМЫ В РОМАНЕ ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ «ФИЕСТА (И ВОСХОДИТ СОЛНЦЕ)»

Займствование – это слово, взятое напрямую из одного языка и культуры в другой язык и культуру, с полной или частичной адаптацией к последним. Несмотря на то, что заимствования в норме не так многочисленны, как слова родного языка, они часто служат определенным лингвокультурным целям. В некоторых случаях само название уже существует в иностранной культуре, его используют носители другого языка, таким образом указывая на то, что явление уникально и не имеет аналогов. Самым простым способом передачи понятия в таком случае становится заимствование данного слова из другого языка, что влечет за собой большую экспрессивность. Заимствования увеличивают словарный запас языка-реципиента, что в первую очередь влияет на стилистическую окраску лексики в устной речи, а также на разнообразие стилистических приемов, используемых авторами в своих литературных произведениях. Заимствования передают национальный колорит, привносят определенную атмосферу, создают юмористический эффект. В данной статье предпринимается попытка анализа и классификации испанизмов при использовании их в жанре художественной литературы на примере романа Эрнеста Хемингуэя «Фиеста. И восходит солнце», рассматриваются случаи употребления частично ассимилированных заимствований, их функции, и то, каким образом значение испанизмов становится доступным читателю. Из чего делается вывод о важной роли заимствований в художественном тексте, а также о заимствованиях как о неотъемлемой части жизни человека, таким образом, показывая невозможность приуменьшения их значения в литературе и повседневной жизни.

Ключевые слова: Хемингуэй, испанский язык, испанизмы, культура, стилистическое окрашивание.

A.V. Isaeva

LOAN WORDS OF SPANISH ORIGIN IN HEMINGWAY'S NOVEL “THE SUN ALSO RISES. FIESTA”

A loanword is a word directly taken into one language and culture from an outer source, different from them, with little or no translation. Although loan words are typically far less numerous than the “native” ones in most languages, they are often widely known and used, since their borrowings serve a certain linguo-cultural purpose. In some occasions, the idea to be named already exists in other cultures by speakers of other languages presenting unsurpassable and unique realities. The easiest way of appropriating the idea so that it can be discussed in English is to borrow the word, and the word is then a loan-word in English. The phenomenon of borrowing words from other language donors is of great importance for enriching the word stock of a recipient language that first of all influences the variety and colouredness of lexis in oral speech and stylistic diversity, being so important for a writer’s manner, in literary works. Loans reveal the national colour, they may create humorous effect and atmosphere in fiction of any literary genre. The article analyses loan words of Spanish origin of no assimilation in the belle-lettres style on the example of Ernest Hemingway’s novel “The sun also rises. Fiesta”

and classifies them. The matter under consideration is the usage and the functions of the loans together with the way they are understood by the reader. The conclusion has been drawn that the role of borrowings in literary texts is of great importance, furthermore they are becoming an indispensable part of our life and should not be decried neither in literature nor in everyday life.

Key words: Hemingway, Spanish, borrowings, loans of no assimilation, culture, stylistic colouredness.

Язык — мощный фактор социализации, может быть, самый мощный из существующих. Подразумевается, что человеческая речь выступает в качестве своеобразного потенциального символа социальной солидарности всех говорящих [1; с. 223-247].

Любой язык неотделим от культуры, он не только отражает ее в актуальном виде, но и передает культурное наследие сквозь поколения.

Проблема языковых контактов — одна из наиболее интересных в современной лингвистике. Процесс заимствования, насчитывающий тысячи лет, может рассматриваться как конкретный пример языковых контактов.

Статья рассматривает частично ассимилированные заимствования (по классификации И.В. Арнольд [2; с. 247-255]) из испанского языка, или испанизмы, как характерную черту авторского стиля Эрнеста Хемингуэя на основе анализа романа «Фиеста» 1926 года.

Употребление испанизмов усиливает лексическую и стилистическую окраску диалогической речи, вносит стилевое разнообразие, придает специфический характер отражению реалий.

Постепенное развитие и описание характеров героев произведения также показано через их речь, изобилующую иностранными выражениями.

Многие положения, выдвинутые учеными-филологами прошлых времен в отношении норм употребления новых слов, актуальны и сейчас. Границы допустимого в использовании иноязычной лексики до сих пор не определены, и вряд ли возможно искусственное ограничение носителей языка в этой области. Например, А.А. Брагина, О.С. Мжельская, Е.И. Степанова, П.Н. Тимофеева, Г.Н. Складарская и другие считают, что заимствование иноязычной лексики является одним из способов обозначения новых предметов, признаков, качеств, действий, возникающих в условиях политических, экономических и культурных связей между народами. В то же время другие филологи (О.Н. Трубачев, Н.А. Ревенская, А.А. Регина и др.) отмечают чрезмерное употребление заимствований [3].

Не всегда возможно достичь правильного понимания иноязычных заимствований в художественном тексте, даже при использовании словаря. Словарь лишь раскрывает значение, тогда как коммуникативное намерение или культурная специфика употребления того или иного заимствования не проясняются.

Лишь контекст дает расшифровку и интерпретацию значения и указывает на конкретную причину его употребления.

Текст романа «Фиеста» изобилует диалогами героев на различных европейских языках, в том числе на испанском. Действие разворачивается в Европе послевоенных годов (первая половина 20-х). Памплона, с ее аренами для корриды и «энсьерро» (энсьерро — прогон быков из корраля в цирк), привлекает главных героев романа — американцев и англичан, переживших ужасы Первой мировой войны, до сих пор разрушающие их жизни.

Использование испанизмов в данном случае — это не только воспроизведение культурной среды, в которой обнаруживают себя персонажи произведения, но и вынужденная необходимость общения на неродном языке.

Авторский стиль Эрнеста Хемингуэя отличается краткостью, лаконичностью, простыми предложениями, редким использованием метафор или сравнений. Диалоги —

неразвернутые, каждый из собеседников произносит одну-две фразы. Именно поэтому использование частично ассимилированных испанизмов является одним из важнейших выразительных средств языка автора [4; с. 281-290].

Воспринимает ли язык чужой способ концептуализации, заимствует ли фрагмент иной модели мира [5; с. 12]? Автор часто использует испанские названия для обозначения реалий, не имеющих эквивалентов в английском языке. Таким образом, национальный колорит входит в произведение через употребление частично ассимилированных заимствований. Само название романа – «Фиеста» – яркий пример специфичности испанских реалий. «Фиеста – это не просто празднество, гулянье, сопровождающееся уличными представлениями, шествиями, карнавалом, фейерверком и т. п.» [6], но это и национальный характер, особый стиль жизни:

«В воскресенье, 6 июля, ровно в полдень, фиеста взорвалась... Она продолжалась день и ночь в течение семи суток... Пляска продолжалась, пьянство продолжалось, шум не прекращался... Всё, что случилось, могло случиться только во время фиесты... Все время, даже когда кругом не шумели, было такое чувство, что нужно кричать во весь голос, если хочешь, чтобы тебя услышали. И такое чувство было при каждом поступке. Шла фиеста, и она продолжалась семь дней» [7; с. 127].

Именно контекст дает понимание такого культурного явления как фиеста.

Каким еще образом автор помогает понять значение испанизмов в романе?

1. Прежде всего, дословным переводом прежде сказанного. Такой вариант предлагает вначале фразу на испанском языке, вслед за которой идет ее перевод:

«– Слышали? Muerto! Умер! Он умер. Рог прошел насквозь» [7; с. 161].

Такого рода повторение употребляется для лучшей коммуникации героев произведения, а также для того, чтобы читатель понимал, о чем идет речь.

Или в другом месте: «*Afición* значит страсть. *Aficionado* – это тот, кто страстно увлекается боем быков. Все хорошие матадоры останавливались в отеле Монтойи, то есть те, что были *aficionado*, останавливались у него» [7; с. 110]. Здесь понятие «*afición*», благодаря сохраненному графическому ударению, немедленно ассоциируется с иностранным словом внутри английского текста [8; с. 128]. Это подтверждает точку зрения С.В. Мухина, который, помимо прочего, выделяет графический аспект ассимиляции заимствований в отдельную категорию [9; с. 142].

2. Иностранная речь привнесена непосредственно в контекст:

«Телеграмма была по-испански: «*Vengo jueves Cohn.*» ...

– Вот дурацкая телеграмма! – сказал я. – Он мог послать десять слов за ту же цену...

– Здесь все сказано, что Кону нужно» [7; с. 107].

Последующий текст резюмирует испанскую фразу Кона, таким образом, автор дает читателю «услышать» речь Кона, впечатленного своим посещением Испании, а ниже снабжает ее пояснениями.

3. Предыдущее высказывание передает значение последующего. Читатель догадывается о смысле испанской фразы благодаря переводу, предшествующему ей:

«Не успел я сесть, как ко мне подошел официант.

– Что вы пьете? – спросил я Билла и Роберта.

– Херес, – сказал Кон.

– *Jerez*, – сказал я официанту» [7; с. 126].

4. Присутствие в тексте экстралингвистической информации. Автор обеспечивает читателя переводом испанизма, но дает ему возможность догадаться о значении. Это своего рода собственное заграничное путешествие, предпринятое читателем: «Когда же они убеждались в подлинности моей страсти, а для этого не

существовало ни пароля, ни каких-либо обязательных вопросов, скорее, это была своего рода устная проверка, некий искус, во время которого вопросы ставились осторожно, с недомолвками, – тогда они также смущенно клали мне руку на плечо и говорили: «*Buen hombre*». Но чаще они старались коснуться меня. Казалось, это прикосновение нужно им, чтобы удостовериться в моей *afición*» [7; с. 111].

5. Значение определяется предыдущим и последующим контекстами. Например: «– Одиннадцатый раз мне чистят ботинки, – сказал Майкл. – Знаете, Билл просто осел.

Весть, очевидно, распространилась среди чистильщиков. Вошел еще один.

– *Limpiá botas?* – спросил он Билла.

– Не мне, – сказал Билл. – Вот этому сеньору.

Чистильщик встал на колени рядом со своим коллегой и занялся свободным ботинком Майкла, который уже и так сверкал в электрическом свете.

– Чудила этот Билл, – сказал Майкл» [7; с. 141].

Как можно догадаться из этого отрывка, Майкл вряд ли забудет значение выражения «*Limpiá botas*», читатель тоже, ведь он как будто бы сам стал участником розыгрыша над Майклом.

6. И наконец, частично ассимилированное заимствование может быть вовсе не снабжено переводом. Эта группа испанизмов в тексте достаточно велика, читатель либо обращается к словарю, либо сам пытается догадаться о значении. Это самая объемная категория заимствований из испанского на протяжении всего романа. Ввод их в текст достаточно прост, например: «кто-то говорил по-испански». Ситуации также многочисленны: сцена в часовне Сан Фермин, путешествие в Памплону, собственно энсьерро, многочисленные визиты в испанские кафе.

Данная статья выявляет мощный прагматический потенциал испанизмов, придающих повествованию определенную стилистическую окраску, необходимую как автору, так и читателю. Э. Хемингуэй приближает художественную прозу к реальности, точно дозируя употребление частично ассимилированных заимствований из испанского языка. Читатель сопричастен событиям, погружен в атмосферу текста и сам способен преодолеть «языковой барьер». Нередки случаи, когда частое употребление заимствований может привести к неправильному восприятию текста, разорванной коммуникации. «Фиеста» – это исключение. Натолкнувшись на неизвестное иностранное слово в тексте, читатель немедленно обращается к соответствующему контексту за разгадкой. Возможно, увлечение сюжетом романа заставит его обратиться за дополнительной информацией к энциклопедиям, справочникам и словарям. Читатель здесь – активный субъект коммуникации, он расширяет свой кругозор и словарь, обогащается межкультурными знаниями.

Проведенный анализ демонстрирует, что заимствования играют важную роль в авторском тексте и являются неотъемлемой частью жизни человека. Невозможно преуменьшить значение испанизмов в языке романа «Фиеста» или хотя бы оспаривать частотность их использования в произведении.

Библиографический список

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; Пер. с англ. под ред. и с предисл., А.Е. Кибрика. М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. 654 с.

2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка : учебн. пособие / И.В. Арнольд. 2-е изд., перераб. Москва: Флинта: Наука, 2012. 374 с.

3. Качанова Л.А. Заимствования в речи как языковое явление. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32297620> (Дата обращения – 15.03.2018).
4. Чалмаз С.Д. Диалог культур: на каком языке писал Эрнест Хемингуэй? // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. Пенза, 2017. С. 281-290.
5. Багана Ж., Бондаренко Е.В. Ассимиляция заимствований из французского языка в среднеанглийских диалектах [Текст]: монография. Москва: ИНФРА-М, 2012. 147 с.
6. Большой современный толковый словарь русского языка. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (Дата обращения – 15.03.2018).
7. Хемингуэй Э. Фиеста; Прощай, оружие!: Романы; Рассказы. Пер. с англ. М.: Пушк. б-ка: АСТ, 2004. 858 с.
8. Ernest Hemingway's *The sun also rises: a casebook* / Edited by Linda Wagner-Martin. Oxford [England]; New York: Oxford University Press, 2002. 189 с.
9. Мухин С.В. Соотношение понятий ассимиляции и натурализации заимствований // Теория и практика лексикологических исследований: Вестник МГЛУ, 2007. Вып. 532. С. 140-148.

References

1. Sepir E. Selected works on linguistics and culture studies. Moscow, 1993. 654 p.
2. Arnold I.V. Lexicology of modern English. Moscow, 2012. 374 p.
3. Качанова Л.А. Borrowings in the speech as linguistic phenomenon. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32297620> (Date of access – 15.03.2018).
4. Chalmaz S.D. Intercultural dialogue: in what language did E. Hemingway write? // Russia in the world: the problems and perspectives of international cooperation in humanitarian and social sphere. Penza, 2017. P. 281-290.
5. Bagana Zh., Bondarenko E.V. Assimilation of borrowings from French in Middle English dialects. Moscow, 2012. 147 p.
6. Great modern dictionary of Russian language. URL: <https://slovar.cc/rus/tolk.html> (Date of access – 15.03.2018).
7. E. Hemingway. *The sun also rises. Fiesta; Farewell to the Arms*. Moscow, 2004. 858 p.
8. Ernest Hemingway's *The sun also rises: a casebook* / edited by Linda Wagner-Martin. Oxford [England]; New York: Oxford University Press, 2002. 189 p.
9. Mukhin S.V. Value concepts of assimilation and naturalization of borrowing // Bulletin of MSLU. Theory and practice of lexical research. 2007. Vol. 532. P. 140-148.

УДК 882

*Воронежский государственный технический университет
ст. преп. кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 89192466211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Senior lecturer
Novikova M. V.
Russia, Voronezh, 89192466211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

*Воронежский государственный технический университет
студентка I курса
строительного факультета
направления «Журналистика»
Саратова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 8(920) 41839451
e-mail: hae.haeh@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The department of construction
Qualification: journalism
1st-year student
Saratova M.V.
Russia, Voronezh, +7(920) 418-39-51
e-mail: hae.haeh@yandex.ru*

М.В. Новикова, М.В. Саратова

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА РЮРИКА ИВНЕВА

Данная статья посвящена анализу любовной лирики Рюрика Ивнева, которая всегда полна противоречивых эмоций и настроений, но тем не менее пропитана высокой любовью и самими светлыми чувствами. Особенность любовной лирики Р. Ивнева – это использование приема антитезы. Осознание роли времени в жизни человека, а соответственно, и в любви, создает необычный образ лирического героя, который вечно вспоминает с сожалением о «секундах любви» и о счастливых мгновениях, которые у него когда-то были. Определенное сочетание знаков и символов в творчестве поэта раскрывает индивидуальный философский взгляд на отношения мужчины и женщины, неразрывно связанных с противопоставленными друг другу понятиями – счастьем и болью, радостью и тоской, весельем и скорбью. Явные параллели со стихиями дополняют неоднозначное представление автора о любви как о чем-то необузданном и удивительном, сокрушительном, всепоглощающем, неподчиненном ни одному живому существу. Поэт проводит параллели между мотивами любви и природными стихиями, где ключевыми становятся образы моря и пламени (огня). Выявленные особенности в соотношении образов, символов и др. деталей создают подробное представление Рюрика Ивнева о любви как о благе, где сочетаются и одиночество, и нежные воспоминания, и вневременные пласты. Любовь приобретает совсем необычную форму, охватывая все вокруг и становясь выше людей и их мира, их дел и проблем. Из любви между партнерами она перерастает в любовь, охватывающую все мирозданье.

Ключевые слова: Рюрик Ивнев, поэзия, лирика, стихотворение, образ, символ, мотив.

М.В. Novikova, M.V. Saratova

LOVE POEMS OF RYURIK IVNEV

The given article is devoted to the analysis of love poems of Ryurik Ivnev which is full of contradictive emotions and moods but nevertheless is imbued with strong love and deep feelings. One of Ivnev's favourite poetic method is antithesis. Realizing the role of time in human life and in love, the poet creates an unusual image of the lyrical hero who always remembers with regret about 'the moments of love' and the happy moments he used to have. A certain combination of signs and symbols in the poet's creativity reveals his individual phi-

osophy of relationships between a man and a woman which are deeply connected with such contradictive things as happiness and pain, joy and sorrow, gaiety and grief. The evident parallels with the elements complete the author's ambiguous notion of love as something unrestrained, amazing, smashing, and uncontrolled to any living creature. The poet makes parallels with the motives of love and natural elements from which the images of the sea and fire become the major ones. The specificity of relations between the images, symbols and other details reveals Ivnev's understanding of love as of the goodness which combines loneliness, tender reminiscences and eternal elements. Love obtains the most unusual form, covers everything in the world and rises above the world of people and their ordinary problems. From love between two partners it grows into the feeling overwhelming the entire universe.

Key words: Ryurik Ivnev, poetry, lyric, poems, image, symbol, motive.

Любовь для лирического героя Р. Ивнева – это высшее благо, но в то же время отношения между влюблёнными всегда приводят к разрыву. В этом проявляется двойственность реализуемых чувств. Однако как бы трагичен ни был финал любовной линии в поэзии Р. Ивнева, сам факт возможности пережить подобные чувства воспринимается как высшее счастье, посланное Богом. В стихотворении «Старик» поэт изображает героя, который пронесет через всю жизнь когда-то испытанное чувство любви, и оно становится основой его земного существования. Герой благоговейно вспоминает счастливые моменты:

Он вспоминает о любви, как чуде,
И говорит неслушающим людям.

«Она была моей» [1; с. 94].

Интересно и то, что влюблённый герой противопоставлен толпе: «Никому нет дела до него» [1; с. 94], «неслушающим людям» [1; с. 94], «и вот они забыты оба миром» [1; с. 95] – это реализует мотив избранности, любовь, как истинное благо доступна не многим. Общество утратило возможность осознавать любовь, как главную ценностную координату. Портретные характеристики героя подчеркивают эту мысль: «какой-то высохший, мумиобразный старец, / Быть может, даже – слепок восковой» [1; с. 94]. Герой предстаёт неким ортодоксом, проповедующим истинность любви в обществе, претерпевающим смену жизненных ценностей.

Любовь в творчестве Ивнева имеет двойственную интерпретацию во временном пласте. С одной стороны она одномоментна: герои, встречая друг друга, обретают любовь, для них она становится смыслом жизни, но часто союз между влюблёнными распадается по необъяснимым причинам. Их общение прекращается, они теряют друг друга, но то чувство, которое им довелось испытать, продолжает жить в вечности. Физическое взаимодействие быстротечно, духовное вечно. Подтверждение тому мы находим и в выше упомянутом стихотворении. Старик утратил предмет любви, но сохранил самоощущение: «И шепчет он поблекшими губами, / «Она была моей» [1; с. 95].

С подобным мы сталкиваемся и в стихотворении «В старинной гостинице»:

Но тогда вся наша встреча
По-иному обернулась,
Оба сердца учащенно
Вдруг забились и зажглись.

«В старинной гостинице» [1; с. 146]

Поэт описывает случайную встречу в коридоре, которая ежесекундно вселила в сердца любовь – «блаженство наступило» [1; с. 147], но, с другой стороны, в финале герой вновь остается один:

Но вторично не приходит
Изумительное чудо, –
В полутемном коридоре
Я один в полночный час.

«В старинной гостинице» [1; с. 147]

Но одиночество, отсутствие любимой, не мешает ему помнить о любви, нести это чувство сквозь время. Быстротечное живет в вечном. Причем, здесь снова дается отсылка к сказочной старине: «Я, как сказочный царевич, / В прошлый век перенесен» [1; с. 146], что вновь подчеркивает важность любовной составляющей для прошлого и невосребованность этого чувства в настоящем.

В стихотворении «Принеси мне о Грузии нежную весть» любовь вновь реализуется в двух временных категориях:

Я увидел тебя, это было случайно,
Что свело нас средь моря московских людей.

«Принеси мне о Грузии нежную весть» [1; с. 67]

С одной стороны поэт описывает одномоментную встречу, с другой, – те чувства, которые возникли у него и остались в душе навсегда. Хотя все в этом мире невечное, «все пройдет <...> Как секунды любви, как года и века» [1; с. 67], герой готов посвятить себя любви «у подножья горы, заливаемой лавой, / Я готов любоваться тобой и любить» [1; с. 67].

В стихотворении «Как две песчинки в дымном сне вселенной» снова реализуется мотив быстротечной влюбленности, переходящей в вечную любовь:

Мы на мгновенье встретились с тобой.
Да будет жизнь твоя благословенна,
Неведомый, неожиданный, спутник мой.

«Как две песчинки в дымном сне вселенной» [1; с. 126]

Причем, каждый раз, даже утрачивая связь с любимой, это чувство, которое она вызывает в герое, трансформирует его внутреннюю составляющую:

Узрел я все, что побеждает горе,
И то, чего достигнуть я не смог.

«Как две песчинки в дымном сне вселенной» [1; с. 126]

В соотношении вечности и любовного мгновения интересно стихотворение «Розы», где образ цветов реализует в себе любовное начало. Их запах пробуждает в герое давно пережитые чувства: «Запах роз увлек меня в пучину / Давних лет, полузабытых чувств» [1; с. 144]. Герой неустанно готов воспевать красоту роз, а как следствие, и саму любовь, хотя его могут подвергнуть осмеянию, поскольку многие писатели и поэты обращались к образу розы задолго до него. Любовь – это высочайшее благо, и «за блаженство нескольких минут» он готов отдать все [1; с. 144]. Важно отметить и тот факт, что слово *блаженство* становится частотным именно в любовной лирике Р. Ивнева, поскольку для него любовь – это высшая мера счастья. Чувства, пережитые когда-то, он хранит в себе всю жизнь, хотя они и не реализуются более. В этом мы снова видим антитезу «краткий миг любви» – любовь, оставшаяся в веках, но не как конкретные отношения мужчины и женщины, а как обобщающая сила созидания.

Интересен и тот факт, что образ роз является шаблонным, в связи с этим рождаются строки, содержащие самоиронию:

Пусть друзья кричат в негодованье,
 Как сектанты, в грудь себя бия:
 – Устарели эти воспеванья,
 Ты б еще приплел и соловья!

«Розы» [1; с. 144].

Появляется здесь и птичья символика, образ соловья, действительно достаточно частотен для поэзии. Так, соратник Р. Ивнева по имажинизму В. Шершеневич также неоднократно использовал образ соловья в поэзии – об этом свидетельствует диссертационное исследование М.В. Новиковой «Экфрасис в поэтической практике имажинистов (В. Шершеневич, А. Мариенгоф, С. Есенин)»: «Образ соловья в творчестве поэта подразумевает любовные чувства и все, что связано с ними. Так в стихотворении «Лирическая конструкция» (1919) соловей символизирует расставание героя с возлюбленной и плачевные последствия любовной связи» [2; с. 61]. По ходу исследования приводится ряд стихотворений, где через образ соловья реализуется любовное начало. Это совпадение в творчестве поэтов неслучайно, поскольку главной задачей имажинизма было создание цепочки образов, а розы и соловей – это образы, вызывающие у читателя целый ряд ассоциаций, которые продолжают заложенный поэтом смысловой контент.

Таким образом, вся любовная лирика Ивнева выстраивается в антитезу «секунда любви» – любовь в вечности, что подтверждают все выше приведенные примеры, а также другие стихотворения:

Но с той же слепой, неразгаданной тайной
 Несутся секунды, **секунды любви.**

«Секунды любви» [1; с. 84]

Как взволнованный голос, как муки поэта,
 Как **секунды любви**, как года и века.

«Принеси мне о Грузии нежную весть» [1; с. 67]

Растворяясь в **вечном гимне**
 Торжествующей **любви.**

«Мотыльки» [1; с. 69]

Стоит отметить и тот факт, что, хотя любовь для героя остается высшим благом, несмотря на скоротечный разрыв отношений, он все же испытывает страдание, горечь от потери предмета обожания. В стихотворении «Расставание» герой задается риторическим вопросом: «Кто учил на этой науки / Этой горькой науки – любви?» [1; с. 52]. С подобным мы сталкиваемся и в стихотворении «Не называй меня опять любимым»: «Пусть будет радость процветать в отчизне, / А наша боль окажется случайной» [1; с. 130]. В стихотворении «Ах, с судьбою мы вечно спорим» герой жалуется на свою горькую долю, утрату любви: «Я вчера задышался от счастья, / А сегодня кричу от боли» [1; с. 45]. Страдания героя, вызванные утратой возлюбленной, видим мы и в стихотворении «Поезд тихо подходит к перрону»: «И не сможет никто отгадать, / Что на сердце, от взоров сокрытом, / Затененного горя печать» [1; с. 78].

Р. Ивнев часто выстраивает параллель любовной стихии со стихиями природы, выбирая контрастные образы моря и пламени. Сами образы говорят за поэта, выражают его духовное восприятие:

Пахло нефтью, **морем**, рогожей,
 Вечер в небе затих – и застыл.

«Расставание» [1; с. 52-53]

Запах моря синонимичен запаху любви.
Я увидел тебя, это было случайно,
Что свело нас средь **моря** московских людей?

«Принеси мне о Грузии нежную весть» [1; с. 67]

Людская толпа подобна морской стихии, необъятной, бесконечной и этим сильнее напоминающей любовь, поскольку данное чувство также безгранично, бурливо, всепроникающее. Д.Тресиддер в «Словаре символов» дает следующее определение: «Море – во многих культурах – первичный источник жизни – бесформенный, безграничный, неистощимый и полный неожиданностей» [3]. Р.Ивнев понимает любовь, как первооснову вселенной, ключевую силу человечества. В связи с трактовкой Д.Тресиддера море есть ничто иное, как вторичный образ самой любви.

Образ моря характерен как для современников Р.Ивнева, например, «вечное море» мы находим в поэзии Марины Цветаевой («Молитва Морю», 1912 г.), так и для поэзии XIX века, например, лирика В.А. Жуковского («Море», 1822 г.) и А.С. Пушкина («К морю», 1824 г.).

Море редко предстает стихией мира и спокойствия, море всегда возбуждает самые бурные, тревожные и мятежные чувства. Образ моря в любовной лирике Р.Ивнева отражает редкую грань между этими двумя крайностями. Море как бы постепенно нагнетает состояние лирического героя, подталкивает его к рассказу или созиданию.

Второй стихией, с которой поэт выстраивает параллель относительно любовных чувств, становится стихия огня. По определению Д.Тресиддера: «Пламя (огонь) – божественная энергия, очищение, откровение, преображение, возрождение, духовный порыв, искушение, честолюбие, вдохновение, сексуальная страсть; сильный и активный элемент, символизирующий как созидательные, так и разрушительные силы» [3]. В стихотворении «Вижу птиц синеющую стаю...» пламя реализуется именно в этом ключе, оно заставляет героя оживить в себе огонь любви:

Снова краски вспыхнули, как пламя.
Даже статуя могла б зашевелиться
От всего, испытанного нами
На уже исписанных страницах.

«Вижу птиц синеющую стаю...» [1; с. 70]

А в стихотворении «Мотыльки», напротив, пламя сокрушает влюбленных, образ огня здесь реализуется в двух смысловых составляющих, с одной стороны влюбленные, как мотыльки летят на огонь и гибнут, с другой огонь – это любовь, поглотившая их сердца:

Кто вступал в единоборство
С разрушительным огнём?

«Мотыльки» [1; с. 68-69]

Исследователь В.П. Кучин в работе «Функции образа-символа огня в лирике Рюрика Ивнева» указывает на всеобъятность образа пламени: «Стоит отметить, что ивневский огонь практически всегда связан с любовью: к женщине, к матери, к человеку, к природе, к Богу и к жизни в целом» [4; с. 55-59]. Это подтверждает мысль о том, что любовь Р. Ивнева, в каком бы образе она ни реализовалась, является мощной движущей силой.

Как и морская стихия, образ огня встречается и в произведениях поэтов XIX-XX веков, в частности, у символистов, и тоже связан с чувством любви. Так, в своем стихотворении «Женщине» (1899 г.) В. Брюсов метафорически называет женщину «ведьмовский напиток», который «жжет огнем». То есть его лирический герой испытывает такие же сильные и бурные чувства, как герой Р. Ивнева.

Вся любовная лирика Р. Ивнева противоречива, выстраивается на приеме антитезы вечного блага и страдания, одиночества и полноты, вечности и мгновения, стихийности моря и пламени. Но какое противопоставление ни выстраивал бы поэт, любовь всегда остается для него высшим благом, перерастая из любви мужчины и женщины в любовь всего сущего, мироздания.

Библиографический список

1. Ивнев Р. Избранные стихи / Р. Ивнев. Москва: Художественная литература, 1965. 203 с.
2. Новикова М.В. Экфрасис в поэтической практике имагинистов (В. Шершеневич, А. Маренгоф, С. Есенин): Дис. ... канд. филол. наук / М.В. Новикова. Воронеж, 2018. 231 с.
3. Тресиддер Д. Словарь символов. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/index.php. (Дата обращения – 15.03.2018).
4. Кучин В.П. Функции образа-символа огня в лирике Рюрика Ивнева / В.П. Кучин // Словесное искусство серебряного века и русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»). Сб. статей по итогам II Международной науч. конференции / Под общей редакцией Л.Ф. Алексеевой, В.Н. Климчуковой, С.В. Крыловой. Москва: Московский государственный областной университет, 2016. С. 55-59.

References

1. Ivnev R. Selected poems. Moscow, 1965. 203 p.
2. Novikova M.V. Ekphrasis the poetic practice of the imaginists (V. Shershenevich, A. Mariengof, S. Esenin): Dissertation... PhD in philology. Voronezh, 2018. 231 p.
3. Tresidder J. The dictionary of symbols. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/index.php. (Date of access – 15.03.2018).
4. Kuchin V.P. The functions of symbolic image of fire in lyric of Ryurik Ivnev // Verbal art of the silver age and Russian foreign land in the context of the epoch (“Smirnov readings”). Moscow State Regional University, 2016. P. 55-59.

УДК 821.161.1.0

*Воронежский государственный университет
магистр кафедры истории и типологии
русской и зарубежной литературы
Филатова Д.А.
Россия, г. Воронеж
e-mail: filatova-darya2004@yandex.ru*

*Voronezh State University
The chair of history and typology
of Russian and foreign literature
Master student
Filatova D.A.
Russia, Voronezh
e-mail: filatova-darya2004@yandex.ru*

Д.А. Филатова

ХОЗЯИН ИЛИ СЛУГА? (ОБРАЗ КАРАНДЫШЕВА В ПЬЕСЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО «БЕСПРИДАННИЦА»)

В статье рассматривается образ одного из ключевых персонажей пьесы А.Н. Островского «Бесприданница» – Юлия Капитоновича Карандышева. Карандышев – единственный персонаж пьесы, который позволяет себе открыто критиковать нравы жителей Брахимова, выступает против несправедливости и произвола, всевластия денег. «Известные люди» Брахимова считают Карандышева глупым, недалеким человеком, а главной причиной жизненных неудач героя называют его «самолюбие», которое не позволяет ему трезво оценивать окружающий мир и адекватно на него реагировать. Действительно, герой как будто двойся, часто он совершает «незаурядные», неумные поступки. Однако причина подобного поведения Карандышева, как представляется, заключается в том, что сознание героя расколото. Карандышев отчаянно стремится попасть в общество людей, взгляды которых совершенно не разделяет, а образ жизни критикует. При этом Карандышев не владеет тем особым языком, на котором говорят члены этого общества. Он слишком верит людям, слишком доверяет слову, особенно если слышит похвалу в свой адрес или то, что соответствует его ожиданиям. В результате Карандышев оказывается постоянной жертвой манипуляции, а его роль в пьесе не менее драматична, чем у главной героини – Ларисы Огудаловой.

Ключевые слова: комплекс жертвы, Карандышев, манипуляция, «Бесприданница», драматургия, А.Н. Островский.

D.A. Filatova

A MASTER OR A SERVANT? (THE IMAGE OF KARANDYSHEV IN THE PLAY BY A.N. OSTROVSKY «A GIRL WITHOUT DOWRY»)

The article considers the image of one of the key characters of A.N. Ostrovsky's play «A girl without dowry», Julius Kapitonovich Karandyshev. This is the only character in the play, who allows himself to criticize openly the customs of Brahimov inhabitants, speaking out against injustice, tyranny and absolute power of money. The «famous people» of Brahimov think that Karandyshev is a stupid, narrow-minded person, and the major cause of failures in his life is seen in his «ego» which does not allow him to assess the world sensibly and react to it adequately. The hero, indeed, seems to be dual; he often makes «outstanding» but insensible things. However, the reason for this behavior of Karandyshev roots in his splitted consciousness. He desperately wants to get into the society of people whose views he does not share, but whose way of life he criticizes. At the same time, Karandyshev does not speak the special language spoken by the members of this society. He believes people can be trusted, especially if he hears praise in his address or something that corresponds to his expectations. As a result, Karandyshev is a constant victim of manipulation, and his role in the play is more dramatic than the role of the main character Larisa Ogudalova.

Key words: complex of victim, Karandyshev, manipulation, «A girl without dowry», drama, A.N. Ostrovsky.

На фоне таких ярких, харизматичных персонажей драмы «Бесприданница», как Лариса, Харита Игнатьевна, Паратов, небогатый чиновник Карандышев, казалось бы, теряется и не представляет большого интереса ни для читателей, ни для исследователей.

Не случайно долгое время образ Карандышева лишь упоминался в работах, посвященных драматургии Островского, или воспринимался только крайне негативно – и эта «традиция» до сих пор еще актуальна [1; 2]. Общим местом стало утверждение о том, что главным мотивом всех поступков Карандышева является зависть и самолюбие.

Между тем финал пьесы, в котором Карандышев убивает главную героиню Ларису Огудалову, вполне определенно говорит о том, что правы те ученые, которые называют Юлия Капитоновича вторым главным персонажем пьесы [3; 4].

Островский наделяет Карандышева сложным именем, ассоциирующимся одновременно с возвышенной и «приземленной» сферами [5]. Б.О. Костелянец считает, что «сочетание имени, отчества и фамилии говорит скорее о сложности фигуры, а вовсе не о “положительных” и не об “отрицательных” ее свойствах» [6, с. 403].

Карандышев не принадлежит к обществу купцов и состоятельному барству, но, тем не менее, уже в начале драмы он становится объектом их беседы. И причиной такого интереса является его скорая женитьба на Ларисе Огудаловой [7]. Повышенный интерес к этой девушке и становится главным источником проблем небогатого чиновника.

При этом Карандышева никто никогда не воспринимал всерьез – ни гости, ни сами Огудаловы, принижая его перед другими мужчинами и откровенно издеваясь над его чувствами. Даже попытка самоубийства Карандышева провоцирует лишь новые слухи и приступы саркастического веселья у тех, кто его знает.

Социальное положение героя обрекает его на более чем скромное существование – этот мотив станет ключевым при изображении Карандышева в самой известной экранизации драмы, фильме режиссера Э.А. Рязанова «Жестокий романс», во многом определившем восприятие «Бесприданницы» непрофессиональным читателем [3].

Понимая это, герой ищет выход из сложившейся ситуации, стремится из «слуги» стать «хозяином» жизни – эти понятия, как показывает Островский, становятся ключевыми при самоопределении большинства героев пьесы. Он, подобно Паратову, надеется выгодно *продать* «свою волюшку», то есть использовать женитьбу для продвижения по социальной лестнице. По крайней мере, так воспринимает поступок Карандышева главный идеолог пьесы – «пожилой» купец Мокий Парменыч Кнуров: «Пожалуй, с своей точки зрения, он не глуп. Что он такое, кто его знал, кто на него обращал внимание! А теперь весь город заговорит про него, он влезает в лучшее общество; он позволяет себе приглашать меня на обед, например...» [8, с. 31].

Карандышев идет на *риск*, когда предлагает руку и сердце девушке с весьма двусмысленной репутацией. Он прямо об этом говорит Кнурову, рассчитывая получить одобрение.

Казалось бы, план Карандышева вполне удался: знакомые и гости Огудаловых становятся теперь и его знакомыми, он может позволить себе приглашать на обед «известных людей». Произшедшее вскружило голову маленькому человеку [9]. Он впервые почувствовал себя «величиной». Карандышев даже хочет отомстить всем, кто так долго позволял себе высмеивать его, унижать и пренебрегать им. Чиновник устраивает торжественный обед, существенно ударивший по его бюджету. Карандышев надеется победить врагов «словом», произнеся пространную речь, в которой подчеркнет все свои достоинства, сославшись на выбор Ларисы, избравшей его объектом своего внимания и согласившейся выйти за него замуж. Карандышев вполне справедливо допус-

кает, что подобный панегирик не понравится его соперникам. Но он даже и предположить не может, как отреагируют на его план претенденты на руку и сердце Ларисы. Ведь, в отличие от Карандышева, они вполне отдают себе отчет в том, что задумал чиновник-высочка: «...Еще разговаривает, гусь лапчатый. <...> Топорщился тоже, как и человек, петушиться тоже вздумал» [8, с. 48].

Поэтому «грозное слово» Карандышева превращается в «жалкое», беспомощное [10] – в текстах Островского мы нередко встречаем мотивы, отсылающие к творчеству И.А. Гончарова. Совершенно очевидно, что монолог Карандышева, в котором он называет себя «смирным» и «смешным» человеком, навеян не только произведениями Достоевского, но и прощальной речью Обломова в конце 3-й части романа, наконец начинающего понимать, что они с Ольгой Ильинской принадлежат к разным «биологическим» и социальным видам – «смирные / хищные» [11].

В конечном счете, Карандышев будет еще больше унижен, раздавлен и даже признается себе в том, что оказался неспособен противостоять столь грозному противнику: «Да, это смешно... Я смешной человек... Я знаю сам, что я смешной человек. Да разве людей казнят за то, что они смешны? Я смешон – ну, смейся надо мной, смейся в глаза! ...смейтесь надо мной – я того стою. Но разломать грудь у смешного человека, бросить под ноги и растоптать его!» [8, с. 65–66].

Последнюю попытку стать «хозяином» Карандышев предпринимает в финале драмы, попытавшись усмирить взбунтовавшуюся Ларису, бросившую героя в момент, как ему казалось, его наивысшего торжества. Однако средства, которые избирает герой, не позволяют ему достичь желаемого. Карандышев вполне оправдывает предположения Паратова, предсказавшего Ларисе, что жених будет только рад, если она к нему вернется. Карандышев сначала пытается угрожать Ларисе, потом взывает к здравому смыслу, чувству собственного достоинства, нравственности героини, но, в конечном счете, смиряется перед ее решимостью продать себя Кнурову и начинает умолять ее остаться с ним: «Я готов на всякую жертву, готов терпеть всякое унижение для вас» [8, с. 80]. Однако «перед глазами» Ларисы «заблестело золото, засверкали бриллианты» [8, с.80], и она отвергает все попытки Карандышева удержать ее от падения в бездну и гибели.

Островский, казалось бы, прямо связывает положение человека в обществе с его финансовой состоятельностью, как будто отсылая к словам Паратова, раскрывающим Робинзону принципы, на которых зиждется современное общественное устройство: «Но ты не по времени горд. Применяйся к обстоятельствам, бедный друг мой! Время просвещенных покровителей, время меценатов прошло; теперь торжество буржуазии, теперь искусство на вес золота ценится, в полном смысле наступает золотой век. Но, не взыщи, подчас и ваксой напоят, и в бочке с горы, для собственного удовольствия, прокатят – на какого Медичиса нападешь» [8, с. 73–74].

Однако финал пьесы говорит о другом. Настоящую благодарность Лариса испытывает к Карандышеву только после того, как герой стреляет в нее. Проявив твердость и решительность, Карандышев в конце пьесы смог наконец стать настоящим «хозяином» (если не самой красивой девушки Бряхимова, то по крайней мере своей судьбы), только, к сожалению, для этого пришлось принести кровавую жертву.

Библиографический список

1. Кислова Л.С. «Провинциальная Кармен»: Традиции А.Н. Островского в пьесе Л. Разумовской «Майя» // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 1. С. 13–18.

2. Мильдон В.И. Философия русской драмы: мир Островского. М.: РОССПЭН, 2007. 240 с.
3. Журавлева А.И., Некрасов В.Н. Театр А.Н. Островского. М.: Просвещение, 1986. 205 с.
4. Отрадин М.В. «Бесприданница» А.Н. Островского // Анализ драматического произведения: межвузовский сборник. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. С. 226–243.
5. Николина Н.А. Авторское слово в драме А.Н. Островского «Бесприданница» // Русский язык в школе. 2013. № 4. С. 41–46.
6. Костелянец Б.О. Драма и действие. Лекции по теории драмы. М.: Совпадение, 2007. 504 с.
7. Филатова Д.А., Ларин С.А. «В цыганском таборе...»: мать и дочь в пьесе А.Н. Островского «Бесприданница» // Казанская наука. 2018. № 4. С. 25–27.
8. Островский А.Н. Полное собрание сочинений в 12 томах. М.: Искусство, 1975. Т. 5. 548 с.
9. Фаустов А.А., Савинков С.В. Универсальные характеры русской литературы. Воронеж, 2015. 312 с.
10. Ларин С.А. «Скажи, ядовитая змея, уязви, ужаль...» (К семантике «жалких слов» в «Обломове» И.А. Гончарова) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 2. С. 326–334.
11. Ларин С.А. Волк или овца? (К семантике «хищного» и «смирного» в творчестве И.А. Гончарова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-1 (18). С. 121–126.

References

1. Kislova L.S. «Provincial Carmen»: Traditions of A.N. Ostrovsky in L. Razumovskaya's play «Maya» // Bulletin of Tyumen State University. 2011. № 1. P. 13–18
2. Mildon V.I. Philosophy of Russian drama: Ostrovsky's world. Moscow, 2007. 240 p.
3. Zhuravleva I.A., Nekrasov V.N. Theatre of A.N. Ostrovsky. Moscow, 1986. 205 p.
4. Otradin M.V. «A girl without dowry» by A.N. Ostrovsky // Analysis of dramatic works: the interuniversity collection. Leningrad University Press, 1988. P. 226–243.
5. Nikolina N.A. The author's word in the drama by A.N. Ostrovsky « A girl without dowry» // Russian language at school. 2013. № 4. P. 41–46.
6. Kostelyanets B.O. Drama and action. Lectures on the theory of drama. Moscow, 2007. 504 p.
7. Filatova D.A., Larin S. A. «In the Gypsy camp...»: mother and daughter in the play by A.N. Ostrovsky « A girl without dowry» // Kazan science. 2018. № 4. P. 25–27.
8. Ostrovsky A.N. Complete works in 12 volumes. Moscow, 1975. Vol. 5. 548 p.
9. Faustov A.A., Savinkov S.V. Universal characters of Russian literature. Voronezh, 2015. 312 p.
10. Larin S.A. «Speak, poisonous snack, sting, sting me...» (To the semantics of «wretched words» in «Oblomov» by I.A. Goncharov) // Bulletin of Voronezh State University. Series: Liberal arts. 2006. № 2. P. 326–334.
11. Larin S.A. A wolf or a sheep? (To semantics of «predatory» and «gentle» in I.A. Goncharov's creative works) // Philological science. Theory and practice. 2012. № 7–1 (18). P. 121–126.

УДК 81'42

*Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет
аспирант кафедры теории языка
и русского языка
Клюева А.Н.
Россия, г. Ростов-на-Дону,
тел. +7(863) 218-40-00
e-mail: yoarlen@mail.ru*

*Institute of philology, journalism and inter-
cultural communication,
Sothern Federal University
The chair of language theory
and Russian language
Post-graduate student Klyueva A.N.
Russia, Rostov-on-Don, +7(863) 218-40-00
e-mail: yoarlen@mail.ru*

А.Н. Клюева

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА В ТЕКСТАХ КОРОТКИХ РАССКАЗОВ ДЖОНА АПДАЙКА

В статье рассматривается проблема вербального выражения фотографического искусства и фотографии в текстах жанра короткого рассказа американского писателя Джона Апдайка. Практическим материалом послужили тексты рассказов писателя из сборников «The Early Stories: 1953-1975», «The Afterlife and Other Stories», «Bech at Bay» и «Bech is back». В статье даётся краткий очерк по истории зарождения и развития фотографического искусства в Америке. Анализируется отношение Дж. Апдайка к фотографии и её словесное выражение в текстах рассказов. Было выявлено, что с популярностью фотоаппаратов и камер у американцев появилась традиция семейных фото, что отразилось в коротких рассказах писателя. Кроме этого, было отмечено, что Апдайк употребляет лексику фотоискусства как в прямом, так и в переносном смысле. В статье отмечается особенность моделирования вербальной фотографии, которая принимает в тексте рассказа семиотически осложнённую форму. Использование вербальной фотографии в текстовом пространстве рассказа выполняет коммуникативную функцию, так как через поступательность описательного образа представляет реципиенту вообразить прочитанное. Фактическая фотография характеризуется сиюминутностью и застывшим образом, который воспринимается через зрительный канал. Что касается вербально выраженной в тексте фотографии, то она воспринимается последовательно, в зависимости от авторских намерений и интенций. В русле развития фотоискусства отмечается как положительная (сохранение и накопление истории, с последующей её передачей поколениям), так и отрицательная сторона (личное становится публичным и фотография служит своего рода прозрачным окном).

Ключевые слова: фотографическое искусство, фотография, словесная репрезентация, короткий рассказ, Джон Апдайк.

A.N. Klyueva

VERBAL REPRESENTATION OF PHOTOGRAPHIC ART IN THE SHORT STORIES BY JOHN UPDIKE

The article deals with the problem of verbal representation of photographic art and photograph in the texts of the genre of short story of American writer John Updike. Practical material was taken from the texts of the writer's story collections «The Early Stories: 1953-1975», «The Afterlife and Other Stories», «Bech at Bay» and «Bech is back». The article gives a short review on the history of the origin and the development of photographic art in America and its verbal representation in the texts of Updike's stories. It was revealed that with the popularity of photo cameras, the Americans had formed a tradition of making family photos. In addition, it was noted that the writer uses lexical units of photographic art, both in a direct and in an indirect way. There is pointed out the peculiarity of the modeling of verbal photograph, which takes a semiotic-complicated form in the text of a story in the article. The usage of the verbal photo in the text of a story serves as communicative phenomenon, as

the recipient can imagine written information through the progressiveness of a descriptive image. The actual photo is characterized by immediacy and the stiffened image which is perceived via the visual channel. As for the photo which is verbally expressed in the text, it is perceived consistently, depending on author's intentions. Due to the development of photo art, it is distinguished as positive aspect (the preservation and accumulation of history, with subsequent conveying to generations) and negative one (the personal becomes public and a photograph serves as a kind of transparent window).

Key words: photographic art, photograph, verbal representation, short story, John Updike.

Фотография является уникальным продуктом фотографического искусства, которое зародившись в конце XIX века, начало активно развиваться в XX веке, с постоянным усовершенствованием технологического оснащения фотоаппаратов и камер. Благодаря фотографии прошлое запечатлевается и сохраняется. По словам Сьюзан Сонтаг, фотография обладает темпоральной сочетаемостью, которая заключается в «замораживании» мгновения реальной действительности. Фотография – псевдо-настоящая [1], так как время в реальной жизни не стоит на месте, а в фотографии оно останавливается.

Тема фотоискусства достаточно близка американскому писателю Джону Апдайку (1932-2009 гг.) не только потому, что он инкорпорирует фотографические снимки в текстах своих многих рассказов, но и в связи с тем, что в его работах наблюдаются достаточно многочисленные критические очерки и сочинения на тему фотографии и живописи (более подробно см. [2]).

Искусство фотографировать привлекало американского прозаика Дж. Апдайка ещё тем, что оно является частью Американской истории. Фотографическое искусство понимается, как неотъемлемая часть современного общества и не только американского. Всё вышесказанное и определяет актуальность выбранной темы. Новизной же можно назвать то, что отмечается небольшое количество работ, посвящённых языковому отражению фотографии и фотоискусства в текстах рассказов писателя Дж. Апдайка (более подробно см. [3]). Кроме этого, если рассматривать фотографический код, вербализованный в художественном тексте, то стоит обратиться к теоретической работе У. Митчела, которая касается вербальной и визуальной репрезентации [4], или рассматривать фотографию в рамках герменевтического подхода [5].

В одном из сочинений Апдайк описывает историю возникновения фотоаппаратов фирмы Kodak, которую основал Джордж Истмен. Изначально он придумал конструкцию для производства сухих броможелатиновых негативов, а через несколько лет бумажные негативы, которые закручивались в рулон. Он сконструировал ручную камеру под названием Kodak. Был даже придуман слоган «You press the button, we do the rest» [2; с. 456], который означал «Вы нажимаете на кнопку, а мы делаем всё остальное». Постепенно к 1900 году Истмен упростил фотокамеру и сделал её доступной и простой в использовании для тысячи американцев.

В данном исследовании практический материал основывается на жанре короткого рассказа. Было отмечено, что практически в каждом сборнике рассказов можно встретить не только описание фотографий, но иногда главные и второстепенные герои являются фотографами (например: «*Also, I'm a photographer by trade, and one trick of the trade is a lot of takes.*» [6; с. 570]).

Модель фотокамеры Kodak встречается в текстах рассказов Апдайка (например: «*Old slides. June's husband had a Kodak with a flash attachment (nobody owned Japanese cameras then).*» [6; с. 632] или «*Norman never took a picture in his life. I was the family photographer, with this old Kodak that had lost its viewfinder.*» [7; с. 330]). Кроме этого, писатель описывает устройства фотоаппаратов («*when I came out she had gotten our camera open. I guess the whole roll's exposed. I put it back.*» [6; с. 444], «*On the way back in*

the bus, the Green Bay travelogue-maker asked them to stop so he could photograph a water wheel with his movie camera.» [6; с. 1065], «He regretted that no movie camera – a video camera was what they used now, with a built-in sound track – was at work recording the fact that he was here, at this party: that he had been invited» [7; с. 124]).

Интересно отметить, что Апдайк в одном из ранних рассказов моделирует такое восприятие окружающей действительности, которое возможно через фотообъектив: *«He saw his companions at the party with a new brilliance – a sharpness of vision that, like a camera's, was specific and restricted in focus. He could see only one person at a time, and found himself focusing less on his wife, Joan, than on Eleanor Dennis, the long-legged wife of a municipal-bond broker» [6; с. 859].* Из примера видно, что поле зрения у персонажа ограничено, как и при фотографировании, он может сфокусироваться только на одном из присутствующих в комнате.

Другой пример: *«Angus Desmouches, the ubiquitous fashion photographer, whose wide head of wiry black hair had turned as white as coal in a negative» [8; с. 100],* – демонстрирует олицетворение фотографа с его профессией. Фотограф представлен вездесущим и современным, по словам самого автора. Ещё один подобный пример, где фотограф находит себя в своей профессии и полностью сочетается с ней: *«The youthful photographer had himself looked at first sight as if seen through a wide-angle lens, his broad, tan, somehow Aztec face and wide head of wiry black hair dwindling to a pinched waist and tiny, tireless feet; clicking and clucking, he had pursued Bech up and down the vales and bike paths of Prospect Park <...>» [9; с. 143].*

Представители фото индустрии других стран также присутствуют в текстах рассказов: *«He had become a fervent photographer, first with Nikons and then with Leicas, until he discovered that an even more expensive camera could be bought – a Hasselblad.» [7; с. 45],* где Nikon – японская фирма, Leica – немецкая и Hasselblad – шведская компания по производству фотоаппаратов.

Что касается формирования фотографического снимка в текстах рассказов Джона Апдайка, то этот процесс лучше назвать повествовательным, так как зафиксированный визуальный снимок претерпевает переосмысление и превращается постепенно в словесный фотографический образ [3]. Функция вербальной фотографии здесь очевидна – коммуникативная, а текст повествования приобретает семиотически-осложнённую форму. Фотографические снимки выступают в рассказах в бытовом жанре, затрагивающем личный жизненный опыт персонажей.

Продолжая историческую тему, упомянутую ранее, стоит сказать, что с развитием фотографического искусства в Америке зародилась семейная традиция – делать общие фотографии всех поколений одновременно. Это так называемая кадровая запись семейной жизни, и, думается, что именно формирование обычая фотографироваться стало своего рода объединяющим явлением. В рассказе «The Family Meadow» американский писатель описывает эту традицию, и название рассказа полностью отражает сюжет произведения, автор называет луг семейным потому, что именно это место было выбрано для общего снимка раз в три года.

С одной стороны фотография сохраняет историю и память, представляя собой визуализированный образ прошлого. Идеализированные и индивидуализированные моменты времени хранятся на фотобумаге и реже стираются, чем образы из памяти. Но следует отметить другую сторону фотографии, а именно: она разоблачает и раскрывает личные мгновения семейного склада жизни.

Итак, рассмотрев языковое отражение фотографического искусства в текстах рассказов Джона Апдайка, можно сделать следующие выводы. Во-первых, писатель пользуется терминологическим аппаратом, связанным с фотоискусством: *the home-movie camera, in focus, snapshot, photographer, photo, camera, stop-action camerawork,*

viewfinder, flash bulbs, photo и др. Во-вторых, выделяется особенность моделирования словесной фотографии, которая характеризуется не одномоментным восприятием прочитанного, а поступательным развитием повествования в рассказе. Поэтому считаем, что визуальная фотография и её словесная инкорпорация в тексте не могут быть равными как по объёму, так и по смысловому наполнению.

Библиографический список

1. Sontag S. *On Photography*. New York: Farrar; Straus & Giroux, 1977. 165 p.
2. Updike J. *Higher Gossip. Essays and criticism*. Edited by Christopher Carduff. New York: Alfred A. Knopf, 2011. 677 p.
3. Ключева А.Н. Проблема языкового отражения фотографического видения персонажа в текстах коротких рассказов Дж. Апдайка // *Общественные науки*. 2016. № 6-2. С. 98-105.
4. Mitchell W.J.T. *Picture Theory: Essays on verbal and visual representation*. Chicago, IL & London: University of Chicago, 1994. 247 p.
5. Клемёнова Е.Н., Кудряшов И.А. Герменевтический анализ текста: когнитивные основания // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2013. № 7. С. 109-113.
6. Updike J. *The Early Stories: 1953-1975*. New York: Random House Trade Paperbacks by Alfred A. Knopf, Inc, 2003. 1152 p.
7. Updike J. *The Afterlife and Other Stories*. New York: Fawcett Crest, 1994. 382 p.
8. Updike J. *Bech at bay*. New York: The Random House Publishing Group, 1998. 205 p.
9. Updike J. *Bech is back*. New York: Random House Trade Paperbacks, 2012. 157 p.

References

1. Sontag S. *On Photography*. New York: Farrar; Straus & Giroux, 1977. 165 p.
2. Updike J. *Higher Gossip. Essays and criticism*. Edited by Christopher Carduff. New York: Alfred A. Knopf, 2011. 677 p.
3. Klyueva A.N. Problem of linguistic reflection of the character's photographic vision in J. Updike's short stories // *Social sciences*. 2016. № 6-2. Pp. 98-105.
4. Mitchell W.J.T. *Picture Theory: Essays on verbal and visual representation*. Chicago, IL & London: University of Chicago, 1994. 247 p.
5. Klemjenova E.N., Kudrjashov I.A. Hermeneutic analysis of text: cognitive basis // *International journal of applied and fundamental research*. 2013. № 7. P. 109-113.
6. Updike J. *The Early Stories: 1953-1975*. New York: Random House Trade Paperbacks by Alfred A. Knopf, Inc, 2003. 1152 p.
7. Updike J. *The Afterlife and Other Stories*. New York: Fawcett Crest, 1994. 382 p.
8. Updike J. *Bech at bay*. New York: The Random House Publishing Group, 1998. 205 p.
9. Updike J. *Bech is back*. New York: Random House Trade Paperbacks, 2012. 157 p.

УДК 821.161.1 Бунин. 09

Воронежский государственный технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.
Россия, г. Воронеж, тел. + 79202262368
e-mail: buka1621@rambler.ru

Voronezh state technical university
The chair of Russian Language and Intercultural adverse communication
PhD in philology
associate professor
Popova Y.S.
Russia, Voronezh, + 79202262368
e-mail: buka1621@rambler.ru

Ю.С. Попова

**«И ДЛИТСЯ ШТОС, И ДЛИТСЯ СВЕТЛЫЙ БАЛ...»
(ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЕМАНТИКИ БАЛА
В ТВОРЧЕСТВЕ И.А. БУНИНА)**

Статья посвящена одному из аспектов художественного творчества И.А. Бунина – мотиву танца. Бал, начиная с XVIII века, находит свое отражение в русской литературе. Но как феномен русской культурной светской жизни с присущими ему эстетическими, нравственными, практическими аспектами функционирования мало изучен, что обусловило актуальность темы. Цель работы связана с выяснением места бала в структуре художественного текста. Его интерпретация рассматривается на материале рассказов «Памятный бал», «Натали». Анализ литературных образов, связанных с этой повествовательной единицей, позволяет определить художественные функции танцевальных мотивов в прозе И.А. Бунина, выявить систему оппозиций в раскрытии образа бала и их функции в авторских представлениях о нравственно-этических ценностях, в реализации авторской позиции. В результате проведенного исследования было выяснено, что бал является противопоставлением будничной жизни, сосредоточением праздника. Такое понимание этого мотива является продолжением традиции, характерной для классической литературы XIX века. Семантика бала в прозаических произведениях И.А. Бунина раскрывается на различных уровнях: сюжетном, идейно-композиционном, ритмическом. Данная статья включается в систему исследований, которые способствуют целостному восприятию художественного творчества И.А. Бунина.

Ключевые слова: И.А. Бунин, проза, мотив, бал, танец, музыка, контраст, культура, быт, образ, герой, сюжет.

Yu.S. Popova

**«AND TO LONG STOUS, AND THE LIGHT BALL ...»
(ABOUT THE PECULIARITIES QUALITIES OF THE BALL SEMANTICS IN
IVAN ALEKSEEVICH BUNIN'S CREATIVITY)**

The article is devoted to one of the aspects of I.A. Bunin's artistic creativity - the motive of dance. The ball, since the XVIII century, is reflected in Russian literature. But as a phenomenon of Russian cultural secular life with its inherent aesthetic, moral, practical aspects of functioning is poorly understood, which determined the relevance of the topic. The aim of the work is to find out the place of the ball in the structure of the artistic text. His interpretation is considered on the material of the stories «Memorable Ball», «Natalie». The analysis of literary images associated with this narrative unit allows us to define the artistic functions of dance motifs in I.A. Bunin's prose, to reveal the system of oppositions in revealing the image of the ball and their function in the author's notions of moral and ethical values, in the realization of the author's position. As a result of the study, it was found that the ball is a contrast of everyday life, the concentration of the holiday. This understanding of this motive is a continuation of the tradition typical of the classical literature of the XIX century. The semantics of

the ball in prosaic I.A. Bunin's creativity is revealed at various levels: plot, ideological, compositional, rhythmic. This article is included in the research system, which contribute to a holistic perception of the artistic creativity of I.A. Bunin.

Key words: I.A. Bunin, prose, motive, ball, dance, music, contrast, culture, way of life, image, hero, plot.

Свой официальный статус бал как светское мероприятие получил в 1718 году, когда по приказу Петра Первого были учреждены ассамблеи – общественные собрания, целью которых было «вольное, в котором доме собрание или съезд, делается не только для забавы, но и для дела; ибо тут может друг друга увидеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, притом же и забава» [1]. Порядок, введенный на ассамблеях, отличался от европейского бального этикета, но русские дворяне постепенно приучились к новым обычаям, светскому общению, вежливым манерам. Обычно на ассамблеях вели деловые беседы, курили трубки, пили вино, играли в шашки и шахматы и танцевали. Ассамблеи были прообразами балов в России и на протяжении веков входили в русский обиход. После смерти Петра Первого табак и спиртные напитки не подавались, вместо шашек и шахмат играли в карты. Придворный этикет стал более строгим. Бальный сезон длился с Рождества и до последнего дня масленицы, в остальное время балы устраивались по особым случаям [2].

Одним из первых литературоведов, обратившихся к понятию *бала* как отражению русской светской культуры, является М.Ю.Лотман. В книге «Беседы о русской культуре» он уделяет внимание этому явлению жизни русского дворянства и рассматривает его как элемент быта, а так же выделяет структуру бала, его композицию и семантику [3]. Так же этой теме посвящены работы А.Б.Пеньковского, который анализирует символику бально-маскарадного мира [4], монографии А.Колесниковой «Бал в истории русской культуры» [5] и О.Ю.Захаровой «Русский бал XVIII – начала XX века» [2] и ряд других работ.

Бал – культурный пласт русского бытия, неотъемлемая часть русского светского быта. Это явление нашло отражение в творчестве И.А.Бунина. Один из его рассказов полностью посвящен этой теме. Ее актуализация начинается уже с названия – «Памятный бал». В этом небольшом по объему тексте представлен романтический и в то же время переломный момент – объяснение в любви. Герой хочет признаться в чувстве женщине его мечты. Он выбирает в качестве места встречи рождественский бал. Бал в этом рассказе становится структурообразующим элементом. Т.Н.Юрченко отмечает особую мифологичность этого действия: пространство и время бала мифологичны – продвижение в них мыслится как попадание в другой мир, выход в иное измерение, в котором происходит мена сущности человека, обретается иное бытие [6].

Важной составляющей бала в рассказе является музыкальное сопровождение. Это не тихая, соответствующая моменту романтическая мелодия, а «раскаты духовой музыки, торжествующе гремевшей с хор» [7; с. 530], «пьянящий шум движения толпы на парадной лестнице» [7; с. 530].

Окружающая героя атмосфера отражает сюжет рассказа. Признание в любви – это напряженный момент, поэтому все вокруг раскалено и напряжено: «меня поминутно толкали входящие в залу и с трудом выходящие из его уже горячей духоты» [7; с. 530], «от этого бального зноя» [7; с. 531]. Жар с окружающей атмосферы перекинулся и на героя: «было и на мне все уже горячее – фрак, жилет, спина рубашки, воротничок, гладко причесанные волосы» [7; с. 531]. Горячность захватила всю его сущность: «вдруг стал говорить горячо, настойчиво, но бормоча, делая безразличное лицо, чтобы никто не заметил этой горячности» [7; с. 531], «говорил я с безразличным лицом, но все горячее и поспешнее» [7; с. 532]. Этому палящему ощущению противопоставляется

холод: «только лоб в поту был холоден, как лед, и я сам чувствовал его холод, и кинулся вниз по лестнице, навстречу все еще поднимавшейся снизу толпы, откуда несло и пронизывало морозным холодом» [7; с. 530], «бормотал я, вытирая платком ледяной лоб» [7; с. 531]. Контраст ощущений героя связан с мотивом памяти - беспамятства. Рассказ назван «Памятный бал». Он памятен для героев. Для него – это символ потери контроля, символ беспамятства («я с головокружением поклонился ей» [7; с. 531], «я бросил в лицо ему свою визитную карточку и, задыхаясь, с торжественной театральностью сумасшедшего» [7; с. 533]). Для героини – это символ очередного утомительного недоразумения, так как она присутствовала на таких балах постоянно и даже хорошо знала девушку, продававшую там цветы.

Контраст является одним из ключевых приемов в этом рассказе. Во-первых, противопоставление присутствует в портрете героя (белый лоб «над резко черными глазами» [7; с. 530]), движения героя противопоставлены движению толпы, он все время пытается пройти сквозь толпу, не смешиваясь с нею. В образе героини тоже присутствует контраст: костюм (черное платье – белые перчатки), внешность (герой отмечает ее красоту, любит ее, но в тоже время замечает ничего не выражающие глаза), героиня говорит очень мало или молчит, герой же говорил много и горячо, при этом «делая безразличное лицо».

Во-вторых, противопоставление содержит в себе и сам сюжет рассказа: герой влюблен, героиня нет. Она любит своего мужа, который, в свою очередь, ей изменяет. Молодой офицер хочет покончить жизнь самоубийством после позорного признания в любви. Вечер заканчивается вызовом на дуэль. Но в финале рассказа эта пылкая история становится одним из эпизодов в жизни офицера. С точки зрения движения композиции тоже присутствует контраст как противопоставление движения и его отсутствия (пауз), когда толпа постоянно перемещается в пространстве, а герой и героиня «стоят у дверей» (отсутствие движения). Это задает темп всему повествованию. Контраст с помощью разноуровневых приемов (портрет, сенсорный контраст, сюжетный) остановится принципом организации художественного текста. Это противопоставление прослеживается не только на композиционно-стилистическом уровне построения текста, но и в качестве смысловой доминанты.

В рассказе «Натали» первое упоминание о бале происходит во время встречи Виталия с Натали и с Соней, которая напевает стихи А.К.Толстого «Средь шумного бала, случайно...». Эти строки становятся пророческими в судьбе персонажей.

Новая встреча героев происходит на балу, но уже в другом статусе (герой – студент, Натали – замужняя женщина). Изменились и чувства Виталия. Если прежде он испытывал двойственное чувство – плотское влечение к Соне и восторженно-тайную любовь к Натали, то теперь он «привык к ...состоянию душевно больного человека» [7; с. 396]. И далее рефреном повторяется строчка из стихотворения А.К.Толстого.

Герой случайно встречает свою прежнюю любовь. Атмосфера бала – шумно, толпа народа. Как и в рассказе «Памятный бал», этот момент сопровождает музыка: «из главной залы, с ее хор, все покрывала, заглушала полковая музыка, звучно гремя печально-торжествующими тактами вальса слушая разливы и раскаты оркестра» [7; с. 380].

Объединяет эти два текста сенсорный контраст: герой с мороза – вокруг горячая толпа. Присутствует здесь и ритмический контраст. Вокруг много движения (народ все время прибывал, герой постоянно движется, десятки пар мелькают в вальсе, толпа кружится, пара танцующих летит глиссадами (скользящим шагом)). Бал представляет собой постоянное, ускоренное движение. За один вечер происходит смена событий, включающая и ключевое событие. Но в самый важный момент, как в замедленной съемке, автор концентрирует внимание героя на одной паре. Больше герой не видит ничего.

Контраст присутствует и в описании героев: он, несколько сутулый в вальсировании, велик, дороден, весь черен – она в бальной высокой причёске, в бальном белом платье и стройных золотых туфельках. Каждый из героев любовного треугольника производит противоположное впечатление: Виталий – «в новеньком мундире и от этого не в меру изысканном» [7; с. 380] производит впечатление распорядителя, Натали манит героя, как нечто соблазнительное и недоступное: «чернота глаз сверкнула совсем близко» [7; с. 380], «губы ее приоткрылись вздохом на повороте» [7; с. 381], «серебристо мелькнул подол платья» [7; с. 380] и в тоже время она похожа на лебедя (символ чистоты). Мещерский, несмотря на старательность грузного человека, ловко скользит на лакированных носках.

В образах героев присутствует двойственное начало, которое выражает оппозицию ожидание-реальность. Также она прослеживается и в других образах и ситуациях на балу: герой вошел, «с поклоном протянул сторублевую бумажку» [7; с. 380], девушки, «столкнувшись головами» [7; с. 380], вытащили бутылку; алкоголь подействовал на Виталия странным образом – он стал «страшно бледный».

Атмосфера бала захватывает героя и заканчивается тем, что он напивается в надежде на смерть от остановки сердца. Бал представляется собой регламентированный ритуал, который несет в себе элемент театральности. Но в тоже время это и праздник, когда происходит максимальная концентрация событий, эмоций. Это и пограничная ситуация, становящаяся для героя решающей. Когда он понимает, что его чувства все так же сильны.

В конце рассказа герои вспоминают тот бал, и героиня признается, что тоже видела Виталия. Заканчивается их беседа фразой о том, что любовь несет счастье, даже если она не взаимная. Эта мысль становится лейт-мотивом творчества И.А.Бунина, ведь все его творчество воплощает «экзистенциальный конфликт любви с миром обыденным, и ее трагизм в земной жизни. Именно такой аспект осмысления феномена любви определяет мистическую близость любви и смерти» [8; с. 5].

Подводя итоги, можно сказать, что выявленная в работе модель бала представляет, с одной стороны, символ времени, прослеживает непосредственную связь с историческими, культурологическими корнями систему светского ритуала. С другой стороны, бал – своеобразная модель бытия, имеющая метафизическую семантику. Исследователь И.Ф.Удянская называет бал метафорой особого бытийного состояния, совмещающего в себе мудрость и непосредственность, свободу и стихийность, жизненную динамику [9].

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. - 48 т.: указ. Т. 4: 1700-1712. 1830. Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/182-t-4-1700-1712-1830#mode/grid/page/1/zoom/1> (Дата обращения: 22.04.2018).
2. Захарова О. Ю. Русский бал XVIII – начала XX века. / О. Ю. Захарова. М.: Центрполиграф, 2010. 448 с.
3. Лотман М. Ю. «Беседы о русской культуре» быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века) / М. Ю. Лотман. СПб: «Искусство – СПб», 1999. 412 с.
4. Пеньковский А. Б. Символы бально-маскарадного мира // А. Б. Пеньковский. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 1999. С. 34–36.
5. Колесникова А. В. Бал в истории русской культуры: диссертация. канд. культурол. Наук / А.В. Колесникова. СПб., 1999. - 20 с.

6. Юрченко Т.Н. Мифологема бала в русской литературе 20 - 40-х гг. XIX в.: автореф. диссертации канд. филол. наук / Т.Н. Юрченко. Горно-Алтайск, 2001. 20 с.
7. Бунин И. А. Собрание сочинений в шести томах. / И. А. Бунин. М.: Художественная литература, 1988. Том 5. 639 с.
8. Хван А. А. Метафизика любви в произведениях А. И. Куприна и И. А. Бунина: автореф. диссертации канд. филол. наук / А. А. Хван. М., 2002. 20 с.
9. Удянская И. Ф. Танец как предмет изображения в литературе русского модернизма: автореф. диссертации к. филол. наук / Т. Ф. Удянская. М., 2006. 20 с.

References

1. Complete collection of laws of the Russian Empire: First meeting: From 1649 to December 12, 1825. - SPb. : Type. II Depths of property. EI V. Chancery, 1830. - 48 tons: decree. T. 4: 1700-1712. -1830. Access mode: <http://elib.shpl.ru/en/nodes/182-t-4-1700-1712-1830#mode/grid/page/1/zoom/1> (Date of access: 22.04.2018).
2. Zakharova O. Y. Russian ball of the XVIII - the beginning of the XX century / O. Y. Zakharova. - Moscow: Tsentralpigraf, 2010. - 448 p.
3. Lotman M. Y. «Conversations about Russian culture» the way of life and traditions of the Russian nobility (XVIII-early XIX century) / M. Y. Lotman. St. Petersburg: «Art – SPB», 1999. - 412 p.
4. Penkovsky A. B. Symbols of the ballroom-masquerade world // A. B. Penkovsky. Nina. The cultural myth of the golden age of Russian literature in linguistic coverage. M., 1999. P. 34-36.
5. Kolesnikova A. V. Ball in the history of Russian culture: thesis. Cand. culturol. Sciences / A.V. Kolesnikova. - St. Petersburg, 1999. - 20 p.
6. Yurchenko T. N. Mythology of the ball in the Russian literature of 20 - 40-ies. XIX century: Author's abstract. Thesis of Cand. philol. Sciences / T. N.. Yurchenko. - Gorno-Altai, 2001. - 20 p.
7. Bunin I. A. Collection of works in six volumes / I. A. Bunin. - M.: Fiction, 1988. - Volume 5. - 639 p.
8. Khvan A. A. The metaphysics of love in the works of A. I. Kuprin and I. A. Bunin: Thesis of Cand. philol. Science / A. A. Hwan. - M., 2002. - 20 p.
9. Udianskaya I. F. Dance as an object of the image in the literature of Russian modernism: author's abstract. dissertations to. philol. Sciences / T. F. Udnyanskaya. - M., 2006. - 20 p.

УДК 808.2:82-3

*Воронежский государственный технический университет
ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Карташова Е.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant
Kartashova E.N.
Russia, Voronezh, +7(473) 271-50-48
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

Е.Н. Карташова

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПРОЗЕ В.М. ШУКШИНА

В статье рассматриваются особенности репрезентации образа одинокой женщины в произведениях В.М. Шукшина, выделяются лексические единицы, актуализирующие особенности женских персонажей, обобщается новый материал по исследуемой теме «Лингвистическая типология женского характера в произведениях В.М. Шукшина». В работах, посвященных изучению языка произведений писателя, характер героинь не подвергался лингвистическому анализу. Это делает актуальным обращение к изучению характера женских персонажей. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые проводится исследование образа одинокой женщины. Предметом исследования являются лексические средства, используемые для репрезентации черт характера героинь. Материалом исследования послужили рассказы В.М. Шукшина «Сураз», «Капроновая елочка», киноповесть «Калина красная», роман «Любовины». Цель настоящей работы – выявить особенности характера женских персонажей посредством лексико-семантического анализа. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: выявить доминирующие черты, присущие одиноким женщинам с помощью лексико-семантического анализа; определить роль лексических средств, используемых для описания характера, в раскрытии идейно-художественной направленности произведений писателя. При анализе материала нами был использован метод исследования, имеющий комплексный характер: лингвистический анализ фрагментов художественного текста, включающий в себя метод лингвистического наблюдения, описательный метод (наблюдение, интерпретация, аналитическое описание языковых явлений). Исходя из лексико-семантического анализа прозы В.М. Шукшина, устанавливается, что одинокие женщины в его произведениях добрые, сердечные, простодушные, спокойные, религиозные, душевные и чуткие. Жалостливое отношение к вдове в рассказах и повестях писателя перекликается с фольклорными текстами.

Ключевые слова: одинокая женщина, вдова, характер, образ, В.М. Шукшин.

E.N. Kartashova

FEATURES OF REPRESENTATION OF SINGLE WOMAN'S IMAGE IN V.M. SHUKSHIN'S PROZE

The article discusses the features of the representation of the image of a lonely woman in the works of V.Shukshin, highlights the lexical units that actualize the features of female characters, summarizes the new material on the studied topic "Linguistic typology of a female character in the works of V.Shukshin". In the works devoted to the study of the language of the writer's works, the character of the heroines was not subjected to linguistic analysis. This makes relevant appeal to the study of the nature of female characters. The scientific novelty of the work lies in the fact that it first conducted a study of the image of a single woman. The subject of research is the lexical means used to represent the character traits of the heroines. The material of the study was the sto-

ries by V.Shukshina “Suraz”, “The nylon herringbone”, the film novel “Kalina Krasnaya”, the novel “Lyubavinas”. The purpose of this work is to identify the characteristics of the character of female characters through a lexical-semantic analysis. Achieving this goal involves solving the following tasks: to identify the dominant features inherent in single women with the help of a lexico-semantic analysis; determine the role of lexical means used to describe the character in the disclosure of the ideological and artistic orientation of the writer's works. When analyzing the material, we used a research method that has a complex character: linguistic analysis of fragments of a literary text, including the linguistic observation method, descriptive method (observation, interpretation, analytical description of linguistic phenomena). Based on the vocabulary-semantic analysis of the prose of V.M. Shukshin, it is established that single women in his works are kind, cordial, simple-minded, calm, religious, sincere and sensitive. The compassionate attitude to the widow in the stories and stories of the writer echoes the folklore texts.

Key words: single woman, widow, character, type, V.M. Shukshin.

Героини с несложившейся личной жизнью – одинокие женщины – редко встречаются в прозе В.М.Шукшина. Стоит отметить, что для В.М.Шукшина приоритетной всегда оставалась роль женщины – хранительницы очага. Тема семьи очень важна для писателя. Но, тем не менее, тип одиноких женщин представлен в его произведениях и имеет свои характерные черты.

Герои произведений В. М. Шукшина с сочувствием относятся к одиноким женщинам. Это сочувствие эксплицируется посредством лексем *жалко, слабые*: «Славный это народ, одинокие женщины. Почему-то у них всегда уютно, хорошо...Милые. Добрые. Жалко их» «Сураз» [1, с. 81]; «Та-а...что ты ее осуждаешь. Ихнее дела...Слабые они. А он, видно, приласкал» «Капроновая елочка» [2, с. 290]. Это отношение биографически детерминировано: мать писателя рано овдовела, осталась с двумя детьми в послевоенные годы, Василию пришлось взять на себя обязанности главы семьи.

Сочувствие к героиням переключается с народным восприятием одинокой женщины, вдовы. В произведениях русского фольклора запечатлено мироощущение народа, его морально-нравственные ценности. Велико значение произведений В.М.Шукшина, ведь через них транслируется традиционный, самобытный жизненный опыт русских людей. Шукшин подчеркивал: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту...Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами. Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание не отдавай всего этого за понюх табаку» [3, с. 647]. Особенности женского характера, отраженные в фольклорных текстах, мы видим и в женских образах В.М.Шукшина.

Так, в пословицах и поговорках образ одинокой женщины, вдовы трагичен и печален: *С мужем нужна, без мужа и того хуже, а вдовой да сиротой - хоть волком вой* [5, с. 175]; *На вдовый плач глядя, и мужик убивается; Нет причитания супротив вдовьего; Без мужа жена – всегда сирота; Жена без мужа – всего хуже; Жена без мужа – вдовы хуже* [6, с. 123 - 125].

Жалостливое отношение к вдове отражено и в свадебной песне: *Это чья в поле нива стоит без огорода? Это чей новый терем стоит без верху строен? Это чьи новы сени стоят без подволоку? Это чья кунья шуба лежит без поволоки? Это чей златень перстень лежит без подзолоты? Это чья бедна вдовка молода овдовела? Это чьи бедны дети малы от батюшки остались?»* [7, с.509].

Одинокие женщины в прозе Шукшина характеризуются с помощью лексем, имеющих положительную семантику, таких как *славный, милые, добрые, приветливая,*

хорошо, ласково: «Жила в их деревне одинокая вдова Нюра Чалова, добрая, приветливая баба» «Капроновая елочка» [2, с. 290]; «Славный это народ, одинокие женщины. Почему-то у них всегда уютно, хорошо... Они вздрагивают с непривычки и смотрят ласково, пытливо. Милые. Добрые. Жалко их» «Сураз» [1, с. 81], «Спирьке нестерпимо стало жаль Нюру»... «Сураз» [1, с. 83].

Героиня киноповести В.М.Шукшина «Калина Красная» Люба – женщина с разрушившимся вследствие алкоголизма мужа браком. Она обладает прекрасными душевными качествами и сильным характером, в котором присутствуют доброта и сердечность. Данные черты репрезентируется посредством лексем *милое, добрая, хорошая, ласково: «И сам засмотрелся на милое русское простое лицо... На фотографии была довольно красивая молодая женщина, добрая и ясная» [3, с. 353]; «Такая она была хорошая!» [3, с. 380]; «Ты хорошая, – вырвалось у Егора» [3, с. 393]; «Егор и сам засмотрелся на нее, на утреннюю, хорошую» [3, с. 392].*

Любовь Байкалова излучает спокойствие. Эта черта актуализируется с помощью лексем *спокойно, спокойный: «И все смотрела на него спокойно и задумчиво» [3, с. 370]; «Люба шла несколько впереди и, говоря это, оглядывалась, и вид у нее был спокойный и веселый» [3, с. 371].* Она является воплощением любви и великодушия.

Однако в некоторых произведениях писателя образ одинокой женщины наделен негативными чертами. Так, героиня романа «Любавины» Фекла Черномырдина *«шибко жадная до всяких тряпок»* – эта ее особенность высмеивается односельчанами: *«Фекла Черномырдина живет, старая девка. А она шибко жадная до всяких тряпок. Прямо, где увидит лоскуток, затрясется вся» [4, с.184].* Чрезмерная жадность и любовь к ярким вещам героини подчеркивается посредством словосочетаний *шибко жадная, затрясется вся.* Автор отмечает также неумную гордость (с помощью лексем *гордых, гордости*), ставшую причиной одиночества Феклы: *«Фекла тоже была из гордых людей; в свое время из-за гордости и проворонила всех женихов» [4, с. 232].* Словосочетание *«старая девка»* – оксюморон, имеющий ярко выраженное негативное значение. Это совсем не случайно, ведь в крестьянской среде весьма неоднозначно относились к женщинам, так и не вышедшим замуж. Их могли осуждать за нарушение семейного патриархального уклада, относились к ним настороженно.

Итак, в прозе В.М. Шукшина одинокие женщины, оставшиеся без мужа, наделены добротой, они приветливы, ласковы, спокойны. Герои – мужчины относятся к ним с состраданием (так в рассказе «Сураз» Спирька Расторгуев в голодное военное время крадет для Нюры – вдовы с двумя детьми мешок картошки). В образе «старой девы» присутствуют негативные черты, повлекшие за собой ее одиночество.

Библиографический список

1. Шукшин В. М. Крепкий мужик: рассказы. М.: ПРОЗАИК, 2010. 528 с.
2. Шукшин В. М. Светлые души: рассказы. М.: ПРОЗАИК, 2010. 512 с.
3. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 3-х т. Т. 3/ Сост. Л.Федосеева-Шукшина. М.: Мол. гвардия, 1985. 671 с.
4. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 3-х т. Т. 1/ Сост. Л.Федосеева-Шукшина. – М.: Мол. гвардия, 1984. – 702 с.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Т. 1: издание М. О. Вольфа, Спб. М., 1880. 723 с.

6. Даль, Владимир Иванович Пословицы и поговорки русского народа / Владимир Даль. М. : ЭКСМО-пресс, 2000. 606 с.

7. Обрядовая поэзия/ Сост., предисл., примеч., подгот. текстов В.И.Жекулиной, А.Н.Розова. М.: Современник, 1989. 735 с.

References

1. Shukshin V. M. *Krepkii muzhik: rasskazy* [Strong man: stories]. Moscow, PROZAIK Publ., 2010, 528 p.

2. Shukshin V. M. *Svetlye dushi: rasskazy* [Light Soul: stories]. Moscow, PROZAIK Publ., 2010, 512 p.

3. Shukshin V.M. *Sobranie sochinenii: v 3-kh t* [Works in three vol.], sost. L.Fedoseeva-Shukshina. Moscow, Mol. gvardiia Publ., 1985, vol. 3, 671 p.

4. Shukshin V.M. *Sobranie sochinenii: v 3-kh t* [Works in three vol.], sost. L.Fedoseeva-Shukshina. Moscow, Mol. gvardiia Publ., 1984, vol. 1, 702 p.

5. Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Izdanie M. O. Vol'fa [The publication M. O. Wolff]. St. Petersburg Moscow Publ., 1880, vol. 1, 723 p.

6. Dal' V. I. *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow, Eksmo Press Publ., 2000, 344 p.

7. *Obriadovaia poeziia*, sost., predisl., primech., podgot. tekstov V.I.Zhekulinoi, A.N.Rozova [Ritual poetry, drawing preface, notes, preparation V.I.Zhekulinoy texts A.N.Rozova] . Moscow, Sovremennik Publ., 1989, 735 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 802.0

<i>Юго-западный университет им. Неофита Рильского</i>	<i>South-West University «Neofit Rilski»</i>
<i>доктор кафедры Славистики</i>	<i>The chair of Slavistics</i>
<i>Христова С.Н.</i>	<i>PhD</i>
<i>Болгария, г. Благоевград,</i>	<i>Hristova S.N.</i>
<i>тел. 0359 898878307</i>	<i>Bulgaria, Blagoevgrad,</i>
<i>e-mail: sonja1963@abv.bg</i>	<i>0359 898878307</i>
	<i>e-mail: sonja1963@abv.bg</i>

С.Н. Христова

**ОБРАЩЕНИЕ ПО ТИТУЛАМ В ЭТИКЕТНОЙ РЕЧИ РУССКОГО
ДВОРЯНСТВА И АНГЛИЙСКОЙ АРИСТОКРАТИИ XIX ВЕКА
В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ)**

Статья посвящена языку, как сложной системе и социально-общественному явлению, удовлетворяющему потребности общества, обеспечивающему связь между ними на материале форм обращения по титулам в этикетной речи русского дворянства и английской аристократии XIX века в аспекте социолингвистики. Социолингвистика раскрывает корреляцию между языковой и социальной структурой. Социальная структура и организация общества состоят из уровней, принявших форму господства и подчинения. Социальное поведение личности и его регламентирование зависят от социального равенства, полового и возрастного разделения труда, родственных отношений. Титулование в сословно-феодальном обществе как форма обращения к лицам дворянского, аристократического происхождения подчёркивает их особое и привилегированное положение. В России к аристократии относится дворянство – сословие княжеского, царского и имперского периода. В Англии – это британское викторианское аристократическое общество, которое имеет установленные, авторитетные традиции в области культурных образцов речевого поведения, чье возникновение, связано с английским викторианским периодом, славившимся своей строгой иерархией, нормами и правилами. У каждого социального слоя есть собственные нормы и стереотипы речевого общения, собственный «язык», с характерными, национально-обусловленными социальными признаками, – речевой этикет. Исследование построено на основе сравнительного анализа употребления обращения по титулам в русском и английском обществах XIX века, как своеобразного маркера статусности, социальной ситуации, социальной роли, отношений между коммуникантами. Основная цель работы – представить влияние социолингвистических маркеров, социально-иерархической принадлежности, пола и возраста на употребление форм обращения.

Ключевые слова: социолингвистика, социолингвистический маркер, общество, дворянство, аристократия, титул, речевой этикет, обращение.

S.N. Hristova

**ADDRESS ON TITLES IN ETIQUETTE SPEECH OF THE RUSSIAN
NOBILITY AND ENGLISH ARISTOCRACY OF THE XIX CENTURY
ON THE SOCIO-LINGUISTIC ASPECT
(RUSSIAN-ENGLISH PARALLELS)**

The article is dedicated to the language as a complex system and social phenomenon that satisfies needs of society, provides the link between them on the basis of the forms of address on titles in etiquette speech of the Russian nobility and English aristocracy of the XIX century on the sociolinguistic aspect. Sociolinguistics reveals the correlation between the linguistic and social structure. The social structure and the organization of society consists of levels that have taken the form of domination and subordination. Social behavior of the individual and his regulation depends on social equality, sexual and age division of labor, family relations. Classes and estates are part of the European feudal society. Titling in the social-feudal society as a form of treatment to the persons of noble origin, emphasizes their special and privileged position. In Russia, the aristocracy includes the nobility - the estate of the princely, royal and imperial period. In England it is a British Victorian aristocratic society that has established, authoritative traditions in the field of cultural patterns of speech behavior, whose origin is associated with the English Victorian period, famous for its strict hierarchy, norms and rules. Belonging to the particular social class, origin and social environment influence on his speech behavior. Each social stratum has its own norms and stereotypes of verbal communication, own "language" with characteristic, nationally determined social attributes - speech etiquette. The study is based on a comparative analysis of the usage of address on titles in Russian and English societies of the XIX century, as a kind of marker of status, social situation, social role, relations between communicants. The main purpose of the work is to present the influence of the sociolinguistic markers, social and hierarchical gender and age, on the usage of forms of address.

Key words: sociolinguistics, society, nobility, aristocracy, title, speech etiquette, address.

Социоллингвистика исследует причины, движущие силы языковых изменений, язык и его носителей, историю народа, социальные условия существования. Согласно Ш.Балли, речь, как система выразительных средств, зависит от трех типов релляций: язык – разум, язык – чувства, язык – общество. [1; с. 29]. Третья релляция впервые была представлена Ш. Балли. В последние десятилетия эта социальная теория получила новое трактование в социоллингвистике, раскрывая зависимость речевого поведения коммуникантов от целого комплекса социальных маркеров, среди которых выделяются – социально-иерархическое положение, пол, возраст,

Принадлежность индивида к определенному социальному классу, его происхождение и социальная среда оказывают влияние на его речь. [2; с. 187- 416]. . Классы и сословия – это часть европейского феодального общества, а высшее сословие – крупная и мелкая аристократия [3]. Высший социальный класс, обладающий властью, богатством, привилегиями, строит круг управления из „выбранных“, „лучших умов“, который руководит государством.

Словесные обозначения, установленные законом, служебного и сословно-родового положения их обладателей, кратко определявшие их правовой статус – это титулы.. В целом система титулов — один из устоев государственного механизма. Каждому чину определялась «формула ТИТУЛОВАНИЯ» — официальная форма обращения, устная или письменная. [4]

В России к аристократии относится дворянство – сословие княжеского, царского и имперского периода. В период расцвета дворянство подразделяется на:

СТАРОЕ (ЗНАТНОЕ) ДВОРЯНСТВО

потомки древних князей,

старых боярских родов и другие знатные роды.

ТИТУЛОВАННОЕ ДВОРЯНСТВО

князья, графы, бароны

В Англии это – британское викторианское аристократическое общество, которое имеет установленные, авторитетные традиции в области культурных образцов речевого поведения, чье возникновение, связано с английским викторианским периодом, славившимся своей строгой иерархией, нормами и правилами. Это общество делится на:

ТИТУЛОВАННЫЕ

(*пэры / peers*)

(*большая часть английской аристократии.*)

COMMONERS

(*все остальные, к которым относится*

Начало системе титулов, мундиров, орденов в России было положено в царствование Петра I и связано с его реформаторской деятельностью. Не „порода“, а служба должна была отныне стать главным мерилем заслуг каждого. Правовой основой для этого стала „Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, ..“, введенная в действие 24 января 1722. [5] В Московской Руси был только один аристократический титул - „князь“. Иностранные титулы в России появились при Петре I. Этому есть следующее объяснение: на присоединенных Петром территориях уже были люди с такими титулами и также эти титулы носили иностранцы, которых Петр привлекал в Россию. [6]

При обращении к равным по рангу или к ниже стоящим лицам в иерархии, наиболее употребительными и широко распространенными являются титулы: *князь, княгиня, княжна, граф, графиня*; уважительными и официальными являются обращения *милостивый государь, милостивая государыня.*, и наиболее почтительными – *Ваше Величество, Ваше превосходительство, Ваше сиятельство, Ваша честь.*

Началом аристократических титулов в Англии принято считать Средневековье. В то время их присваивали крупным землевладельцам. Имя, прикрепленное к титулу, указывало на местонахождение собственности или местожительство, например, *Duke of Northumberland, Duchess of Berwick* и т.д. Иерархия титулов имеет следующий порядок:

- I. The Royal Family (Королевская семья) – *King; Queen; Prince; Princess;*
- II. The Peerage (Аристократия Lord and Lady) – *Duke or Duchess; Marquis or Marchioness; Earl or Countess; Viscount or Viscountess; Baron or Baroness;*
- III. Lesser Titles (более низкие титулы, Sir and Lady) – *Baronet; Knight.*

У каждой страны и социальной группы, у каждого социального слоя есть собственные нормы и стереотипы речевого общения, „язык“ с характерными, национально обусловленными социальными признаками – речевой этикет [7; с. 7]. Это микросистема, которая функционирует в тематических ситуациях и состоит из собственных формул, выражающих почтение и социальную дистанцию. Все они являются общеупотребительными и хорошо знакомыми членам языкового коллектива [8; с. 93-117].

Обращение по титулам в этикетной речи русского дворянства и английской аристократии XIX века является важным маркером статусности, социальной ситуации, социальной роли, отношений между коммуникантами и сигнализирует о социальных аспектах коммуникации [9]

В этикетной речи русского дворянства оно представлено следующими лексемами и словосочетаниями: *Ваше Величество, Ваше превосходительство, Ваше сиятельство, Ваша честь. граф, графиня, князь, княгиня, княжна, милостивый государь, сударь, сударыня.* Их употребление зависит от влияния факторов: социально- иерархической принадлежности, пола, возраста.

В соответствии с социально - иерархической принадлежностью употребление этикетных форм осуществляется между представителями потомственного дворянства. Происхождение и социальная среда предопределяют этот выбор. Во всех выбранных примерах осуществляется обращение по титулу с фамилией или без фамилии. Это сигнализирует об уважении, о социальном статусе, о социальной и статусной

дистанциях. В романе Л.Н.Толстого "Война и мир" находим пример обращения Наташи Ростовой, младшей дочери графа Ростова, к сестре князя Андрея Болонского, княжне Марии Болконской (княжне Марье), выросшей без матери, под строгим надзором отца, что оказало влияние на ее характер и жизнь. Несмотря на споры и разногласия, для обеих девушек нормы поведения и речи – обязательное условие, которое они соблюдают, например обращение по титулу.

Наташа Ростова (княжне Марье: „Я думаю, **княжна**, что теперь неудобно говорить об этом, — сказала Наташа с внешним достоинством и холодностью“ [10 а].

Аналогичную модель общения мы обнаружили и в следующих выбранных примерах.

Графиня Нордстон (князю Левину): „**Князь**, отпустите нам Константина Дмитрича, — сказала графиня Нордстон“ [11].

Марфа Бабакина (графу Шабельскому): „**Ваше сиятельство**, а только я не люблю насмешек“ [12].

Дорн (Сорину): „Пустое, **ваше превосходительство**“ [13].

Трилецкий (Анне Петровне): „Не кричите, пожалуйста, **ваше сиятельство** ! Пошлю судебному следователю вашу визитную карточку“ [14].

Обращения *милостивый государь*, *сударь*, *сударыня* адресованы к лицам высокого положения в обществе, знатного происхождения, важной должности.

В зависимости от социально-иерархической принадлежности в этикетной речи русского дворянства присутствуют все три формы. В примере из романа И.А.Гончарова "Обыкновенная история" Анна Адуева обращается к своему собеседнику Петру Иванычу, употребляя *милостивый государь*, руководствуясь происхождением и образом жизни в качестве мотивов выбора нужной формы. Анна Адуева – владелица богатой усадьбы. У нее есть сын Александр, который собирается переехать в Петербург, чтобы осуществить свои мечты. Он будет жить у своего дяди Петра Иваныча, долгие годы живущего в городе, сделавшего карьеру, добившегося успеха и заслужившего авторитет в петербургском высшем обществе. В примере и говорящий, и слушающий имеют одинаковый социальный статус, но, вопреки тому, Анна Адуева, обращается к своему собеседнику, употребляя *милостивый государь*, выражая этим свое уважение и чинопочитание:

Анна Адуева (Петру Иванычу): „Любезный братец, **милостивый государь**, Петр Иваныч! [15].

Обращение *сударыня* мы обнаружили в романе И.С.Тургенева "Дворянское гнездо" [16]. В примере потомственный дворянин Федор Лаврецкий обращается к своей супруге, Варваре Павловне, прелестной, спокойной и самоуверенной аристократке, какой она показалось ему давно, при их первой встрече, но в данный момент между ними есть огромная пропасть взаимного недоверия, употребляет тот же самый титул:

Федор Лаврецкий (Варваре Павловне): „Послушайте, **сударыня**, - начало наконец, тяжело дыша и по временам стискивая зубы, - нам нечего притворяться друг перед другом; я вашему раскаянию не верю; да если бы оно и было искренно “ [16].

Употребление формы *сударь*, отмечено нами в романе И.А.Гончарова "Обломов", где аристократ Штольц, обращается к своему собеседнику Обломову. Оба они потомственные дворяне и друзья с детства. Обращение *сударь* в примере выражает уважение и почтение к статусу собеседника.

Штольц (Обломову): „Слушаю, **сударь** “ [17а];

С учетом критерия *возраст* (одинаковый: *младший* - *младший* ; *средний* – *средний*; *старший* – *старший*, и разный: *младший* – *средний* – *старший*, *старший* – *средний* – *младший*) наиболее распространенное употребление титулов мы

обнаружили в этикетной речи коммуникантов разного возраста, особенно при обращении младшего к старшему и среднего к старшему по возрасту. Приведенный ниже пример из романа Л.Н.Толстого "Война и мир" иллюстрирует вторую возрастную комбинацию: Берг, мужчина среднего возраста, обращается к графу Ростову, человеку более старшего возраста, употребляя соответственный титул - *граф*, Берг – один из самых неприятных персонажей в романе, не вызывающий симпатий в том числе у автора. На всех он производит прекрасное впечатление, спокойный, вежливый человек, но на самом деле является эгоистичным, бессердечным и жадным. Доказательством этого является тот факт, что совершенно недобросовестно он требует приданого у своего тестя, несмотря на сложную финансовую ситуацию в семье Ростовых. Говорящий обращается к своему собеседнику по титулу, выражая этим уважение к его высокому социальному статусу.

Берг (графу Ростову): „Потому что рассудите, **граф**, ежели бы я теперь позволил себе жениться, не имея определенных средств, я поступил бы подло...“ [10 б].

В зависимости от критерия *возраст*, более активное употребление титула в качестве формы обращения мы зарегистрировали в этикетной речи коммуникантов разного возраста. В романе И.С.Тургенева "Отцы и дети", мы видим Евгения Базарова (23 г.), который обращается к Павлу Петровичу (более 50 лет), придерживаясь этикетных норм поведения при общении с человеком старшего возраста.

Евгений Базаров (Павлу Петровичу): „Я эфтим хочу доказать, **милостивый государь!**“ [18]

В зависимости от критерия *пол* (*женщины к женщинам; мужчины к мужчинам*) – в случае принадлежности к одному полу – нами обнаружено употребление обращения по титулу в этикетной речи женщин и в этикетной речи мужчин:

Наташа Ростова (княжне Марье): „Я думаю, **княжна**, что теперь неудобно говорить об этом, - сказала Наташа с внешним достоинством и холодностью“ [10в];

Употребление того же самого обращения есть и в этикетной речи коммуникантов противоположного пола – *женщины к мужчинам и мужчины к женщинам*:

Анна Павловна (Пьеру Безухову): Что же вы мне скажете, **князь**, о моем Борисе? – сказала она, догоняя его в передней“ [10г].

б) Платонов (Анне Петровне): „Худо, **ваше превосходительство!**“ [14].

Влияние фактора *пол* проявляется и в формах *милостивый государь, сударь, сударыня*. Они присутствуют в этикетной речи коммуникантов одинакового пола, более часто – в мужской речи, что иллюстрируют примеры из романов И.А.Гончарова и И.С.Тургенева, где говорящий обращается к слушающему, употребляя форму *милостивый государь*, выражая таким образом свое уважение и почтение к нему:

Александр Адуев (Петру Иваничу): „Дядюшка! **Милостивый государь!**“ [15];

Подобное употребление есть и в этикетной речи коммуникантов противоположного пола:

Адуева (Петру Иваничу): „Любезный братец, **милостивый государь**, Петр Иваныч!“ [15];

Лаврецкий (Марье Дмитриевне): „Что вы хотите от меня, **сударыня?**“ [16].

Формы обращения по титулам в этикетной речи английской аристократии XIX века включают в себя следующие: *Lord, Lady, Duchess, Duchesse*, выбор и употребление которых зависят от влияния факторов – социально-иерархической принадлежности, пола, возраста.

В соответствии с социально-иерархической принадлежностью при одинаковом социальном статусе потомственного аристократа общаются герои Гаскелла, Уильяма М. Теккерея, О.Уайльда. Например, *Lady Plymdale* из пьесы О.Уайльда. "Lady

Windermere's fan"[19] - властная и эгоистичная женщина. Ее собеседник, Lord Augustus, добродушный джентльмен, который не любит двойственность и суету. Видно, что они разные по характеру, однако их объединяет одинаковая социальная среда и соблюдение норм речевого поведения.

Duchess of Berwick (to Lord Darlington):“ The odd trick? Is that the husband, **Lord Darlington**?[19a]

Lord Henry (to the Duchess of Harley). „I believe she has made up her mind to propose to him, **Duchess**“ [20 a];

Sir Pitt Crowley (to Lady Southdown): „And I need not tell you, my dear **Lady Southdown**“ . [22].

Обращение по титулам в этикетной речи английской аристократии XIX века, как и в речи русских дворян того времени, используется в зависимости от одинакового и противоположного пола коммуникантов:

Lady Windermere (to Duchess of Berwick) [Seated L.C.]: „Oh, you mustn't think it is going to be a ball, **Duchess**. It is only a dance in honour of my birthday. A small and early“ [19б];

George (to Lord Henry): „Oh, please don't, **Lord Henry** . I see that Basil is in one of his sulky moods, and I can't bear him when he sulks“ [20б];

Следующие примеры иллюстрируют употребление обращения по титулам к коммуникантам противоположного пола:

Dorian (to Lady Narborough):“With their ages, **Lady Narborough**?“ [20в];

Lady Narborough (to Lord Henry): „**Lord Henry**, I am not at all surprised that the world says that you are extremely wicked“ [20г];

В зависимости от *возраста* коммуникантов – одинакового или разного, мы обнаружили в этикетной речи английской аристократии употребление обращения по титулу в обоих возрастных комбинациях:

Lady Markby (to Duchess of Maryborough): „Ah, nowadays It is most fashionable. **Dear Duchess** , and how is the Duke?“ [21а];

Lady Basildon (to Lord Goring): „Certainly not comic, **Lord Goring**. How unkind of you to suggest such a thing!“ [21б].

Приведенные ниже примеры иллюстрируют употребление обращения по титулу коммуникантами разного возраста:

младший к старшему: Dorian (to Duchess of Harely) „And what does she get annoyed with you about, **Duchess**?“[20 в];

средний/ к младшему возрасту: Lord Darlington (to Lady Windermere): „Ah, what a fascinating puritan you are **Lady Windermere**“ [19в].

Социальные особенности членов общества оказывают влияние на речевое поведение, поскольку язык и социальная структура тесно связаны [23; с. 28, 30]. Несмотря на культурные и исторические различия, существуют универсальные формы речевого этикета, а также характерные как для России, так и для Англии исследуемого периода социолингвистические характеристики, детерминирующие этикетную речь. Примеры из художественных текстов изучаемого времени отражают специфику обращений двух культурных сообществ.

Язык – это не только сложная система, но и социально-общественное явление, удовлетворяющее потребности членов общества и ”обеспечивающее” связь между ними, что проявляется в формах, необходимых для осуществления коммуникации в рамках этических норм, относящихся к неотъемлемой части коммуникативной деятельности человека.

Библиографический список

1. Балли Ш.. Французская стилистика. М., 1961. 29 с.
2. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1979. 416 с.
3. Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология, 1972. URL: <http://scibook.net/raznyih-stran-cotsiolodiya/struktura-sotsialnoy-stratifikacii-tendentsii-19480.html> (Дата обращения - 30.05.2018).
4. Формулы титулования в Российской империи. URL: http://www.historymania.info/view_post.php?id=87 (Дата обращения - 17.09.2018).
5. Шепелев Л.Е. Табель о рангах всех чинов. URL: <http://militera.lib.ru/research/shepelev1/pre1.html> (Дата обращения - 17.09.2018).
6. История Российской империи. Дворянские титулы. URL: <https://www.gosimperija.info/post/2424> (Дата обращения - 17.09.2018).
7. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1987. С. 157.
8. Бузаров В.В. Грамматика разговорного английского языка. ... освещение в книге автора «Основы синтаксиса английской разговорной речи». М., 1998.
9. Газиева Г.А. Обращение как коммуникативная единица языка (на материале современного английского языка). Автореф. дис...канд. филол. наук. Ташкент, 1988.
10. Толстой Л.Н. Война и мир.
  - а) URL: <https://ilibrary.ru/text/11/p.148/index.htm> (Дата обращения - 16.09.2018);
  - б) URL: <https://ilibrary.ru/text/11/p.113/index.html> (Дата обращения - 16.09.2018);
  - в) URL: <https://ilibrary.ru/text/11/p.148/index.html> (Дата обращения - 16.09.2018);
  - г) URL: <https://ilibrary.ru/text/11/p.4/index.html> (Дата обращения - 16.09.2018).
11. Толстой Л.Н. Анна Каренина. URL: <https://ilibrary.ru/text/1099/p.14/index.html> (Дата обращения - 15.09.2018).
12. Чехов А.П. Иванов. URL: <http://ilibrary.ru/text/964/index.html> (Дата обращения - 18.06.2015).
13. Чехов А.П. Чайка. URL: <http://ilibrary.ru/text/971/index.html> (Дата обращения - 25.06.2015).
14. Чехов А.П. Безотцовщина. URL: <http://rulibrary.ru/chekhov/bezotcovshhina/19> (Дата обращения - 16.09.2018).
15. Гончаров И.А. Обыкновенная история. URL: http://librebook.ru/obyknovennaia_istoriia_ivan_aleksandrovich_goncharov (Дата обращения - 15.06.2015).
16. Тургенев И.С. Дворянское гнездо. URL: <https://ilibrary.ru/text/1647/p.37/index.html> (Дата обращения - 16.09.2018).
17. Гончаров И.А. Обломов. URL: <https://ilibrary.ru/text/475/p.14/index.html> (Дата обращения - 18.09.2018).
18. Тургенев И.С. Отцы и дети. URL: <https://ilibrary.ru/text/96/p.10/index.html> (Дата обращения - 18.09.2018).
19. Wilde O. Lady Windermere's fan:
  - а) URL: <http://www.stagebeauty.net/plays/th-lwfn1.html> (Дата обращения - 16.09.2018).
  - б) URL: <http://www.literaturepage.com/read.php?titleid=lady-windermere-s-fan&abspace=7&bookmark=1> (Дата обращения - 16.09.2018).
20. Wilde O. The Picture of Dorian Gray.

а) URL: <https://www.shmoop.com/picture-dorian-gray/chapter-3-full-text-5.html> (Дата обращения - 16.09.2018);

б) URL: <https://www.shmoop.com/picture-dorian-gray/chapter-2-full-text-2.html> (Дата обращения - 16.09.2018);

в) URL: <https://www.shmoop.com/picture-dorian-gray/chapter-15-full-text-3.html> (Дата обращения - 16.09.2018);

г) URL: <https://www.shmoop.com/picture-dorian-gray/chapter-17-full-text-3.html> (Дата обращения - 16.09.2018).

21. Wilde O. An Ideal Husband.

а) URL: <http://www.literaturepage.com/read.php?titleid=an-ideal-husband&abspage=5&bookmark=1> (Дата обращения - 16.09.2018).

б) URL: <http://www.literaturepage.com/read/an-ideal-husband-14.html> (Дата обращения - 16.09.2018).

22. Thackeray W. M. Vanity Fair. URL: http://www.victorianlondon.org/etexts/thackeray/vanity_fair-0033.shtml (Дата обращения - 16.09.2018).

23. Головин Б.Н. Вопросы социальной дифференциации языка // Вопросы социолингвистики. Л., 1969. С. 355.

References

1. Bally Sh. French stylistics. M., 1961, 29 p.

2. Berezin F.M., Golovin B.N. General Linguistics. M., 1979. 416 p.

3. Barber B. The structure of social stratification and the trend of social mobility // American Sociology, 1972, 15.02. 2016. URL: <http://scibook.net/raznyih-stran-cotsiolodiya/struktura-sotsialnoy-stratifikatsii-tendentsii-19480.html> (Date of access – 30.05.2016).

4. Forms of titles in the Russian Empire. URL: http://www.historymania.info/view_post.php?id=87 (Date of access – 17.09.2018).

5. Shepelev L.E. Table of the states of all ranks. URL: <http://militera.lib.ru/research/shepelev1/pre1.html> (Date of access – 17.09.2018).

6. History of the Russian Empire. Noble titles. URL : < <https://www.rosimperija.info/post/2424> (Date of access – 17.09.2018).

7. Formanovskaya N.I. Russian speech etiquette: linguistic and methodical aspects. - M., 1987. P. 157.

8. Buzarov V.V. Grammar of spoken English. ... coverage in the author's book "The Basics of the Syntax of English Speech." M., 1998.

9. Gazieva G.A. Address as a communicative unit of language (on the material of modern English): Abstract. dis ... .kand. philol. nauk. Tashkent, 1988.

10. Tolstoy L.N. War and Peace.

а) URL : <https://ilibrary.ru/text/11/p.148/index.htm> (Date of access – 16.09.2018);

б) URL : <https://ilibrary.ru/text/11/p.113/index.html> (Date of access – 16.09.2018);

в) URL : <https://ilibrary.ru/text/11/p.148/index.html> (Date of access – 16.09.2018);

г) URL : <https://ilibrary.ru/text/11/p.4/index.html> (Date of access – 16.09.2018).

11. Tolstoy L.N. Anna Karenina. URL: <https://ilibrary.ru/text/1099/p.14/index.html> (Date of access – 15.09.2018).

12. Chekhov A.P. Ivanov. URL: <http://ilibrary.ru/text/964/index.html> (Date of access – 18.06.2015).

13 Chekhov A.P. Seagull. URL: <http://ilibrary.ru/text/971/index.html> (Date of access – 25.06.2015).

14. Chekhov A.P. Fatherless. URL: <http://rulibrary.ru/chekhov/bezotcovshhina/19> (Date of access – 16.09.2018).

15. Goncharov I.A. Ordinary story. URL: http://librebook.ru/obyknovennaia_istoriia_ivan_aleksandrovich_goncharov (Date of access – 15.06.2015).

16. Turgenev I.S. Noble Nest. URL: <https://ilibrary.ru/text/1647/p.37/index.html> (Date of access – 16.09.2018).

17. Goncharov I.A. Oblomov. URL: <https://ilibrary.ru/text/475/p.14/index.html> (Date of access – 18.09.2018)

18. Turgenev I.S. Fathers and Sons. URL: <https://ilibrary.ru/text/96/p.10/index.html> (Date of access – 18.09.2018).

19. Wilde O. Lady Windermere's fan.

a) URL: <http://www.stagebeauty.net/plays/th-lwfn1.html> (Date of access – 16.09.2018).

б) URL: <http://www.literaturepage.com/read.php?titleid=lady-windermere-s-fan&abspage=7&bookmark=1> (Date of access – 16.09.2018).

20. Wilde O. The Picture of Dorian Gray.

a) URL: <https://www.shmoop.com/picture-dorian-gray/chapter-3-full-text-5.html> (Date of access – 16.09.2018);

б) URL: <https://www.shmoop.com/picture-dorian-gray/chapter-2-full-text-2.html> (Date of access – 16.09.2018).;

в) URL: <https://www.shmoop.com/picture-dorian-gray/chapter-15-full-text-3.html> (Date of access – 16.09.2018);

г) URL: <https://www.shmoop.com/picture-dorian-gray/chapter-17-full-text-3.html> (Date of access – 16.09.2018).

21. Wilde O. An Ideal Husband.

a) URL: <http://www.literaturepage.com/read.php?titleid=an-ideal-husband&abspage=5&bookmark=1> (Date of access – 16.09.2018).

б) URL: <http://www.literaturepage.com/read/an-ideal-husband-14.html> (Date of access – 16.09.2018).

22. Thackeray W.M. Vanity Fair. URL: http://www.victorianlondon.org/etexts/thackeray/vanity_fair-0033.shtml (Date of access – 16.09.2018).

23. Golovin B.N. Issues of social differentiation of language. // Questions of sociolinguistics. L., 1969. P. 355.

УДК 801.3 – 643 (281.9)

Воронежский государственный технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural communication,
PhD, associate professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh, +7(473) 271-50-48
e-mail: ya_witch@mail.ru

Воронежский государственный технический университет
студентка 3 курса
строительного факультета
Москаленко М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 8(920)406-62-87

Voronezh State Technical University
The department of construction
3d-year student
Moskalenko M.V.
Russia, Voronezh, 8(920)406-62-87

Н.Б. Бугакова, М.В. Москаленко

СТУДЕНТЫ КАК ОТДЕЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА И ОСОБЕННОСТИ ИХ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Данное исследование призвано проанализировать особенности экспликации определенных образов русской национальной картины мира в зависимости от социального положения, занимаемого респондентами, и их возраста. В предлагаемой работе раскрывается понятие языковой картины мира, поясняется, что под этим термином нами понимается совокупность представлений и взглядов на мир, заключенных в значениях различных слов языка, образующая некую систему взглядов на окружающую действительность. Обращается внимание на то, что изучение языковой картины мира как части индивидуального восприятия рассматривается как система опор и ориентиров. Цель исследования – изучение языковой картины мира студентов Воронежского государственного технического университета (ВГТУ), а также выявление специфических особенностей, характерных для сознания именно этой социальной группы. Авторами был проведен эксперимент, направленный на выявление лексем, наиболее частотно ассоциирующихся со словом «преподаватель» в картине мира студентов. Отобранные лексемы были проанализированы, специфика их восприятия легла в основу классификации. Результаты исследования обобщены и отражены в выводах данной статьи. В ходе эксперимента выяснилось, что преподаватель для студентов ВГТУ – это справедливый, умный и ответственный наставник, дающий знания.

Ключевые слова: картина мира, языковая группа, преподаватель, вербализация, образ, студент.

N.B. Bugakova, M.V. Moskalenko

STUDENTS AS A SEPARATE SOCIAL GROUP AND PECULIARITIES OF THEIR LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

This study is devoted to the analysis of the features of the explication of certain images of the Russian national picture of the world, depending on the social situation of the respondents and their age. The proposed work reveals the notion of the language picture of the world, explains that by this term we mean the totality of representations and views of the world, concluded in the meanings of different words of the language, forming a certain system of views on the surrounding reality. Attention is drawn to the fact that the study of the linguistic picture of the world as part of individual perception is viewed as a system of supports and landmarks. The aim of the study was to study the language picture of the world of students of the VSTU and to identify the specific

features that are characteristic of the consciousness of this particular social group. The authors conducted an experiment aimed at identifying the lexemes most frequently associated in the picture of the world of students with the word "teacher". Selected tokens were analyzed and classified. The results of the study are summarized and reflected in the conclusions of the article. In the course of the experiment, we found out that the teacher for students of VSTU is a fair, intelligent and responsible mentor who gives knowledge.

Key words: picture of the world, language group, lecturer, verbalization, image, student.

Принято считать, что язык – это свойство человека, характерное только для него, уникальное, выделяющее его из остального мира [1]. Язык отражает опыт человека по взаимодействию со средой, вследствие того что является основной когнитивной способностью человека. Опыт, который объективируется в языке, в своей совокупной целостности образует языковую картину мира [1].

Классическое определение термина «картина мира» подразумевает упорядоченную совокупность знаний о действительности, которая сформировалась в общественном (а также в групповом, индивидуальном) сознании и является обязательной для всех носителей языка [2]. На основании этого складывается мнение, что картина мира – это определенный глобальный образ мира, который возникает в итоге всех видов взаимодействия человека с окружающей действительностью, с представлениями о ней, то есть это своего рода результат духовной активности человека. Картина мира не является, как можно подумать, некой «памятью» о предметах, процессах и т.п. Напротив, она, отражая объекты, включает в себя позицию отражающего субъекта, которая выражает оценку, отношение, принимает участие в конструировании языковой картины мира. Также на формирование картины мира влияют социальные факторы (язык, традиции, воспитание, обучение и т.п.). Картина мира может быть представлена с помощью различных параметров (пространственных, временных, количественных и т.п.) [3].

Общеизвестным является мнение о том, что картина мира лежит в основе восприятия человеком или социумом мира и является основой индивидуального или общественного самосознания.

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, языковая картина мира – это «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [2]. Это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, характерная для данного языкового коллектива схема восприятия действительности [3].

Языковая картина мира – семантическое пространство языка – фиксирует человеческий опыт, хранит его и передает будущим поколениям, реагируя на изменяющиеся условия жизни человека. Основное назначение языковой картины мира – «помощь осуществлению процессов концептуализации и категоризации мира. ... Она предлагает определенные классификации всего сущего и создает некие русла, по которым может течь мощный поток человеческих мыслей» [1].

В случае возникновения ситуации неидентичности языка и мышления, их независимое существование и функционирование (при определенных условиях) приводит к тому, что появляется необходимость разграничивать языковую и более богатую концептуальную картину мира.

Как известно, процесс познания мира человеком не свободен от ошибок и заблуждений. Поэтому концептуальная картина мира находится в постоянном движении, «перерисовывается», в отличие от языковой картины мира, которая еще долго хранит

следы этих ошибок и заблуждений. Языковая картина мира как средство экспликации концептуальной картины мира «предусматривает отображение в лексиконе и грамматическом строе языка определенной сетки концептов» [1].

Традиционная точка зрения заключается в том, что картина мира, которую можно назвать знанием о мире, является основой индивидуального и общественного сознания. Язык же выполняет требования познавательного процесса. В этой связи логично предположить, что концептуальные картины мира у разных людей могут существенно различаться. Естественно, что в концептуальной картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное.

Языковая картина мира оказывается самой стабильной и устойчивой, и обусловлено это тем, что язык сохраняется веками, претерпевая лишь небольшие изменения. Те значения, которые выражаются в языке, складываются в единую систему взглядов, называемую в качестве обязательной всем носителям языка [4]. Специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую «окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [5].

В связи с наличием большого количества видов сознания (индивидуальное, коллективное и т.п.) мы можем говорить и о большом количестве языковых картин мира.

В данном исследовании нами была поставлена цель: изучить языковую картину мира студентов Воронежского государственного технического университета (ВГТУ) и их отношение к преподавателям, рабочей среде и окружающей действительности.

Проанализировав данные национальной языковой картины мира в соответствии с информацией, содержащейся в словаре С.И.Ожегова, мы пришли к выводу, что преподаватель – это специалист-работник среднего, высшего или специального учебного заведения, преподающий какой-нибудь предмет [6].

Для получения результатов мы провели эксперимент. Нами были созданы анкеты, в которых студентам было предложено подобрать четыре слова (имя существительное, глагол, имя прилагательное и наречие), которые ассоциируются для них со словом *преподаватель*. Опрос, в котором приняло участие 197 человек в возрасте от 16 до 23 лет, был произведен в марте 2018 года. Студенты давали ответы и на сайте, на котором был размещен опрос, и на бумажных носителях.

Результаты проведенного анализа были обобщены и разделены на группы по частям речи. Анализ показал, что, кроме предложенных вариантов, студенты указали причастия, а также словосочетания.

Самое большое количество реакций было получено нами среди имен существительных. В этой категории респонденты дали 69 реакций: *знания* (33), *учитель* (21), *наставник* (18), *преподаватель* (6), *человек* (5), *экзамен* (4), *строгость* (3), *обучение* (3), *познание* (2), *учёный* (2), *опыт* (2), *университет* (2), *учёба* (2), *компетенция* (2), *справедливость* (2), *ум* (2), *дисциплина* (2), *педагог* (2), *преподавание* (2), *умение*, *профессионал*, *лояльность*, *книги*, *парта*, *учение*, *образованность*, *пересдача*, *институт*, *глубь*, *сова*, *просветитель*, *предмет*, *интерес*, *помощь*, *деликатность*, *сдержанность*, *честность*, *профессор*, *призвание*, *кафедра*, *помощник*, *дети*, *лекции*, *мудрец*, *понимание*, *сотрудник*, *ответственность*, *организатор*, *оратор*, *наука*, *уважение*, *образование*, *ответственность*, *мудрость*, *основоположник*, *свет*, *доброта*, *программность*, *призвание*, *нервы*, *собака*, *мучитель*, *стройка*, *сенсей*, *препод*. Наиболее частотные - *знания* (33), *учитель* (21) и *наставник* (18). Можно проследить, что респонденты указыва-

ли необходимые качества преподавателя – лояльность, деликатность, компетенция, справедливость. Необходимо отметить, что студенты, использовавшие слово *учитель*, находятся в возрасте от 16 до 18 лет. Среди приведенных ассоциаций были такие отрицательные характеристики, как *нервы, собака, мучитель*. У некоторых студентов ассоциация к предложенному слову была словом *преподаватель*.

Наиболее распространенной среди глаголов реакцией стал глагол *учить*, он встретился нам 21 раз, всего мы получили 22 глагола – *учить* (22), *обучать* (8), *преподавать* (9), *научить* (3), *пашет* (2), *давать* (2) *трудиться* (2), *помогать* (2), *объяснять* (2), *разговаривать*, *мотивировать*, *доставать*. Студенты использовали не только инфинитивные формы этой части речи, но и формы настоящего времени 3 лица (*разъясняет, направляет*).

Категория наречий была представлена следующими реакциями опрашиваемых: *справедливо* (5), *сложно* (4), *внимательно* (3), *важно* (3), *интересно* (3), *мудро* (2), *строго* (2), *понятно* (2), *хорошо* (2), *научно*, *активно*, *смело*, *тяжело*, *мастерски*, *правильно*, *ясно*, *по-настоящему*, *навсегда*, *ответственно*, *эффективно*, *в меру*, *захватывающе*, *умно*, *здорово*, *сильно*, *доступно*, *ужасно*, *профессионально*, *отлично*, *умело*, *терпимо*, *громко*, *полезно*. Частотность слов данной лексической единицы показывает, что респонденты видят в преподавателе в первую очередь справедливость, но также оценивают сложность его работы. Среди полученных реакций мы можем заметить лишь одну негативную – слово *ужасно*.

Ассоциаций-имён прилагательных оказалось 28: *умный* (22), *мудрый* (6), *компетентный* (2), *образованный* (2), *трудолюбивый* (2), *коммуникабельный* (2), *важный*, *открытый*, *добрый*, *терпеливый*, *профессиональный*, *злой*, *терпимый*, *дисциплинированный*, *четкий*, *опытный*, *преподавательский*, *интересный*, *высококвалифицированный*, *странный*, *активный*, *бешеный*, *недовольный*, *красноречивый*, *учительский*, *лояльный*, *интеллигентный*. Самое распространенное – *умный*, его указали 22 студента. Группа «Прилагательные» оказалась наиболее насыщена словами с негативной окраской – *злой*, *странный*, *бешеный* и *недовольный*.

В ходе эксперимента у нас появились две новые группы: несмотря на то, что мы не предлагали подобрать причастие-ассоциацию, студенты дали 17 реакций данной части речи.

Анализ частотности вариантов причастий позволяет нам сказать, что для учащегося преподаватель – это человек в первую очередь обучающий их чему-то и знающий больше, чем они сами, тем не менее, они отмечали еще и то, что преподаватель загруженный. Студентам важно не только, чтобы преподаватель обучал их, но и обучался сам. Единичной реакцией с негативной окраской было слово *неудовлетворенный*. Выявлены были следующие причастия: *обучающий* (3), *образованный* (2), *знающий* (2), *неудовлетворенный*, *эрудированный*, *созидающий*, *обучаемый*, *дающий*, *открывающий*, *понимающий*, *загруженный*, *передающий* и *начитанный*.

Одной из самых интересных групп, образовавшихся стихийно, стала группа имен собственных и словосочетаний, то есть слов, которые студенты предложили сами. Было отмечено всего лишь 8 реакций – *вторая мать*, *заинтересованный в обучении*, *умеющий донести информацию*, *как Екатерина Шульман*, *созидатель шаблонных умов*, *палкой бить большой сильно*, *дающий знания*, *Гончаров*. В эту группу мы отнесли фамилию преподавателя нашего вуза – Гончарова Михаила Даниловича. Среди имен собственных оказалось и сравнение преподавателя с Екатериной Шульман, известным российским политологом. Это свидетельствует о том, что в картине мира студента сложилось ассоциативное представление идеала преподавателя с личными качествами какого-либо человека.

Нами были отмечены элементы, относящиеся к разряду жаргонной лексики. Среди существительных это слова *стройка, мучитель, препода, сенсей*. В числе глаголов оказались слова, относящиеся к разряду сниженной лексики, – *пахать* и *доставать*.

Студентов, не давших ни одной реакции, было 17.

Таким образом, подводя итоги нашего исследования, можно сделать вывод, что, в соответствии с теоретическими предположениями, некоторые языковые особенности, характерные для опрашиваемой возрастной группы, придали слову *преподаватель* особый колорит в глазах участников нашего эксперимента. Несмотря на то, что в русской национальной картине мира преподаватель – это человек, который преподает какой-либо предмет, для наших респондентов *преподаватель* – это мудрый, умный, образованный, знающий учитель, наставник, дающий знания, который учит, обучает, помогает, мотивирует и умеет донести информацию.

Библиографический список

1. Подвигина Н.Б. Индивидуально-авторское своеобразие языковой картины мира И.С. Шмелева (на материале религиозной лексики произведения «Лето Господне»). Дис. ... канд. филол. наук / Подвигина Надежда Борисовна. Воронеж, 2010. 173 с. С. 45.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: «АСТ – Восток – Запад», 2007. 314 с.
3. Подвигина Н.Б. Специфика языковой картины мира И.С. Шмелева // Н.Б. Подвигина / Современная филология в контексте взаимодействия языков и культур: Сборник материалов международной научно-практической конференции, 9 февраля 2011 г., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2011. С. 221 – 225.
4. Бугакова Н.Б. Икона в языковой картине мира И.С. Шмелева (индивидуально-авторские особенности восприятия). // Н.Б. Бугакова / Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №4 (58): в 3-х ч. Ч. 3. С. 72 – 74.
5. Бугакова Н.Б. Индивидуально-авторские особенности языковой картины мира И.С. Шмелева / Н.Б. Бугакова. Воронеж: ВГТУ, 2017. С. 26.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23519>. (Дата обращения – 15.04.2018).

References

1. Povdigina N.B. Individual authorial peculiarity of the language picture of the world of I.S. Shmelev (based on religious lexis in the novel ‘The Year of the Lord’). Dissertation... PhD in philology. Voronezh, 2010. 173 p. P. 45.
2. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive linguistics. Moscow, 2007. 314 p.
3. Podvigina N.B. The specificity of the language picture of the world of I.S. Shmelev // Modern philology in the context of interaction of languages and cultures. Republic of Bashkortostan, Sterlitamak: Sterlitamak State Teaching Academy named after Zainab Babisheva, 2011. P. 221 – 225.
4. Bugakova N.B. The icon in the language picture of the world of I.S. Shmelev (the author’s individual perception) // Philological sciences. The issues of theory and practice. Tambov, 2016. Vol. 4 (58): in 3 parts. Part 3. P. 72 – 74.
5. Bugakova N.B. Individual authorial specificity of the language picture of the world of I.S. Shmelev. Voronezh: VSTU, 2017. P. 26.
6. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of Russian language. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23519>. (Date of access – 15.04.2018).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 802.0

*Кубанский государственный университет
студент-магистр
кафедры французской филологии
факультета романо-германской филологии
Коваль Д. Е.
Россия, г. Краснодар, тел. +79182719995
e-mail: darya.koval.95@bk.ru*

*Kuban State University
Master student of French Department
Faculty of modern languages
Koval D. E.
Russia, Krasnodar, +79182719995
e-mail: darya.koval.95@bk.ru*

Д.Е. Коваль

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА СЛЕНГА «НАДСАТ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК В РОМАНЕ ЭНТОНИ БЕРДЖЕССА «ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН»

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей вымышленного сленга «Надсат» в романе американского писателя Энтони Берджесса «Заводной апельсин» и способов его перевода на русский язык. В статье изложено краткое описание сюжета, особое внимание уделяется структуре «Надсата», дается описание его функций и объясняется происхождение его названия, обосновывается снабжение книги оригинала специальным словарем “Glossary of Nadsat Language” с примерами, дана классификация окказионализмов, использованных в романе-антиутопии, согласно способу их образования. В работе приводится определение термина *перевод*, перечисляются основные трудности и задачи переводчика при переводе сленга «Надсат» на русский язык. Также представлен сопоставительный анализ переводов В.Б. Бошняка и Е. Синельщикова с оригинальным текстом романа. При анализе переводов учитывались такие факторы, как выбор написания сленговых слов (латиницей у В.Б. Бошняка и кириллицей иностранных слов у Е. Синельщикова), сохранение структуры предложения или ее нарушение, стилевая окраска вымышленного сленга, умение сохранить игру слов оригинала, наличие или отсутствие пояснений к «Надсату», замена сленговых слов русскими жаргонизмами, эквивалентность и адекватность перевода, выделение сленга из потока речи главных персонажей, затруднение понимания сленговых слов русским читателем, снабжение книги словарем окказионализмов или его отсутствие, употребление обценной лексики. В работе обосновывается выбор предпочтительного варианта перевода (В.Б. Бошняка), однако также отмечается, что оба варианта имеют ряд недостатков и не являются эквивалентными переводами.

Ключевые слова: сленг, перевод, Э. Берджесс, «Заводной апельсин».

D.E. Koval

THE PROBLEM OF TRANSLATION OF ARGOT “NADSAT” INTO RUSSIAN LANGUAGE IN ANTHONY BURGESS’ NOVEL “A CLOCKWORK ORANGE”

The article is devoted to the research of argot “Nadsat” characteristic features in the novel “Clockwork Orange” by Anthony Burgess and the ways of its translation into Russian. The paper gives a short description of the plot, the structure of “Nadsat” is observed, its functions are enumerated, the origin of its name is clarified, the use of “Glossary of Nadsat Language” is mentioned and some examples are given and the classification of neologisms, written in the novel, is observed according to the way of their formation. The definition of the term “translation” is given, the main translation’s difficulties and goals of translation are enumerated. The article touches upon the comparative analysis of the translations by V. Boshnyak and E. Sinelschikov with the original

text of the novel. During the analysis the following factors were taken into account: the way of representing neologisms (in Roman alphabet by V. Boshnyak and in Russian alphabet by E. Sinelschikov), the preservation of the sentence structure or its change, the argot stylistic peculiarities, the ability to keep word play, explanations or their absence to “Nadsat”, the substitution of argot by the Russian slang-words, the equivalence and adequacy of translation, the argot detachment from the main characters’ speech, the ability to make the readers guess the argot’s meaning from the context, special glossary for “Nadsat” terms or its absence and the use of obscene lexis. The choice of the preferable translation (by V. Boshnyak) is explained, though it is highlighted that both variants of translation have some disadvantages.

Key words: argot, translation, A. Burgess, «A Clockwork Orange».

«Заводной апельсин» – роман-антиутопия американского писателя Энтони Берджесса, написанный в 1962 году. В основу сюжета положена история о четырех друзьях, которые являют собой воплощение подростковой жестокости и агрессии.

Особенностью произведения является вымышленный сленг «Надсат», который представляет собой смешение английского и русского языков. В нем используются синтаксическая структура английского языка и лексика, созданная Берджессом на основе русского языка, например, *droogs* – друзья или *mesto* – место.

Название сленга происходит от окончания русских числительных от одиннадцати до девятнадцати – возраст главных персонажей романа.

Изобретение нового языка имеет несколько функций. Прежде всего, по словам самого автора, он хотел создать книгу вне времени. Если бы герои говорили на сленге 60-х годов, он бы вскоре устарел. Таким образом, Энтони Берджесс вводит в произведение вымышленный сленг. Его идея также заключалась в том, чтобы читатель, не зная русского языка, смог понять значение сленговых слов из контекста: “Our pockets were full of deng...” [1; с. 2].

Введение вымышленного языка также призвано создать функцию отстранения от окружающего мира и установить связь между главным героем и читателем. Необходимо добавить, что Энтони Берджесс снабдил книгу словарем для толкования окказионализмов под названием “Glossary of Nadsat Language”, включающим 241 слово с переводом на английский язык для удобства читателя, например:

Appypollyloggy – apology;

Baboochka – old woman;

Baddiwad – bad;

Banda – band;

Bezoomny – mad.

Согласно классификации А.В. Юровских, слова данного сленга можно разделить на несколько групп.

1. Слова, в состав которых входят корни русского происхождения, но сохранившие английский грамматический строй: *moloko* – молоко, *peet* – пить. Однако некоторые окказионализмы были подвержены сокращению, например, глаголы, в которых была опущена последняя часть: *viddy* – видеть, *pony* – понимать. Некоторые существительные также претерпели изменения: *veck* – человек, *biblio* – библиотека.

2. Ко второй группе можно отнести слова, которые сочетают русские и английские морфемы: *underveshches* – нижнее белье (*underwearu* вещи). Сюда также можно отнести слова, которые были образованы путем словосложения: *hen-korm* – гроши (*heni korm*).

3. Слова, образованные путем заимствования корневых морфем из разных языков, за исключением русского и английского: *cravat* – галстук (от французского *cravat*), *shlaga* – клуб (от немецкого *schlager*).

4. К последней группе относятся авторские неологизмы, содержащие только английские морфемы: *pop-disk* (от английского *pop-musicdisk*) [2].

В ходе нашей работы мы обратимся только к первым двум группам классификации А.В. Юровских, поскольку остальные группы слов не содержат корней русского происхождения или русских морфем, а, значит, их перевод не представляет трудности.

Согласно Л.С. Бархударову, переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения [3; с. 11].

Основные задачи переводчика при переводе сленга «Надсат» на русский язык состоят в том, чтобы выделить его из потока речи и затруднить понимание окказионализмов для читателя.

Существуют два основных перевода романа: В.Б. Бошняка и Е. Синельщикова. Проведем сопоставительный анализ.

В.Б. Бошняк выделяет сленговые слова латиницей: «Компания такая: я, то есть Алекс, и три моих druga...» В отличие от Э. Берджесса, Владимир Борисович заменяет английское словосочетание “oo” на “u”, тем самым облегчая его восприятие для русскоязычного читателя [4; с. 7-8].

Переводчик употребляет окказионализмы в тех падежах, в которых они должны стоять по правилам русского языка, например: «подмешивать кое-что из новых shtutshek» [4, с. 7], «карманы у нас ломились от babok» [4, с. 8].

В некоторых случаях В.Б. Бошняк заменяет нейтральные слова, использованные в оригинале на сленговые, чтобы сохранить игру слов: «...причем Тем был и в самом деле парень темный, в смысле gluryi...» [4, с. 7]. Это же предложение звучит у Э. Берджесса как “Dimbeingreallydim” [1, р. 2]. Перевод сленговых слов не всегда эквивалентен оригиналу. Например, В.Б. Бошняк пишет «шевелия mozgoi» вместо “making up our rassoodocks” или «zavedenije» вместо “mesto” [4, с. 7]. Можно предположить, что переводчик нарочито употребляет слова, более низкие по стилю, чем в оригинале романа, чтобы приблизить речь героев к жаргону для русских читателей.

Энтони Берджесс дает пояснения к отдельным сленговым словам, значения которых трудно понять из контекста: “arooker (ahand, thatis)”, “litso (face, thatis) [1, р. 3]. В.Б. Бошняк сохраняет данные пояснения при переводе, хотя для русского читателя они не требуются: «ruker (рука, значит)», «morder (лицо, значит)» [4, с. 8]. Переводчик не включает словарь окказионализмов в книгу, так как их значения понятны.

Рассмотрим перевод Е. Синельщикова. Он употребляет английские слова, написанные русскими буквами вместо русских слов «Надсата»: «Мы сидим в молочном баре «Коровяка», дринкинг, и токинг, и тинкинг, что бы такое отмочить, чтобы этот прекрасный морозный вечер не пропал даром» [5].

Стоит отметить, что Е. Синельщиков использует русские жаргонизмы: папик, коровяка, менты, понятные читателю.

Однако в некоторых случаях переводчик добавляет информацию, которой не было в оригинале («Скучна-а-а! Хочется выть. «Коровяка» – место обычной нашей тусовки»), тем самым несколько искажая содержание произведения [5].

Чтобы сохранить игру слов “Dimbeingreallydim”, переводчик меняет имя главного героя на Кир «Кир (Кирилла-дебила)» [5].

Также Е. Синельщиков употребляет обсценную лексику в тексте, чтобы сделать речь героев более грубой и ожесточенной [5].

Переводчик снабжает текст словарем под названием «Словесник к повести Э. Берджесса «Заводной апельсин». В нем даны русские эквиваленты к словам «Надсата»:

- Айзы – глаза;
- Амбrella – зонт;
- Антишамбр – прихожая;
- Артиклз – статьи;

Аск – спрашивать [5].

Сопоставив два перевода романа, мы пришли к выводу, что вариант В.Б. Бошняка оказался более удачным. Слова «Надсата», записанные латиницей, резче выделяются из потока нейтральных слов. Однако понимание слов затруднено только написанием, а значение ясно и без контекста, так что одна из главных целей не достигнута. Использование сниженной по стилю лексики вместо нейтральных русских слов «Надсата» в отдельных моментах приближает речь героев к жаргону, чего и хотел добиться переводчик.

Вариант Е. Синельщикова не соответствует изначальным замыслам Энтони Берджесса. Английские слова, написанные по-русски, плотно вошли в обиход современного человека и стали интернациональными. Их смысл понятен каждому, а их использование в речи уже стало привычным. К тому же переводчик допускает много вольностей, отступая от оригинала. Это ведет к тому, что теряется авторский стиль. К тому же придуманный Энтони Берджессом язык «Надсат» был полностью переработан Е. Синельщиком, «адаптирован» для русского читателя. В результате мы видим не сленг американских подростков, а язык, созданный русским переводчиком.

Таким образом, предпочтительнее оказался перевод В.Б. Бошняка, в котором окказионализмы Энтони Берджесса бросаются в глаза. Тем не менее, оба перевода имеют как преимущества, так и недостатки, и ни один из них нельзя назвать совершенным, потому что при переводе многое из того, что хотел донести до читателя автор, к сожалению, утрачивается, так как ни В.Б. Бошняку, ни Е. Синельщикову не удалось сохранить главные функции «Надсата»: в русских переводах в его словах можно проследить принадлежность к конкретной исторической эпохе, а, значит, они устареют через какой-то промежуток времени; более того, читателю не приходится угадывать значение сленговых слов из контекста, потому что они все ему хорошо известны.

Библиографический список

1. Берджесс Э. Заводной апельсин: W. W. Norton&Company, 1986. С.2.
2. Юровских А.В. Роль вымышленных языков в формировании жанра антиутопии // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: Электронный сборник статей по материалам XVII студенческой международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд. «СибАК». 2014. № 2 (17) [Электронный ресурс]. URL: [http://www.sibac.info/archive/guman/2\(17\).pdf](http://www.sibac.info/archive/guman/2(17).pdf). (Дата обращения: 23.04.2018).
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Международные отношения. М., 1975. С.11.
4. Берджесс Э.; перевод с английского В.Б. Бошняка. М.: АСТ, 2015. С.7.
5. Берджесс Э. Заводной апельсин; перевод с английского Е. Синельщикова. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/INPROZ/BERDZHES/apelsin_j.txt. (Дата обращения: 23.04.2018)

References

1. Burgess A.A. Clockwork orange. W. W. Norton& Company, 1986. p. 2.
2. Yurovskih A. W. The role of argotin a dystopia. Electronic resource. URL: [http://www.sibac.info/archive/guman/2\(17\).pdf](http://www.sibac.info/archive/guman/2(17).pdf). (Date 23.04.2018)
3. Barkhudarov L. S. Language and Translation. M., 1975.
4. Burgess A. A Clockwork orange - translation into Russian by Boshnyak W. B. M., 2015. p. 7.
5. Burgess A., A Clockwork orange – translation into Russian by E. Sinelschikov, 1991. Electronic resource. URL: http://lib.ru/INPROZ/BERDZHES/apelsin_j.txt (Date of access – 23.04.2018).

УДК 81-2

*Белгородский государственный националь-
ный исследовательский университет
магистрант историко-филологического
факультета педагогического института
Голикова М.М.
Россия, г. Белгород, тел. +7(910) 326-47-63
e-mail: mmgolikova@mail.ru*

*Belgorod State National Research Univer-
sity
The 1st-year student of magistracy
Faculty of history and philology, pedagogi-
cal institute
Golikova M.M.
Russia, Belgorod, +7(910) 326-47-63
e-mail: mmgolikova@mail.ru*

М.М. Голикова

РОЛЬ ФРАЗЕМ С ТЕОНИМАМИ И ДЕМОНИМАМИ В РАСКРЫТИИ ДОМИНАНТ ЭТНОЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена сопоставительному анализу русских и польских фразеологических единиц, в состав которых входят теонимические и демонимические компоненты. В рамках настоящей работы под теонимами понимаются номинации, связанные с положительными религиозными образами, тогда как деонимы включают в себя отрицательных персонажей. Учитывая различия в вероисповедании русского и польского этносов, анализ фразем с подобными ключевыми компонентами может представлять особый интерес и продемонстрировать значимые аксиологические доминанты. Материалом для нашего исследования послужили лексикографические источники: русские и польские фразеологические словари (авторы А.И. Молотков, S. Skorupka). Была произведена выборка интересующих фразем с целью последующей классификации и анализа. В результатах работы мы не только обозначили русскую и польскую палитру теонимов и демонимов, но и выявили ключевые (на фразеологическом уровне) образы, характерные для каждой из лингвокультур. Анализируя частотность функционирования тех или иных компонентов, мы также смогли сделать ряд выводов. Употребление тех или иных компонентов может свидетельствовать не только о мировоззренческих особенностях языковой личности в частности и всего этноса в целом, но и демонстрировать трансформацию конкретных образов на протяжении столетий. При этом особую важность приобретает учет религиозной картины мира, а также тех верований, которые были особенно распространены на территории проживания исследуемых этносов: от язычества до христианства. Это позволяет понять истинное значение тех или иных образов, функционирующих во фразеологическом фонде каждого из языков.

Ключевые слова: сопоставительная фразеология, этноязыковое сознание, русистика, полонистика.

M.M. Golikova

THE ROLE OF PHRASES WITH THEONYMS AND DEMONYMS TO IDENTIFY THE DOMINANT ETHNO-LINGUISTIC CONSCIOUSNESS (BASED ON RUSSIAN AND POLISH LANGUAGES)

The article is devoted to the comparative analysis of Russian and Polish phraseological units, which include theonymic and demonymic components. In this paper, under tehnikami refers to the category associated with positive religious images, while denimy include negative characters. Given the differences in the religion of the Russian and Polish ethnic groups, the analysis of phrases with similar key components may be of particular interest and demonstrate significant axiological dominants. Lexicographic sources: Russian and Polish phraseological dictionaries (authors A. I. Molotkov, S. Skorupka) served as material for our research. A selection of the phrases of interest was made for further classification and analysis. In the results of the work we not only identi-

fied the Russian and Polish palette of theonyms and demonyms, but also revealed the key (at the phraseological level) images typical for each of the linguocultures. By analyzing the frequency of operation of certain components, we were also able to draw a number of conclusions. The use of certain components can testify not only to the ideological features of the linguistic personality in particular and the entire ethnic group as a whole, but also to the transformation of specific images over the centuries. At the same time, it is particularly important to take into account the religious picture of the world, as well as those beliefs that were particularly common in the territory of residence of the studied ethnic groups: from paganism to Christianity. This makes it possible to understand the true meaning of certain images functioning in the phraseological Fund of each language.

Key words: comparative phraseology, ethno-linguistic consciousness. Russian, Polish.

Фразеологический фонд дает возможность не только проанализировать богатство и яркость того или иного языка, но и пролить свет на особенности этноязыкового сознания носителей языка. Это вполне объяснимо, ведь фраземы, будучи единицами вторичной номинации, формируются в ходе сложных мыслительных процессов. В их основу могут быть положены самые разные факторы – от мировоззренческих до бытовых. Последние, в свою очередь, чрезвычайно распространены в каждом языке и дают почву для масштабных исследований, особенно в диахроническом срезе.

Изучение глубинных особенностей фразеологических единиц (далее – ФЕ) занимает исследователей на протяжении последних десятилетий. Научный интерес ученых с течением времени сместился от структурно-семантических характеристик и особенностей употребления к сущностным вопросам, связанным с фраземосемиотикой, когнитивными процессами, а также связью лингвокультурными и этноязыковыми особенностями фразем.

Особо значимыми в подобном ключе представляются фраземы, содержащие в своем составе компоненты в виде теонимов и демонимов. Под теонимами нами понимаются лексемы, обозначающие собственные и нарицательные имена божеств и связанных с ними религиозно-мифологических существ (*ангелы, серафимы* и т.п.). На это указывает греческий корень *θεός* 'бог'. Подобным компонентам противопоставлены демонимы, номинарующие отрицательных персонажей той или иной религии (*дьявол, черт* и т.п.).

Теонимические и демонимические лексемы представляют особую ценность для исследователя. Содержащие их фраземы занимают пограничное положение, объединяя религиозную и языковую картины мира. Это не просто указывает на ведущую роль мыслительных процессов при фразеобразовании, но и демонстрирует их архаичность: религиозные доминанты были особенно актуальны на ранних периодах становления языка.

Другим важным параметром становятся конфессиональные различия русского и польского этносов. Если на территории России исповедуется православие, то в Польше – католичество. Несмотря на то, что обе конфессии принадлежат к христианству, их идейные постулаты имеют ряд существенных различий. Безусловно, это находит свое отражение на языковом уровне, и фразеология не становится исключением.

Христианская основа мировоззрения становится главной причиной того, что большинство ключевых образов во фраземах с теонимами и демонимами совпадают: *Бог (Bóg), черт (czort), ангел (anioł)* и т.п. Однако важно помнить, что оценка подобных образов каждым из этносов может проводиться по-разному, что и демонстрируют приводимые далее примеры. Нельзя не учитывать и тот факт, что ранее на территории обоих государств было распространено язычество, остатки которого по-прежнему влияют на сознание носителей языка. При этом крещение Польши произошло значительно позже, благодаря чему языческие черты здесь проявляются несколько ярче.

Примечательно, что «пантеон» теонимических и демонимических персонажей в русской и польской лингвокультурах различен. Польская палитра более богата демонидами, нежели русская: фразеологический фонд русского этноса вводит преимущественно компоненты *черт* и *дьявол* (в единичных случаях возможно употребление слов *лихо*, *шши* и т.п.), тогда как в польском активно используются такие номинации, как *diabel*, *licho*, *czort*, *cholera* и т.д. Получается, что польский лексический фонд более детально иллюстрирует потусторонний мир, демонстрируя его внутреннюю иерархию, что может свидетельствовать о более высокой боязни носителей языка перед мистическими образами. Разница проявляется и в составе теонимов. Если в русском языке это только *Бог*, то в польском к нему присоединяется и *anioł* 'ангел'. Причины такого явления могут быть связаны со спецификой исповедуемой религии. Для православия характерна большая возвышенность образа *ангела*, тогда как в католической среде он ближе к простому жителю (отсюда столь активное использование образа в живописи и архитектуре). Степень религиозности сознания проявляется даже на уровне орфографии. Если в русском языке слово *Бог* пишется с заглавной буквы только при употреблении в прямом значении, вне устойчивых оборотов, то в польском такое правило отсутствует, графическое выделение необходимо вне зависимости от контекста.

Одним из ключевых параметров, позволяющих охарактеризовать этноязыковое сознание русских и поляков на основе выбранных фразеологизмов, становится частотность их употребления. Для выявления соотношения групп ФЕ нами была произведена сплошная выборка фразем с искомыми компонентами. Исследование проводилось на основе ведущих русских и польских фразеологических словарей А.И. Молоткова и S. Skorupki [1], [2]. Результаты можно увидеть на диаграмме:

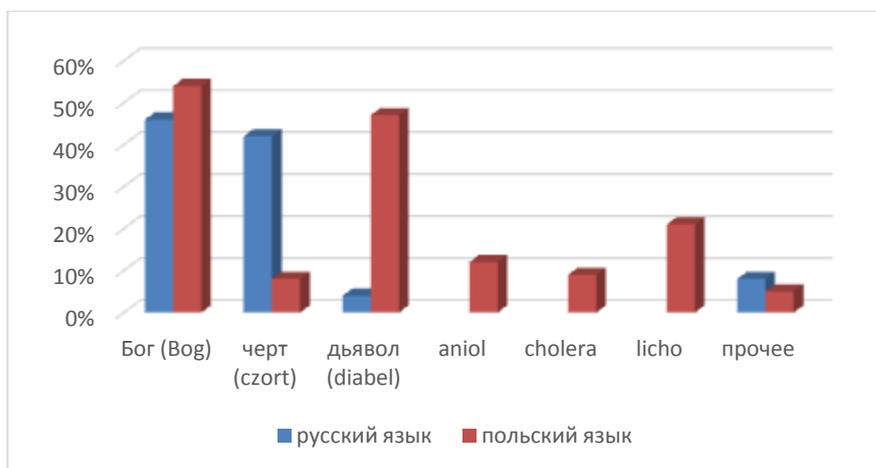

Рис. 1. Функционирование фразем с теонимами и демонидами

На диаграмме видно, что в современном польском языке фраземы с теонимами и демонидами используются гораздо активнее, чем в русском. При этом если русская фразеология делает ведущими антагонистами *Бога* и *черта*, то польская – *Бога* и *дьявола*, что более точно иллюстрирует евангельские сюжеты. Примечательно, что столь популярный для русского этноязыкового сознания образ *черта* в польских фраземах представлен достаточно бедно, однако активно используются эквивалентные ему образы. В сумме число подобных ФЕ достигает 38%.

Важно учитывать, что теонимы и демонидами далеко не всегда выполняют основную функцию. Более того, их культурно-этимологическая обусловленность также мо-

жет не лежать на поверхности. Так, В.М. Мокиенко заявил о существовании фразем, которые «явно опровергают «изнутри» христианские семантические напластования и возвращают нас именно к языческим представлениям о богах» [3, с. 137]. Чаще всего подобное явление связано с теонимом *Бог* (*Bóg*). Такое апплицирование элементов религиозного сознания ярко демонстрируют фраземы *бог мой*, *боже мой* (пол. *mój Boże, dla Boga*). Исторически они представляют собой междометную форму, некое риторическое восклицание, обращение к потусторонним силам за помощью в приказной форме, что присуще языческой культуре (ср. сохранившееся выражение *чур меня!*).

Объединение языческих и христианских элементов широко распространено в культуре (отсюда – обилие примет и праздников, имеющих в своей основе сугубо языческие корни). Вполне естественно, что такой синтез проявился и на языковом уровне. При этом один мифологический уровень проникает в другой, но не вытесняет, а как бы подавляет его. Благодаря этому «устаревший» пласт не исчезает, а становится менее заметным и дает знать о себе в виде единичных проявлений. Б.А. Рыбаков характеризует этот процесс так: «Новое не вытесняет старого, а наслаивается на него, добавляется к старому. Анализ показывает, что в сумме религиозных представлений позднейших эпох обязательно присутствуют в том или ином виде представления предшествующих эпох. Они могут быть ослаблены, отодвинуты на второй план, несколько трансформированы, но остаются ощутимыми почти до наших дней» [4, с. 4].

Процесс переосмысления теонимических и демонимических образов универсален для всех славянских культур. Это подтверждает А. Пеянович, проводившая исследования на материале русского и сербского языков. Исследователь видит связь подобных фразем с древними присловиями и закланиями, а сами ФЕ такого типа трактует как «обращения к самому божеству с целью просьбы, выражения благодарности и надежды, ожидания положительного результата в исходе событий» [5, с. 514].

Семантика фразем с теонимами и демонимами наглядно демонстрирует всю сложность и неоднозначность отношения этносу к тому или иному стержневому образу. Так, например, *Бог* – это не только ведущая могущественная сила, отличающаяся безоговорочной добротой и справедливостью (напр., рус. *божья милость*, пол. *zmiłowanie Boże*). Фразеологический фонд ярко демонстрирует и определенную боязнь, возникающую у носителей языка по отношению к Богу, а также его способность не только помогать, но и наказывать, лишать тех или иных благ (рус. *Бог забрал*), а также предостерегать от опасности (рус. *побойся бога*, пол. *bój się Boga*). Подобная разнородность в коннотациях становится следствием наивно-религиозной картины мира и дает более объективное представление об отношении носителей языка к Богу.

Стоит отметить, что для фразем с теонимами (особенно компонентом *Бог*) характерна особая коннотация, проявляющаяся в некой дистанцированности образа от говорящего. В семантику ФЕ вкладывается существенная разница между *Богом* как высшей и идеальной сущностью и *человеком*, не способным сравниться с таким величием. Наиболее наглядно это проявляется в польском языке. Подобная расстановка приоритетов ярко демонстрирует отношение носителей языка к религии в целом и Богу в частности.

Чрезвычайно сложным и интересным представляется изучение фразем с демонимами. Под прицелом внимания исследователей оказываются не только способы репрезентации семантики таких ФЕ, но и лежащие в их основе предания и архетипы. Так, например, известная фразема *чертовая бабушка* описывает явление, которое по силе воздействия гораздо мощнее самого *черта*. Это совпадает с народными представлениями о распределении полномочий в обычной семье.

Сложность распределения положительной и отрицательной семантики между рассматриваемыми ФЕ демонстрируют особые структурные модели. Роль стержневого компонента здесь, без изменения общего значения, может играть как теоним, так и де-

моним. Примером может послужить ФЕ *бог/черт его знает* (пол. *Bóg/ dyabel wie*). Вне зависимости от стержневого компонента выражение имеет идентичное значение неизвестности с оттенком пренебрежительности. По мнению А. Пеянович, «причиной такой «аномалии» стали мифологические представления народа, согласно которым с принятием христианства функции древних языческих славянских богов были перенесены на демонов» [5, с. 517].

Частотность употребления фразем с теонимами и демонимами наглядно иллюстрирует высокую роль религиозной картины мира в сознании современного носителя языка. Используя подобные единицы в речи, он демонстрирует, что, осознанно или нет, отводит религиозным образам значимое место в организации миропорядка. Кроме того, подобные выражения чрезвычайно значимы для определения этноязыковых и ментальных особенностей представителей каждого из этносов. Выявление и характеристика ключевых образов позволяют узнать больше об особенностях русских и поляков.

Библиографический список

1. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей/ Под ред. А.И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.
2. Skorupka Stanisław. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Tom 1. Warszawa: Wiedza powszechna, 1967.
3. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 280 с.
4. Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского Средневековья // Вопросы истории, №1. М., 1974. С. 3-12.
5. Пеянович А. Бог и черт в славянской фразеологии (на материале русского и сербского языков) // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными научными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. С. 514-519.

References

1. Phraseological dictionary of Russian language: Over 4,000 dictionary entries, ed. by A. I. Molotkov. M.: Rus. yaz. 1986. 543 p.
2. Skorupka S. Frazeologiczny Słownik języka polskiego. Tom 1. Warszawa: Wiedza powszechna, 1967.
3. Mokienko V. M. Images of Russian speech: Historical-etymological and ethnolinguistic essays of phraseology. L.: Izd-vo leningr. UN-TA, 1986. 280 p.
4. Rybakov B. A. Pagan worldview of the Russian middle Ages // Questions of history, № 1. M., 1974. P. 3-12.
5. Pejanovic A. God and the devil in Slavic phraseology (based on Russian and Serbian languages) // Cognitive factors interact phraseology with related scientific disciplines: scientific collection. Tr. at the end of the III international. science. Conf. (Belgorod, 19-21 March 2013) / resp. the editorship of prof.F. Alefirenko. Belgorod: publishing house "Belgorod" BSU, 2013. P. 514-519.

ЖУРНАЛИСТИКА
В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 821.161.1.0

Московский педагогический государствен-
ный университет
аспирант
Чуйков П.Л.
Россия, г. Москва, тел. 8 9096961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru

Moscow State Pedagogical University
graduate student
Chuykov P.L.
Russia, Moscow, 8 9096961916
e-mail: chuikovpav@yandex.ru

П.Л. Чуйков

ПРОБЛЕМА «РОССИЯ И ЗАПАД» В ИСТОРИОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ
Н.В. ГОГОЛЯ И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО, РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА
«ВРЕМЯ»

В статье говорится о влиянии Н.В. Гоголя на мироощущение и поэтику Ф.М. Достоевского, что позволяет выявить новые грани творческого диалога авторов и заполнить некоторые исследовательские лакуны проблемы «Н.В. Гоголь – Ф.М. Достоевский». Сделанные выводы позволяют выдвинуть гипотезу о влиянии позднего творчества Н.В. Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями», 1847), его итоговых религиозно-нравственных исканий на поэтику Ф.М. Достоевского в период ссылки и после него («Униженные и оскорбленные», «Скверный анекдот», «Зимние заметки о летних впечатлениях»). Высказывается предположение, что Ф.М. Достоевский проводил параллели с произведениями Н.В. Гоголя, размышляя над их идеями и мыслями. Именно они помогли Ф.М. Достоевскому в поиске новых идеалов и целей во время духовного кризиса. В работе прослеживается развитие Ф.М. Достоевским мыслей Н.В. Гоголя на страницах журнала «Время», устанавливается, что Ф.М. Достоевский обращался к его произведению «Выбранные места из переписки с друзьями», размышляя над религиозно-философской проблематикой этой книги.

Ключевые слова: Гоголь, Достоевский, «Выбранные места из переписки с друзьями», журнал «Время», «Зимние заметки о летних впечатлениях», «Униженные и оскорбленные», народ, Россия, Запад, писатель, вера.

P.L. Chuykov

THE PROBLEM OF «RUSSIA AND THE WEST» IN HISTORIOSOPHICAL JOURNALISM OF N.V. GOGOL AND F.M. DOSTOYEVSKY, THE MAGAZINE «TIME» EDITOR

The article says about the impact of attitude on N.V. Gogol and F.M. Dostoyevsky's poetics, which allows to reveal new sides of creative dialogue of these writers and to fill some research lacunas of the «N.V. Gogol - F.M. Dostoyevsky» problem. The drawn conclusions allow to make a hypothesis of influence of late works by N.V. Gogol («Selected Passages from Correspondence with Friends», 1847), his total religious and moral searches on F.M. Dostoyevsky's poetics during exile and after it («The insulted and the injured», «Bad joke», «Winter notes on summer experiences»). It is suggested that in a jail, F.M. Dostoyevsky thus drew the parallels with N.V. Gogol's works, reflecting over their ideas and thought. They helped F.M. Dostoyevsky in search of new ideals and the purposes during the spiritual crisis. The paper traces the F.M. Dostoyevsky develop-

ment of N.V. Gogol's thought on the pages of the magazine «Time», F.M. Dostoevsky turned to the book «Selected Passages from Correspondence with Friends» by N.V. Gogol, reflecting on the religious and philosophical issues of this book.

Key words: Gogol, Dostoyevsky, «Selected Passages from Correspondence with Friends», the magazine «Time», «Winter notes on summer experiences», «The insulted and the injured», people, Russia, West, writer, faith.

Отвергнув на каторге возможность устранения социальных противоречий революционным путем, Ф.М.Достоевский выступает за мирное объединение образованной части общества с народом, с «почвой». Так появляется новое направление литературно-общественной мысли – почвенничество, манифестом которого становится журнал «Время» (1861-1863), созданный Федором и Михаилом Достоевскими. Почвенники были близки к славянофилам, нравственно ориентированным на крестьянство, и считали спасение человечества особой миссией, возложенной на русский народ. Но и западных достижений они не отвергали. Как отмечает Т.А.Касаткина, Достоевский понимал «русскую идею» «во “всеединстве”, в объединении разрозненных идей всех наций и народностей, путь русской интеллигенции – в объединении славянофилов и западников на родной почве (но не объединение в безличности – нет, каждый должен остаться со своим ликом, каждый важен!)» [1; с. 322]. Понятие «почвы» было не чуждо и тем, кто задумывался над духовной биографией Н.В.Гоголя. П.А.Кулиш вспоминает, что писатель хотел путешествовать по всем уголкам России, изучая жизнь народа, с целью написания географической книги, «чтоб была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился» [2; с. 13].

Достоевский верил в идеал народной правды, которая всегда стремилась к победе добра и справедливости. В объявлении о подписке на журнал «Время» писатель скажет о необходимости объединения интеллигенции и народа: «...миллионы русских войдут в русскую жизнь, внесут в нее свои свежие непочатые силы и скажут свое новое слово» [3; XVIII; с. 35]. При этом Достоевский понимал значение слова «народ» в самом широком смысле, видя и признавая весь сложный и противоречивый характер этой общности. С восхищением говорит о самобытности русского народа и Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847), вспоминая наблюдения маркиза де Кюстина за русскими старцами: «Не один раз сознался он, что нигде в других землях Европы <...> не представлялся ему образ человека в таком величии, близком к патриархально-библейскому» [4; VIII; с. 405]. Гоголь выражает симпатии к простому народу, ставя его выше людей образованных: «Крестьянин наш умеет говорить со всеми себя высшими, даже с царем, так свободно, как никто из нас, и ни одним словом не покажет неприличия <...>» [4; VIII; с. 406].

Как отмечает Е.В.Сартаков, Гоголь как автор «Переписки» критикует Запад с религиозно-нравственной точки зрения, в то же время не отрекаясь от него: «для Гоголя Россия изначально страна христианская и в этом смысле европейская» [5; с. 80]. Гоголь обеспокоен бездуховностью католической Европы, обмирщением служителей католической церкви и всеобщей секуляризацией. После первого путешествия по странам Европы, Достоевский понимает, что человечество придет к катастрофе, если будет опираться только на свой разум. Описывая в «Зимних заметках о летних впечатлениях» («Время», 1863) хрустальный дворец на Всемирной выставке в Лондоне, Достоевский подчеркивает, что человеку нужно много душевных сил, чтобы не поддаться соблазну принять увиденное за высший идеал и не обоготворить Ваала: «...вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество. <...> Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса <...>» [3; V; с. 69-

70]. В развитии промышленности Европа ушла от России далеко вперед, но это не основная цель, к которой должно стремиться человечество. Поэтому Достоевский упоминает библейский рассказ о вавилонском столпотворении, когда возгордившиеся жители города решили, вопреки воле Господа, построить башню, высота которой достигла бы неба. Господь в наказание за грехи смешал языки «строителей», они перестали понимать друг друга и разбрелись по миру. Писателя возмущает обожествление человеческого разума и, как следствие этого, стремление западного человека быть собственником, накопителем. Те же проблемы волновали и автора «Выбранных мест». Размышляя о том, какой должна быть губернаторша, Гоголь призывает довольствоваться на балах и собраниях самым необходимым: «Хвалите на всех только то, что дешево и просто. Словом, гоните эту гадкую, скверную роскошь, эту язву России, источницу взяток, несправедливостей и мерзостей, какие у нас есть» [4; VIII; с. 309-310]. В накоплениях, в разного рода излишествах, Гоголь видит причину многих бед своего отечества, о гордыне же разума, как о главном пороке современного человека, он пишет так: «Чего не видит его ум, того для него нет. <...> Во всем он усумнится: в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в боге усумнится, но не усумнится в своем уме» [4; VIII; с. 413-414].

Создатель «Зимних заметок» пересматривает свои социалистические убеждения. Хотя социалисты позаимствовали у христианства идею братского общежития, они все же полагали, что людей свяжет экономическая сила, Достоевский же в стремлении человечества к братству отводил эту роль силе нравственной. Социалисты возлагали надежды на разум и логику, а писатель указывал путь к братству через духовное очищение людей, независимо от среды, в которой они живут: «...не имеется природы, способной к братству, природы, верующей в братство, которую само собою тянет на братство. В отчаянии социалист начинает делать, определять будущее братство, рассчитывает на вес и на меру, соблазняет выгодой, толкует, учит <...>» [3; V; с. 81]. Гоголь рассуждает в «Переписке» о сферах деятельности гражданского закона, обычаев и церкви в Европе и в России: «...как возратить всё на свое место? В Европе сделать этого невозможно: она обольется кровью, изнеможет в напрасных бореньях и ничего не успеет. <...> в России может этому дать начало всякий генерал-губернатор <...>» [4; VIII; с. 364]. Гоголь, как и Достоевский, верил в бескровный, ненасильственный выход из кризиса, нужны лишь мудрые, преданные своему делу губернаторы. Гоголь мечтал о братстве людей, защищал человека от произвола государственной машины, протестовал против превращения человека в «винтик» бюрократического механизма, в автомат, все силы которого не простираются далее производства бессмысленной, механической работы, в чем «маленький человек» находит даже что-то аскетическое, пародийно напоминающее подвижнический образ жизни. Но во «Времени» выходит повесть «Скверный анекдот» (1862), где Достоевский высмеивает либеральные попытки чиновников-«реформаторов» следовать, подобно Гоголю, идеалу «братства». Это говорит о более реалистичном взгляде Достоевского на проблему.

Для «значительного лица», генерала Пралинского, желание прийти на свадьбу к «маленькому человеку» Пселдонимову и стать ему «братом» - поступок не искренний. В массовом общественном сознании многие гуманистические идеи Гоголя стали штампом, «красивой позой». Молодой генерал уверен, что гости оценят его поступок исключительно как героический и джентльменский, и мечтает о громкой славе: «...назавтра в канцелярии мой подвиг уже известен. <...> Душу мою знают, суть мою знают: “Он строг как начальник, но как человек - он ангел!” И вот я победил <...>; они уж мои; я отец, они дети...» [3; V; с. 14]. Писатель не жалуется либералов: в мыслях Пралинского нет заботы о своем «брате» Пселдонимове. Генералом движет тщеславие, он думает о том, каким человеком предстанет в глазах сослуживцев, о карьере. Для гене-

рала такое «хождение в народ» заканчивается неудачей, «маленький человек» в эпоху великих реформ Александра II утрачивает христианскую доброту и кротость, свойственную Башмачкину из повести Гоголя «Шинель» (1842). Пралинский видит в глазах «маленького человека» вместо смирения Акакия Акакиевича затаенную ненависть и рабскую злобу на своего начальника. «А чтоб ты провалился, проклятый!» [3; V; с. 28], - словно читает генерал по взгляду Пселдонимова. В результате, какими бы гуманными ни были реформы, не помогают они людям взглянуть друг на друга как на братьев и обняться, поэтому получается «скверный анекдот».

Отдавая предпочтение «восточникам» в споре западников и славянофилов, Гоголь в «Переписке» беспристрастно оценивает оба лагеря. Он призывает к примирению для устранения разногласий, которые наносят вред общественному развитию: «...два противоположные мнения, находясь в таком еще незрелом и неопределенном виде, переходят уже в головы многих должностных людей. <...> И плуту оказалась теперь возможность, под маскою славяниста или европиста, смотря по тому, чего хочется начальнику, получить выгодное место и производить на нем плутни <...>» [4; VIII; с. 262-263]. О неверном толковании чужих высказываний пишет во «Времени» и Достоевский: «Клеветать, извращать идею и грубо насмехаться над нею – это главное средство всех льстецов большинства» [3; XIX; с. 125].

Гоголь признает неизбежность установления европейских традиций в России, но жалеет, что они пришли без спокойной рассудительности: «... воля бога вложила ему (Петру I. – П.Ч.) мысль ввести молодой народ свой в круг европейских государств и вдруг познакомить его со всем, что ни добыла себе Европа долгими годами кровавых борений и страданий» [4; VIII; с. 369-370]. Писатель подчеркивает, что приход просвещения без крови и потрясений должен был послужить лишь толчком к развитию, а слепо копировать обычаи другой страны – ошибка: «...никто еще не услышал, что он пробудился затем, чтобы с помощью европейского света рассмотреть поглубже самого себя, а не копировать Европу <...>» [4; VIII; с. 370]. Е.В.Сартаков обращает также внимание на фрагмент в «Записной книжке» Гоголя, в котором писатель, сожалея о том, что Россия копирует Европу, упрекает в этом не самого Петра I, а его последователей, потому что они «перешли границу всего и впали в крайность» [4; VII; с. 389]. В «Зимних заметках» Достоевский не говорит прямо о своем отношении к деятельности Петра I, лишь его великое творение, Санкт-Петербург, он называет самым фантастическим городом мира. По мнению автора, начиная именно с истории Петербурга, Россия стала частью Европы: «...Петербург взял свое. Теперь уж мы вполне европейцы и доросли» [3; V; с. 57]. Позже, в «Дневнике писателя» (1876), он скажет о реформах императора: «...мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве, и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи на таковые же у других народов, ибо там каждая народная личность живет единственно для себя и в себя, а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщего примирения» [3; XXIII; с. 47]. Писатель не просто восхищается деятельностью Петра I. Отмечая его заслуги, он отводит русскому народу главную роль в деле объединения человечества.

В 1864 году Достоевский пишет в своем дневнике, что высочайшее достижение человека в будущем - «уничтожить свое я, отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно» [3; XX; с. 172]. Но писатель сталкивается с проблемой: «Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой, - невозможно. Закон личности связывает, Я препятствует» [3; XX; с. 172]. Хотя Евангелие учит любить даже врагов: «Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не

так же ли поступают и язычники?» (Матфей 5:46, 47). Эта проблема волновала и Гоголя, который видел исполнение заповеди Христа в братской любви людей. Для этого человеку сначала необходимо обратить внимание на свои недостатки: «...затем именно окружили его презренные и подлые люди, чтобы, взглянув на них, взглянул он на себя и поискал бы в себе того же самого, чего так испугался в других» [4; VIII; с. 413]. Достоевский пишет в «Зимних заметках» о важности развития и становления личности, способной страдать за своих братьев, в отличие от европейцев: «...самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, <...> высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли. <...> чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями» [3; V; с. 79]. Гоголь считает, что возлюбить человека можно через сострадание и любовь ко всей России. Это приведет к истинной любви к Богу и к спасению: «Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее (России. – П. Ч.) и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней состраданья. А состраданье есть уже начало любви. <...> А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к богу, а не возгоревшись любовью к богу, не спасетесь вам» [4; VIII; с. 300-301]. На примере своих героев Достоевский вел читателя через сострадание к ближнему, которое должно пробудить всепрощающую любовь к России и Богу, а через нее привести к спасению. Не случайно эпиграфом к роману «Братья Карамазовы» Достоевский выбрал строки из Священного Писания, указывающие путь к возрождению: «...если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоанн XII, 24). Надо умереть, но не в прямом, а в переносном смысле: отказаться от своего я, всецело служить людям. Гоголь в «Выбранных местах» поясняет: «„Не оживет: еще не умрет“, – говорит апостол. Нужно прежде умереть, для того чтобы воскреснуть» [4; VIII; с. 297]. Воскреснуть – возродиться для праведной, приносящей пользу обществу жизни.

Оба писателя верят в возможность духовного возрождения человека, эта убежденность следует из христианского мировоззрения авторов. Автор «Зимних заметок» считает, что в русском народе есть инстинктивная, бессознательная тяга к братскому согласию и потребность любить, «несмотря на все вековые страдания нации, несмотря на варварскую грубость и невежество», «несмотря на вековое рабство, на нашествия иноплеменников» [3; V; с. 80]. Достоевский ставит перед собой задачу: показать природу русского национального характера, его противоречивость, широту души, поэтому делает запись в дневнике за 1881 год: «При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я, конечно, народен (ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного)» [3; XXVII; с. 65].

В 1861 году на страницах «Времени» появляется роман «Униженные и оскорбленные». Атмосфера Петербурга отрицательно воздействует на души героев произведения: делает раздражительным Ихменева, пугает Анну Андреевну, рассказчику не нравится его тусклое солнце. Нелли вспоминает «о голубых небесах, о высоких горах, со снегом и льдами, <...> о горных водопадах; потом об озерах и долинах Италии, о цветах и деревьях, об сельских жителях <...>» [3; III; с. 432]. Нелли противопоставляет унылому Петербургу солнечную Италию и ее жителей, с которыми чувствует духовное родство. Такое восприятие «живого» итальянского пейзажа роднит героиню с молодым князем из повести Гоголя «Рим» (1842). Италия, по мнению князя, вселяет в человека надежду на лучшее: «...чудное собрание отживших миров, и прелесть соединенья их с вечно-цветущей природой, всё существует для того, чтобы будить мир, чтоб жителю севера как сквозь сон представлялся иногда этот юг, чтоб мечта о нем вырывала его из среды хладной жизни <...>» [4; III; с. 242-243]. Р. Джулиани отмечает, что «слияние городской среды и цветущей природы, упорядоченной в садах и парках, усиливает вос-

приятие Гоголем Рима как Эдема» [6; с. 143]. Мысли Нелли и гоголевского героя схожи.

Образ Парижа у Гоголя в целом родственен по семантике образу Петербурга. Столица Франции лжет, как и Невский проспект, вихрь новостей поселил в душе князя хаос. Париж – такой же город-призрак, мираж. И Достоевский в «Зимних заметках» с иронией скажет о Париже: «...самый нравственный и самый добродетельный город на всем земном шаре. <...> как все стараются уверить себя, что довольны и совершенно счастливы, и как все, наконец, до того достарались, что и действительно уверили себя <...>» [3; V; с. 68]. В этот тупик попал и князь до того, как разглядел изнанку парижской жизни. Противопоставляя шумному, сиюминутному Парижу тихий, задумчивый Рим, Гоголь показывает как, живя в гармонии с вечной красотой (природой, сотворенной Богом, и искусством, созданным людьми), человек с верой и любовью в душе возрождается духовно. Князь заметил, что только в Италии церковь сохранила то высокое значение, которое она утратила в «умных» европейских странах. Любой итальянский торговец так украшал свою лавочку перед Светлым Воскресеньем, что она тут же превращалась в храм. Это делалось не для выгоды, а, чтобы порадовать всех пришедших людей. Огромное значение придает князь итальянской живописи, скульптуре и архитектуре. Они целительно действуют на душу, доставляя духовное наслаждение, восстанавливают гармонию с самим собой и миром: «...высоко возвышает искусство человека, придавая благородство и красоту чудную движеньям души. Как низки казались ему пред этой незыблемой плодотворной роскошью, окружившею человека предметами движущими и воспитывающими душу, нынешние мелочные убранства <...>» [4; III; с. 236]. Герой не одинок в своем мнении, он слышит многочисленные разговоры об искусстве, гуляя по улицам. С восторгом пишет о европейской культуре и автор «Зимних заметок», подчеркивая, что не только оно оказало на него влияние: «...всё, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, всё, всё ведь это отсюда, из той же страны святых чудес!» [3; V; с. 51].

Поначалу восхищался Парижем не только гоголевский князь, но и молодой Достоевский, входивший в середине 1840-х годов в кружок западника В.Г.Белинского. В «Зимних заметках» он вспоминает: «...с каким благоговением <...> весь этот тогдашний кружок склонялся перед Западом, то есть перед Францией преимущественно. <...> И не то что, например, обожались такие имена, как Жорж Занд, Прудон и проч., или уважались такие, как Луи Блан, Ледрю-Роллен и т.д. Нет, а так просто, сморчки <...>» [3; V; с. 50]. В начале 60-х годов Достоевский по другому смотрит на Париж и западную цивилизацию в целом. Писатель, как и князь, понял, что поставить проблему – еще не значит решить ее, за красивыми идеями не всегда следует приносящее пользу дело. В показаниях по делу петрашевцев Достоевский говорит о французском перевороте 1848 года: «...я позволял себе судить о современных событиях, следует ли из этого, что я вольнодумец, что я республиканских идей, что я противник самодержавия, что я его подкапываю. Невозможно!» [3; XVIII; с. 123]. Достоевский мог понять западную революцию и кризис в Европе, но не хотел, чтобы это повторилось в России.

Гоголь приводит в «Переписке» слова А.С.Пушкина о Соединенных Штатах, считая их правильными: «Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит» [4; VIII; с. 253]. Похожая точка зрения звучит в романе Достоевского «Братья Карамазовы» (1880), в словах Дмитрия, для которого побег в Америку равносильно ссылке: «...не на радость побегу, не на счастье, а воистину на другую каторгу, не хуже, может быть, этой! <...> А я-то разве вынесу тамошних смердов, хоть они, может быть, все до одного лучше меня? <...> не мои они люди, не моей души! Россию люблю <...>» [3; XV; с. 186]. Это говорит не Достоевский, а его герой. Но в словах явно чувст-

вуется голос самого Достоевского (мы сочувствуем Дмитрию и с пониманием относимся к его убеждению).

Гоголь и Достоевский сходятся во мнении, что американский вариант развития и идеалы французской революции – чужды России, у нее другой путь. Первым на него указал Гоголь - это воскресение России к новой, праведной жизни. Писатель не идеализирует русских людей, но отмечает в них качества, которые утратили другие народы, поэтому вера в воскресение не покидает Гоголя: «Что есть много в коренной природе нашей, <...> близкого закону Христа - доказательство тому уже то, что без меча пришел к нам Христос, и приготовленная земля сердец наших призывала сама собой Его слово, что есть уже начала братства Христова <...>» [4; VIII; с. 417]. О том же братстве во Христе мечтает и автор «Зимних заметок».

Итак, Достоевский солидаризируется с Гоголем в том, что, идя по пути научно-технического прогресса, европейцы и американцы не думают об «имуществе духовном», нравственном прогрессе. Решением проблемы соотношения исторических путей России и Западной Европы, о которой говорил еще Гоголь, является, по мнению Достоевского, модель общества, основанного на братстве людей всех религий, людей, прошедших через духовное очищение. Идея осторожного, осмотрительного синтеза идеалов славянофилов и западников также восходит к позиции Гоголя.

Библиографический список

1. Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. М.: Наследие, 1996. 336 с.
2. Воропаев В.А. Предисловие // Гоголь Н.В. Нужно любить Россию. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 5-15.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1972–1990. Далее указ. том римскими цифрами и стр. арабскими цифрами.
4. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. В 14 т. М.; Л., 1937–1952. Далее указ. том римскими цифрами и стр. арабскими цифрами.
5. Сартаков Е.В. Консервативная идеология в публицистике Гоголя и русской журналистике 1840-х годов. М.: ЛЕНАНД, 2015. 119 с.
6. Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 281 с.

References

1. Kasatkina T.A. Characterology Of Dostoyevsky. M., 1996. 336 p.
2. Voropaev V.A. Preface // Gogol N.V. Need love Russia. M., 2008. P. 5-15.
3. Dostoyevsky F.M. Complete works. In 30 vol. L., 1972-1990.
4. Gogol N.V. Complete works. In 14 vol. M.; L., 1937-1952.
5. Sartakov E.V. Conservative ideology in Gogol's journalism and Russian journalism of the 1840s. M., 2015. 119 p.
6. Giuliani R. Rome in the life and work of Gogol, Or lost Paradise. M., 2009. 281 p.

УДК 811. ББК 810. А98

*Московский государственный областной университет,
аспирант кафедры английской филологии
Алексеев А.Б.
Россия, г. Москва, тел. 8-9636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

*Moscow Region State University
The department of English Philology
Post-graduate Student
Alexeyev A.B.
Russia, Moscow, 8-9636414696
e-mail: neuausstatten@mail*

А.Б. Алексеев

ОСОБЕННОСТИ ОПОЗИЦИОННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ФРГ

В статье рассматривается оппозиционный политический дискурс ФРГ, репрезентированный в первую очередь двумя идеологическими движениями – ультраправой партией «Альтернатива для Германии» (АФД) и левыми. Выступая с критикой правительства А. Меркель, представители обоих политических спектров – как правого, так и левого – используют манипуляцию, что не является удивительным: любой политический дискурс пронизан манипулятивной тональностью. Нами выявлены такие разновидности манипуляции, как редукция возможностей, недоговоренность, выдвигание громких обвинений и провокация. Особенно эффективен прием недоговоренности, таким способом политик скрывает часть актуального смысла от адресата и как бы включает его в «продуктивный» политический диалог. Парадоксально, но человек сам может прийти к нужному для политика мнению и убеждению, важно только подвести его к этому. Типично оппозиционной стратегией, часто применяемой АФД, является маргинализация. Ее суть – предстать в образе не-политиков, сказать избирателям: «мы такие же, как вы», «мы борцы за простой народ», «мы ничего не имеем общего с коррумпированными элитами и истеблишментом». Важно помнить, что делается это не всегда искренне, то есть, говоря иначе, стратегия маргинализации по модели «мы не-политики» тоже, как правило, является своеобразной манипуляцией. Она возможна в результате того, что люди разочаровываются в политике и более не доверяют их однажды разочаровавшему правительству. Само слово «политик» наделяется негативной коннотацией. И вот на политическом горизонте появляются «выходцы из народа», предлагающие спасение. С другой стороны, маргинализация и даже манипуляция действительно могут быть направлены на разрушение социальных практик, на внесение определенных перемен в общество. В этом смысле они не должны пониматься заведомо отрицательно.

Ключевые слова: ФРГ, политический дискурс, оппозиция, манипуляция, маргинализация.

A.B. Alexeyev

FEATURES OF THE GERMAN OPPOSITIONAL POLITICAL DISCOURSE

The article dwells on the German oppositional political discourse, represented first and foremost by two ideological movements – by the right-wing party AFD and the left. Criticizing the government of A. Merkel both political forces make use of manipulation. This is not surprising since any political discourse is permeated by the manipulative tonality. As the result of the analysis, the cases of such varieties of manipulation as the reduction of alternatives, ambiguity, provocation, pressing of high-sounding charges were discovered. Ambiguity is specifically effective. By means of it the politician hides from the addressee part of the meaning and creates an illusion that the person is included in a ‘productive’ dialogue. Paradoxically, the addressee can come to the opinion necessary for the politician by himself – it is just important to help him a little bit. The typical oppositional strategy that is often used by the AFD is marginalization. The crux of it lies in the creation of an apolitical image of oneself. The marginalized politician claiming that there are no links between the corrupt elites and the opposition

tends to say to the voters that he/she is no different from them, that he/she is flesh and blood of the people. It is important to remember that such statements are often made insincerely. In other words, the strategy of marginalization by the model 'we are not politicians', as a rule, is also a form of manipulation. It is made possible by the fact that people are getting disappointed by politics and do not trust the government which has once let them down. The very word 'politician' is vested in negative connotation. And hence the 'representatives of people' offering redemption appear on the political horizon. On the other hand, marginalization and even manipulation can really be the tools of demolition of the social practices, the tools for the introduction of certain changes in the social life. In this sense, they should not be understood negatively in advance.

Key words: the Federal Republic of Germany, political discourse, opposition, manipulation, marginalization.

Политический дискурс – особая, но отнюдь не обособленная сфера функционирования языка. Поскольку в основе любой политической дискуссии лежит обсуждение актуальных вопросов социального характера, по формальным критериям такой дискурс интегрируется близко с другими – экономическим, юридическим, бытовым и т.д. – дискурсами. В ходе политических дебатов речь может заходить о самых разнообразных темах: медицинских и педагогических инновациях, о преступности и проблемах иммиграции, о правах человека, свободе вероисповедания и самовыражения.

В плане словарного употребления и грамматики язык политики, если и является специфическим, то лишь в очень ограниченном масштабе. С другой стороны, как отмечает А.А. Филинский, говорить о феномене политической коммуникации можно, исходя из цели, преследуемой политиками, – завоевании власти [8; с. 20]. Это, в свою очередь, предопределяет способы прагматического воздействия на адресата.

Борьба за власть разворачивается между различными движениями, партиями, представляющими и защищающими определенную идеологию. У. Браун пишет: «Идеология не есть искажение коммуникации, но риторика базовой коммуникации. ... Выполняя интегративную функцию, идеология носит имманентный общению и неизбежный характер» [9; с. 5].

Формируется определенный идеологический контекст [3; с. 152], в который и помещается политический дискурс. В условиях демократии борьба носит открытый, плюралистический характер, что, однако, не обязательно влечет за собой предельную честность и ответственность политиков. Напротив, в современном политическом дискурсе большое значение придается манипулятивным методам воздействия на сознание аудитории.

Явление манипуляции в последнее время привлекает внимание ученых – психологов, политологов, социологов, философов, лингвистов. Каждая научная дисциплина рассматривает его под определенным углом зрения. Так, в рамках психологии доминирует негативное видение манипуляции, исследуются преимущественно случаи индивидуального использования скрытых методов управления поведением человека. В социальной философии отмечается, что манипуляция пришла на смену насилию, и потому может считаться более цивилизованным способом социального взаимодействия [5; с. 12].

В лингвистике не существует единой точки зрения на феномен манипуляции, но большинство исследователей подчеркивают отрицательные черты манипулятивной интеракции, построенной по принципу подчинения одного коммуниканта другому. Вместе с тем Т.В. Анисимова и Н.А. Крапчетова, например, предлагают риторическое видение манипуляции, т.е. признание ее функционирования как прагматической категории, нацеленной на достижение успеха и приводящей оратора к желаемому результату. Авторы признают, что «Стремление изменить взгляды и мнения собеседника в жела-

тельном говорящем направлении является естественным практически для любой сферы общения, будь то наука или реклама» [2; с. 12].

Немецкий языковед Л. Макенсен считает, что манипуляция неотъемлема от речевой деятельности. В его книге «Обольщение с помощью языка» (*Verführung durch Sprache*) читаем: «Мы определили язык как действие между людьми, которое представляет говорящему свободный выбор форм и правил игры; мы пронаблюдали, как интонация, мимика и значимые паузы (молчание) меняют смысл сказанного, мы обсудили подвижность семантики слов и сомнительный характер абстрактных понятий и дефиниций, «правд» и суждений ... «онаучивание» языка не означает, что язык становится более точным; необходимость (привычка?) разыгрывать друг перед другом различные языковые игры лишает нас наивности и заставляет проявлять недоверие ... Таким образом мы создали огромное количество стереотипов ... мы постоянно употребляем модные слова – исконные и заимствованные – с целью идти в ногу со временем ... Почти каждое высказывание – манипуляция» [11; с. 96-97].

К манипуляции активно прибегают политики-оппозиционеры, хотя важно подчеркнуть, что политический дискурс – оппозиционный или нет – в принципе глубоко манипулятивен. Однако стратегии, которые избираются людьми, борющимися за власть, зависят от их идеологической идентификации.

Обратимся к политическому дискурсу ФРГ. Германия – страна, прошедшая в XX веке через значительные социальные потрясения, две мировые войны, диктатуру национал-социалистов, период существования двух разьединенных немецких государств. Сегодня считается, что ФРГ достигла образцового уровня многопартийности и демократии [6; с. 74].

Во главе ФРГ на данный момент стоит Христианско-демократический союз (ХДС), лидером которого является бундесканцлер А. Меркель. Для обеспечения эффективного функционирования политической системы была создана так называемая большая коалиция, в которую наряду с ХДС вошла СДПГ (Социал-демократическая партия Германии). Союзником СДПГ являются Зеленые (*Die Grünen*). Вместе эти три партии имеют большинство в бундестаге, а значит, могут определять политический курс.

Тем не менее, последние выборы в парламент, состоявшиеся в сентябре 2017 г., принесли правящей коалиции разочарование: часть голосов была отдана в поддержку АФД, «Альтернативы для Германии» (*Alternative für Deutschland*) – ультраправой партии, критикующей политику А. Меркель и выступающей за выход Германии из Евросоюза. На другом конце политического спектра находятся левые (*die Linke*), образовавшиеся в результате объединения целого ряда партий, в том числе канувшей в прошлое социалистической единой партии Германии (*sozialistische Einheitspartei Deutschlands*), правившей в ГДР до 1990 г.

Пользуясь свободой слова, оппозиционные политические силы стараются донести до избирателя свою точку зрения, убедить его в необходимости перемен. При этом политика, политики и все, связанное с ними, часто преподносится в резко негативных терминах. Так, С. Вагенкнехт, представитель левых, используя метафору «политические часы идут назад», доказывает, что политика А. Меркель носит реакционный, регрессивный характер.

Herr Praesident, liebe Kolleginnen und Kollegen, Frau Bundeskanzlerin, Geschichte wiederholt sich nicht aber es gibt Phasen in denen die politischen Uhren rueckwaerts zu gehen scheinen, unerbittlich zueruck, in eine Zeit die sich eigentlich niemand zueruck wuenschen kann. Und wer die Entwicklung der letzten Jahre verfolgt, der wird das beklemmende

Gefuehl nicht los, dass wir genauso eine Phase heute leben und ich moechte mir nicht ausmalen wie das enden kann [<https://www.youtube.com/watch?v=VGN11YdKvBU>]

Перевод: *Господин председатель, дорогие коллеги, госпожа Бундесканцлер, история не повторяет себя, но в истории есть периоды, когда кажется, что политические часы идут назад, необратимо назад, в те времена, куда, на самом деле, никто не хотел бы возвращаться. И если посмотреть на развитие событий последних лет, то возникнет грядущее стесняющее чувство, что мы живем как раз в один из таких периодов, и я не хотела бы говорить, чем это может закончиться.*

Обратим внимание на последнее замечание оратора. Здесь уже имеются элементы манипуляции, связанные с использованием имплицатур. Как свидетельствует Х. Фексеус, «...мы с удовольствием восполняем пробелы – додумываем недосказанное. Мы с вами привыкли делать это постоянно, поэтому нам кажется, что мы знаем, о чем речь, и заполняем пробелы тем значением, которое кажется нам единственно верным» [7; с. 263].

Оппозиционеры активно используют стратегию маргинализации – намеренное дистанцирование от политических элит или всего политического класса в целом. Такая стратегия, с одной стороны, направлена на деконструкцию принятых дискурсивных и социальных практик, а с другой, – она может быть манипуляцией [1; с. 56].

Weidel: *Es ist schon wirklich muhsam sich wirklich geschlagene anderthalb Stunde – oder war es fast zwei Stunden – sich die Plattitueden anzuhoeren. Und ich bin wirklich in der Politik gegangen zusammen auch mit allen meinen Kollegen wie viele tausende von Mitgliedern in AFD. Wir sind in der Politik gegangen aus der Mitte der Gesellschaft, aus Arbeiternehmer Positionen, wir sind keine Berufspolitiker. Warum? Weil uns die Hutschnur iregendwann gerissen ist und darum gibt es auch die AFD – die Alternative fuer Deutschland* [<https://www.youtube.com/watch?v=4luVIvFR-eg>]

Перевод: *На самом деле, слушать битые полтора часа, почти два часа, банальности – нелегко. Я пришла в политику, как и все мои коллеги, как тысячи членов нашей партии из самой гущи немецкого общества, из рабочих, – мы не профессиональные политики. Почему мы занялись политикой? Потому что в какой-то момент нас взяли за горло, и по этой самой причине возникла АФД – Альтернатива для Германии.*

А. Вайдель отмечает, что слушать политиков, рассказывающих часами банальности, – это скучное, утомительное занятие. АФД состоит из людей, которые пришли в политику из рабочего народа и потому не являются профессиональными политиками. Они посвятили себя политике, потому что в связи с ухудшающейся обстановкой в стране не могли поступить иначе (с целью передать гнев оратор использует фразеологическую единицу ‘Hutschnur reißen’), – их вынудили стать политиками.

Еще пример.

Es ist ein’ komplett politisierte, ideologiesierte Debatte und das Ergebniss ist immer gleich, wenn Politiker am Werke sind, die keine Ahnung haben, dann verheisst das nie was Gutes, sehr geehrte Damen und Herren.

Перевод: *Это политизированные, идеологизированные дебаты, и результат всегда один и тот же, когда за дело берутся политики, не имеющие малейшего понятия. Уважаемые дамы и господа, из этого никогда ничего хорошего не выходит.*

А. Вайдель осуждает «идеологизированные», «политизированные» дебаты и политиков, которые представления не имеют о том, что делают. Но возникает вопрос: могут ли политические дискуссии быть не идеологизированными, не политизированными?

Манипуляция может осуществляться посредством редукции возможностей [4; с. 103].

Darum gibt es nur eine Alternative und das sind wir mit einem vernueftigen Rentenkonzept, sehr geehrte Damen und Herren [ibid.]

Перевод: Поэтому существует только одна альтернатива, и это АФД, понимающая концепт «пенсия», уважаемые дамы и господа.

Разновидностью редукции возможностей является прием, когда ситуация характеризуется по принципу «третьего не дано».

Gysi: *Als letztes, Frau Merkel, Sie tragen in diesen Tagen eine gewaltige historische Verantwortung. Finden Sie in letzter Sekunde noch eine Loesung. Sie haben die Chance entweder als Reterrin der europaeischen Idee in der Geschichte einzugehen oder als Zerstoererin. Ja, als Zerstoererin [https://www.youtube.com/watch?v=Z92dG0O4TEw]*

Перевод: Последний пункт. Госпожа Меркель, на вас возложена огромная ответственность. Найдите же в последнюю минуту решение. У вас есть возможность войти в историю или как спаситель европейской идеи, или как ее разрушитель. Да, как разрушитель.

Г. Гизи, принадлежащий партии левых, обращаясь лично к А. Меркель, ставит бундесканцлера перед двумя противоположными альтернативами – или она войдет в историю как спаситель Европы, или как ее разрушитель, – других вариантов нет.

В дискурсе политиков выдвигаются громкие обвинения в адрес противников, причем часто без каких-либо на то серьезных оснований.

Sie wollen die linke Regierung in Griechenland beseitigen. Das ist Ihr Ziel. Ich werde es Ihnen beweisen. Die Frage ist welche Mittel und Wege Ihnen dafuer recht sind. Und zum zweiten ging es noch um eine andere Frage. Es ging...

Перевод: Вы хотите устранить левое правительство в Греции. Вот ваша – цель. Я вам это докажу. Вопрос заключается лишь в том, какие средства и пути вам доступны. А во-вторых, речь еще шла о другой проблеме. Речь шла...

Г. Гизи инкриминирует А. Меркель то, что она якобы хочет устранить правительство левых в Греции. «Вот ваша – цель. Я вам это докажу», – утверждает Г. Гизи. Но вместо того, чтобы привести доказательства, он переходит к следующему вопросу. И все-таки сам факт того, что оратор упоминает имеющиеся у него «кулики», многозначителен, – аудитория невольно воспримет информацию как более достоверную.

Иногда оппозиционеры обещают избирателям, что привлекут правительство к судебной ответственности.

Baum: *Und deshalb schicke ich von hier aus einen Gruss nach Berlin an unsere geliebete Bundeskanzlerin. Frau Doktor Merkel, wir kommen und ihre gemuetlichen ruehigen Stunden im Bundestag sind ein fuer alle Mal vorbei. Wir treten Ihnen selbstbewusst entgegen und wir werden Ihr verantwortungsloses Verhalten tagtaeglich vor Augen fuehren und Rechenschaft verlangen. ... Sie, Frau Merkel und Co., Sie werden die Verantwortung dafuer uebernehmen muessen was Sie unserem Land und unserem Volk eingetan haben. Und ich habe mir vorgenommen solange bei der Politik dabei zu bleiben bis Sie Frau Doktor Merkel vor Gericht stehen. Und ich bin ganz sicher: dieser Tag ist nicht mehr weit [https://www.youtube.com/watch?v=wQWSpYouAwU]*

Перевод: И поэтому, находясь здесь, я передаю большое приветствие нашему любимому [Обратим внимание на использованную иронию. – А.А.] бундесканцлеру в Берлине. Госпожа Меркель, мы придем, – ваши спокойные часы в Бундестаге сочтены. Мы сознательно выступаем против вас, и мы будем изо дня в день напоминать вам о ваших безответственных действиях и требовать справедливости. Вы, госпожа Меркель и ваши корпорации [Здесь оратор недвусмысленно намекает, что правительство А. Меркель подконтрольно интересам крупного бизнеса. – А.А.], вы будете должны от-

ветить за то, что сделали с нашей страной и с нашим народом. И я взяла на себя ответственность оставаться в политике до тех пор, пока вы, госпожа Меркель, не предстанете перед судом. И у меня нет сомнений: этот день не за горами.

К. Баум, член АФД, считает, что А. Меркель должна предстать перед судом за то, что она сделала со страной, за тот вред, который она причинила немецкому народу. Такие формулировки преднамеренно размыты, – адресат сможет сам заполнить семантический пропуск, сам додумать, что все-таки А. Меркель совершила.

Более того, политик как бы оправдывает свое пребывание в политике, – она поставила для себя цель привлечь А. Меркель к ответственности и будет неуклонно стремиться к ее достижению.

Проведенный анализ показывает, что оппозиционный политический дискурс ФРГ манипулятивен. Как левые, так и правые политики активно прибегают к манипуляции для того, чтобы завоевать поддержку избирателей, и в этом, на наш взгляд, нет ничего предосудительного. Однако избирателю надо быть осведомленным об основных приемах и методах, которыми пользуются претенденты на власть, – это позволяет избежать ошибок в идентификации той или иной партии, разобраться в нюансах ее программы и предлагаемых решений. Как замечает Н. Ферклоу, «осознание – первый шаг к освобождению» [10; p.1].

Одной из распространенных стратегий (часто употребляется АФД) является маргинализация. Цель – представить себя особой партией, далекой от истеблишмента и политических элит, а порой – всего политического. Также используются недоговоренности, имплицатуры, редукция возможностей, выдвигаются ничем не доказанные обвинения и даются обещания, что «улики» будут найдены.

Означает ли это, что оппозиционеры могут быть вовсе не теми, за кого себя выдают? Несомненно. Тем не менее еще раз подчеркнем: нельзя отвергать партию или политическое движение лишь потому, что риторика людей, к нему принадлежащих, манипулятивна. Важно помнить, что манипуляция – неотъемлемый компонент политического дискурса, мощное средство борьбы за власть. С другой стороны, знать о том, что вами манипулируют и каким образом это делается, – абсолютно необходимо.

Библиографический список

1. Алексеев А.Б. Маргинализация как стратегия политического дискурса деконструкции // Политическая лингвистика № 6(66), 2017. С. 51-58.
2. Анисимова Т.В., Крапчетова Н.А. Манипуляция как характеристика институционального дискурса : монография. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2010. 204 с.
3. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А. Основы семиотики : учебное пособие. М.: ФЛИНТА : Наука, 2012. 256 с.
4. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие / О.С. Иссерс. М.: Флинта: Наука, 2009. 244 с.
5. Кузин А.В. Манипуляция в структуре социального взаимодействия : дис. ... канд. философ. наук. Нижний Новгород, 2012. 168 с.
6. Спасский Е.Н. Политические партии ФРГ: современное состояние и тенденции общественного влияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, 2006, вып. 3. С. 74-78.
7. Фексеус Х. Искусство манипуляции. Как читать мысли других людей и незаметно управлять ими; пер. с шведского Е. Хохловой. М.: Изд-во АСТ, 2015. 320 с.

8. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук: Тверь, 2002. 163 с.
9. Brown W. P. Structure, role, and ideology in the Hebrew and Greek texts of genesis 1:1-2:3. Atlanta: Scholars Press, 1993. 268 p.
10. Fairclough N. Language and power. Longman Group, 1989. 259 p.
11. Mackensen L. Verführung durch Sprache, List Verlag, München, 1973. 327s.

References

1. Alekseev A. B. Marginalization as a strategy of political discourse of deconstruction / *Political linguistics* № 6 (66), 2017. P. 51-58.
2. Anisimova T. V., Krapcheva N.. Manipulation as a characteristic of institutional discourse]. Volgograd: Volgograd scientific publishing house, 2010. 204 p.
3. Grinev-Grinevich SV, E. A. Sorokina the Foundations of semiotics : a training manual. M.: Flinta : Nauka, 2012. 256 p.
4. Issers O. S. Speech impact: textbook / O. S. Issers. M.: Flinta: Nauka, 2009. 244 p.
5. Kuzin A.V. Manipulation in the structure of social interaction : dis. ... kand. philosopher. sciences'. Nizhny Novgorod, 2012. 168 p.
6. Spassky E. N. Political parties of Germany: the current state and trends of social influence // *Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 6*, 2006, issue 3. P. 74-78.
7. Fexeus H. The Art of manipulation. How to read other people's thoughts and quietly manage; translated from the Swedish by E. Khokhlova. M.: Publishing house AST, 2015. 320 p.
8. Filinski A. A. A critical analysis of political discourse of the election campaigns of 1999-2000 : dis. ... kand. Philol. Sciences: Tver, 2002. 163 p.
9. Brown W. P. Structure, role, and ideology in the Hebrew and Greek texts of genesis 1:1-2:3. Atlanta: Scholars Press, 1993. – 268 p.
10. Fairclough N. Language and power. Longman Group, 1989. – 259 p.
11. Mackensen L. Seduction by language. List Verlag, Munich, 1973. 327 p.

УДК 070

Воронежский государственный технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and intercultural communication
PhD, associate professor
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

Воронежский государственный технический университет
студент
Сорокин И.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +79518743501
e-mail: iwillrunaround@yandex.ru

Voronezh state technical University
Student
Sorokin I. V.
Russia, Voronezh, +79518743501
e-mail: iwillrunaround@yandex.ru

С.А. Скуридина, И.В. Сорокин

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности развития региональных СМИ и телевидения, проблемы в деятельности местных телеканалов. Исследование региональных СМИ и тенденций их развития требуют подробного рассмотрения работы редакций и профессионалов, проблем, с которыми сталкивается региональная журналистика. В данной статье содержится описание темы, ведущей к пониманию форм взаимоотношений телекомпаний с учредителями и выявлению способов повышения качества работы системы региональных СМИ. В статье также рассматривается подход к изучению взаимодействия профессиональных журналистов регионального телеканала с непосредственными потребителями информации. Речь пойдет о причинах, тормозящих развитие регионального вещания, о его значении. Данный вопрос является актуальным сегодня, ведь телевидение – активный участник всех явлений регионального масштаба, говорящий о том, что не попадает в новости федеральных каналов. Но по мере роста популярности и спроса на программы растут и требования аудитории. Важной является задача исследовать вопрос удовлетворения различных запросов местного населения, а также дать полное описание вещательной сетки, типологии передач, осмыслить все возможные пути повышения эффективности регионального телеканала. В материале содержатся рассуждения на тему зависимости регионального журналиста от местной власти, деформации образа профессионализма и под влиянием социального и культурного факторов. Это рождает еще одну тенденцию: установление коммерциализации как главной направленности развития современного регионального телевидения, не обладающего иными способами поддержания своего существования. Привлечение рекламодателей – одна из основных составляющих сегодняшней действительности для местных телеканалов.

Ключевые слова: журналистика, региональное телевидение.

S.A. Skuridina, I.V. Sorokin

THE MAIN TRENDS AND FEATURES OF DEVELOPMENT OF REGIONAL TELEVISION

The article deals with the peculiarities of the development of regional media and television broadcasting, problems in the activities of local TV channels. The study of regional media and trends in their development

require detailed consideration of the work of editors and professionals, the problems faced by regional journalism. This article describes the topic leading to the understanding of the forms of relations between TV companies and founders and to the identification of ways to improve the quality of the regional media system. The article also considers the approach to the study of interaction of professional journalists of the regional TV channel with direct consumers of information. We will discuss the reasons hindering the development of regional broadcasting and its importance. This issue is relevant today, because television is an active participant in all regional events, saying that it does not fall into the news of Federal channels. But as the popularity and demand for programs grows, so do the demands of the audience. An important task is to investigate the issue of meeting the various demands of the local population, as well as to give a full description of the broadcasting network, the typology of programs, to reflect on all possible ways to improve the efficiency of the regional TV channel. The article contains considerations on the dependence of the regional journalist on local authorities, deformation of the image of professionalism and under the influence of social and cultural factors. This creates another trend: the establishment of commercialization as the main focus of the development of modern regional television, which does not have other ways to maintain its existence. Attracting advertisers is one of the main components of today's reality for local TV channels.

Key words: journalism, regional broadcasting.

Сегодняшний день мы по праву относим ко времени информационной эпохи. Информация – это главная ценность, а поиск необходимых данных и их распространение – важнейшая задача, которую выполняют средства массовой информации. Их роль в общественной жизни невозможно переоценить. Сложно представить человечество без информационных отношений, также как и нельзя отменить большую роль СМИ в формировании мнений людей.

Мы можем с уверенностью заявлять о том, что отдельный богатый мир, который мы называем информационное общество, является для человека особо ценным, так как удовлетворяет его потребность в новых сведениях и знаниях как в высшей форме информации. В данной трактовке информация является важнейшей частью жизни, характеризуя ее природу В.Г.Афанасьев полагает, что информация, которой оперируют СМИ «представляет собой знания, сообщения, сведения о социальной форме движения материи и о всех ее других формах в той мере, в какой они используются обществом, человеком, вовлечены в орбиту общественной жизни» [1, с. 200]. Данный тезис лишь подтверждает тот факт, что обсуждение роли СМИ в обществе является актуальным и будет таким в последующее время.

Средства массовой информации являются одной из самых изменяющихся сфер общественной жизни в России. По мнению А.Е.Черных, процесс так называемой медиатизации всего мира формирует новую роль СМИ как одного из главных социальных институтов, формирующих общественное сознание [2, с. 59, 60]. Основные исследования на тему этих преобразований, как правило, затрагивают исключительно центральные СМИ. Однако нынешний этап развития журналистики предполагает основательные преобразования в работе региональных редакций. Бесспорно, образование региональной системы средств массовой информации стало новой возможностью для исследований работы журналистов, редакций, телекомпаний, помимо этого, открыв новый взгляд на изучение технологий влияния на общественное мнение.

Для исчерпывающего понимания будущего региональных СМИ, нам необходимо ответить на несколько существенных вопросов. Можем ли мы свести деятельность регионального телеканала только к информированию населения, или он несет на себе широкий спектр задач? Насколько велика роль региональных СМИ в формировании общественного мнения? Какое будущее ждет региональные СМИ?

Немаловажным мы считаем изучение процесса производства регионального телеканала. Оно дает возможность проанализировать целую группу свойств и явлений, которые присущи работе журналиста и позволяют в лучшую сторону скорректировать понимание и, если требуется, навыки работы в данной сфере. Исследование этой темы ведет и к пониманию

форм взаимоотношений телекомпаний с учредителями, к выявлению методов, способных повысить эффективность работы региональных СМИ, раскрывая системные закономерности.

На данный момент мы не можем говорить о конкурентной борьбе за аудиторию между центральными и региональными телекомпаниями. Региональное телевидение имеет собственную специфику, которая обыгрывается темой более близкого соприкосновения со зрителем. Однако процесс регионализации, который по мнению В.А.Дергачева «выступает неоспоримым процессом» [3, с. 57], говорит о приоритетности местного источника информации. Возможность вещать для «своего» зрителя – реальное превосходство, которое требует разработки наиболее эффективных путей реализации в ближайшем будущем.

Говоря о проблемах регионального телевидения, мы не можем выделить основные направления недочетов, которые требуют эффективной корректировки. Среди условий, так или иначе мешающих развитию регионального телевидения, можно выделить: усиление конкуренции за аудиторию между различными видами местных СМИ; популярность и доступность Интернет-СМИ; более активная и оперативная работа Интернет-СМИ с информацией, касающейся региона. Особенно данный пункт распространяется на новостное производство региональных телеканалов. Интернет в несколько раз оперативнее и интерактивнее освещает информацию, поэтому актуальные новости для регионального телеканала продюсеры зачастую находят именно там. Это можно рассматривать как проявление второстепенности местного телеканала относительно Интернет-СМИ; низкий уровень качества материалов и подачи информации относительно федеральных каналов. В вопросе качества производства для федеральных и региональных каналов по сути стоит одинаковая задача: производить качественный контент, который захочет смотреть аудитория. Только у федерального крупного телеканала есть все необходимые для этого ресурсы. Подобным качеством местные каналы никак не могут похвастаться; отсутствие грамотной и корректной телеизмерительной информации. Невозможность постоянного привлечения крупных рекламодателей, и как следствие, нехватка финансирования для производства качественного контента. Отсутствие телеизмерений в регионе влечет невозможность привлекать рекламодателей под ту или иную часть аудитории. При этом нужно иметь в виду, что большую часть зрителей регионального телеканала составляют жители некрупных населенных пунктов области. Однако это не учитывается при рекламных продажах, причиной чего является отсутствие широкого рекламного рынка. Данный аспект мешает широкой реализации рекламной продукции. Региональным телеканалам остается работать со средним рекламным сегментом, ввиду нарастающей конкуренции со стороны Интернет СМИ и рекламных агентств, которых предпочитают крупные рекламодатели; переход на цифровое эфирное вещание. Создание в нашей стране цифрового эфирного телевидения может существенно ударить по перспективам развития региональных телеканалов.

Особо важным является вопрос функций, которые выполняет региональное телевидение. Ни для кого не секрет, что существование местной тележурналистики имеет множество социальных, культурных, рекреационных функции. Одной из главных нам видится удовлетворение определенных жизненных интересов человека, которые связаны с конкретным местом, в котором он живет. Местное телевидение дает наиболее цельную и точную информацию о политической ситуации в регионе, убедительно описывает факты и явления из жизни края или области.

Деятельность журналистов местного телеканала может помочь нам адекватно оценить условия выполнения множества функции на конкретно взятом примере. Работа профессионалов находит свое проявление в сообщении людям знаний, которые могут натолкнуть их на формирование корректных выводов о работе политических субъектов, упорядочивание всех сведений, которыми оперирует СМИ. Данная особенность играет немаловажную роль в аспекте ориентирования человека в противоречивом потоке информации. Насущным является вопрос зависимости регионального журналиста от местной власти. По мнению М.В.Симкачевой, экономический фактор объясняет влияние со стороны местной власти на

региональные СМИ и их журналистов: «Средства массовой информации, не получающие дотаций из госбюджета, вынуждены выживать, «подкармливая» аудиторию сенсациями, сплетнями, скандалами, а дотируемые имеют такой самоконтроль, что даже цензура не требуется. Деформируется образ профессионализма и под влиянием социального и культурного факторов» [4]. Это рождает еще одну тенденцию: установление коммерциализации как многозначней направленности развития современного регионального телевидения, не обладающего иными способами поддержания своего существования. Привлечение рекламодателей – одна из основных составляющих сегодняшней действительности для местных телеканалов. Как отмечает в своей исследовательской работе Е.Е. Корнилова: «Реклама является необходимой составляющей телевидения, которое обеспечивает продуктивное развитие современного информационного рынка» [5, с. 78].

Важным аспектом деятельности регионального телевидения является рассмотрение вопроса его значимости в сфере влияния на общественное мнение. Существует ряд особенностей, которые выражаются в политическом влиянии на социальную среду. В числе таких особенностей, формирующих методологию работы с информацией, выделяется высокий уровень непосредственной близости региональной редакции к ее аудитории, авторитет редакции, доверие к определенным журналистам. Вышеупомянутая близость рождает кредит доверия со стороны зрителя, устанавливает особую личную дистанцию. Все это наталкивает нас на вывод о наличии широких возможностей в формировании мнений общественных масс, которыми обладает местные СМИ. Мы отмечаем, что региональное телевидение развивается параллельно с технологиями цифрового вещания, призванного в том числе сегментировать аудиторию, объединить зрителя вокруг определенного продукта. В связи с этим рождается предположение о дальнейшем изменении ранка рынка маркетинга, который обязан реагировать на имеющиеся тенденции.

Все вышесказанное рассматривается сегодня через призму потенциальных изменений, которые может претерпеть местное телевидение в будущем. Предсказать основные тенденции развития региональной тележурналистики, понять их свойства, динамику и вектор этих возможных преобразований вполне возможно. Однако, не стоит забывать, что средства массовой информации – это значительный механизм, требующий глубокого изучения. На некоторые из вопросов об устройстве региональных телеканалов, их методов работы с информацией, функциях и иных особенностях еще предстоит ответить в обозримом будущем.

Библиографический список

1. Афанасьев В.Г., Социальная информация. М.: Наука, 1994. 200 с.
2. Черных А.Е., Мир современных медиа. Москва, 2007. с.59, 60.
3. Дергачев В.А., Вардомский Л.Б., Регионоведение. Москва, 2012. с.57
4. Симкачева М.В., Региональные СМИ: проблематика, тенденции развития/ под науч. ред. Казань: Казан. гос. ун-т, 2011. 344с.
5. Корнилова Е.Е., Современные тенденции развития российского телевидения. Ростов, Ростовский гос. ун-т, 2007. с.78.

References

1. Afanasiev V. G. the Social information. Moscow: Science, 1994. 200 p.
2. Chernykh A. E., the World of modern media. Moscow, 2007. p. 59, 60.
4. Dergachev V. A., Vardomsky L. B., Regional Studies. Moscow, 2012. p. 57
5. Simkacheva M. V., Regional mass media: problems, trends. Kazan: Kazan. state UN-t, 2011. 344с.
6. Kornilova E. E., Modern trends in the development of Russian television/ under the scientific. ed. - Rostov state UN-t, 2007. p. 78

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 81'373:81'42

*Университет Аль Гурейр
доцент колледжа
массовой коммуникации
Калеел Ахмед К. Калеел
ОАЭ, г. Дубай, тел. +971566334460
e-mail: akhmedkaleel@yahoo.com*

*Al Ghurair University
College of Mass Communication
Assistant professor
Kaleel Akhmed Khamis Kaleel
UAE, Dubai, +971566334460
e-mail: akhmedkaleel@yahoo.com*

Калеел Ахмед К. Калеел

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ

В статье анализируются когнитивные и прагматические основы трансформаций фразеологизмов в заголовках современных газет. Известно, что почти каждое описание тех или иных событий есть не что иное, как вариант их интерпретации определённым субъектом. Авторы газетных материалов не только воспринимают окружающий мир с точки зрения своего мировоззрения, подобно другим членам общества, но и, будучи интерпретаторами, реализуют при создании газетного текста свои определённые задачи, идеи, дают свои оценки тому, о чём они непосредственно пишут. С этой целью журналисты подбирают те или иные средства языка, которые помогают им наиболее продуктивно реализовать своё отношение к тому, о чём говорится в статье. Чтобы текст стал понятным рядовому читателю, нужно, чтобы тот был способен воспринять все слова и предложения, которые употребляет автор, а также имел фоновые культурные знания, идентичные фоновым знаниям журналиста. В противном случае известный эффект когнитивного диссонанса вызовет либо когнитивное отталкивание читателем неправильных, с его точки зрения, текстов, поскольку они разрушают его собственную картину мира, либо когнитивное недовольство, так как, к примеру, понимание значения фразеологизма, подвергнувшегося трансформации, отнюдь не является для него простым ментальным действием. Заголовок современной газеты содержит как главную идею публикации, так и отношение к ней журналиста – создателя данного заголовка. При этом особенно важно подчеркнуть, что, поскольку заголовок находится в пресуппозиции к тексту, он отражает не только главную мысль статьи, но и саму позицию автора. В современных печатных СМИ это всё чаще достигается путём трансформации устойчивого выражения, которое как раз и находится в заголовке.

Ключевые слова: фразеологизм, устойчивое выражение, когнитивно-прагматический аспект, трансформация, газетный заголовок.

Kaleel Akhmed Khamis Kaleel

COGNITIVE AND PRAGMATIC ASPECTS OF TRANSFORMED PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN NEWSPAPER HEADINGS

The article analyzes the cognitive and pragmatic basis for the transformation of phraseological units in the headlines of modern newspapers. It is well known that almost every description of a particular event is no other than a variant of their interpretation by a certain person. The authors of newspaper materials not only perceive the surrounding world from the point of view of their worldview, like other members of society, but, being inter-

preters and creating a newspaper text, they realize their specific tasks, ideas, give their assessments to what they write directly. For this aim journalists select certain language tools that help them to realize their attitude towards what is said in the article most productively. To make the text understandable to the average reader, it is necessary that he be able to perceive all the words and sentences that the author uses, and also have background cultural knowledge that is identical to the background knowledge of the journalist. Otherwise, the known effect of cognitive dissonance will cause either the readers' cognitive repulsion from the wrong texts from their point of view, as these texts destroy their own picture of the world, or also cognitive dissatisfaction, because, for example, understanding the meaning of the phraseology that has been transformed is not just a simple mental action. The headline of the modern newspaper contains both the main idea of the publication and the attitude of the journalist who created this title. It is especially important to emphasize that, since the title is in the presupposition to the text, it reflects not only the main idea of the article, but also the very position of the author. In modern print media, this is increasingly achieved by transforming of a stable expression, which is just in the title.

Key words: idiom, phraseological unit, cognitive and pragmatic aspects, transformation, newspaper headline.

Не подлежит сомнению тот факт, что основная задача автора публицистических текстов – это принятие читателем его точки зрения, которая, как предполагается, должна быть не только понята им, но также одобрена и разделена. Чтобы речевое воздействие журналиста было эффективным, оно обязано быть в первую очередь убедительным, поскольку его главная и конечная цель – корректировать и трансформировать убеждения читателя и так или иначе влиять на его мировоззрение в целом.

Газетные тексты должны быть также выпуклыми, понятными и запоминаемыми [1; с. 71]. При этом выпуклость текста представляет собой не что иное, как его броскость в общем потоке других новостей. Выпуклое привлекает, удивляет, что в целом не поддаётся логическому контролю и происходит, как правило, бессознательно. Поэтому если журналист ставит своей целью, чтобы его текст не остался незамеченным, он должен суметь неординарным образом его презентовать.

Один из способов придания тексту выпуклости и запоминаемости – это трансформация фразеологизмов. Само появление и существование таких трансформов обусловлено, во-первых, объединяющей общество культурой, а во-вторых, наличием у членов социума базовых, всеобщих знаний. В зависимости от меры владения этими знаниями профессор А.Г. Баранов делит читателей на две категории – «наивный» и «изошрённый». Если авторы текстов, несомненно, относятся к последнему типу [2], то их читатели могут принадлежать к любому из двух указанных. Именно поэтому в идеале каждый журналист должен стремиться к тому, чтобы его читатель, любого типа, сумел понять в словах и выражениях не только лишь денотативное, лежащее на поверхности, но и коннотативное. Это означает, что читатель должен быть в состоянии понять как культурные репрезентанты, так и коннотации микротекста с трансформированными фразеологизмами, то есть понять их подтекст.

Итак, в процессе актуализирования и преобразования того или иного фразеологизма необходимо надёжно удостовериться в том, что читатель будет способен без труда вспомнить его исходный вариант, увидеть факт его изменения и саму цель этой модификации. Предельно важно, чтобы при этом была соблюдена так называемая «презумпция коммуникативного равенства адресанта и адресата» [3; с. 3-4]. Таким образом, чтобы уловить смысл трансформации фразеологизма, читатель должен знать его, понимать и осознавать авторский замысел его структурного или семантического преобразования в данном контексте.

Трансформированные фразеологизмы можно рассматривать как микротекст, содержание которого, как и любого другого текста, имеет два компонента – денотативный и коннотативный. Под последним понимается любая семантическая нагрузка, вы-

ступающая по отношению к денотативной как дополнительная. Журналист, который трансформирует фразеологизм, преобразует первичное устойчивое выражение во вторичное на основании сходства признаков денотатов. Если под D_1 понимать денотат исходного фразеологизма или его элемента, а под D_2 – денотат трансформированного фразеологизма (при структурной модификации) или его элемента (при семантической модификации), то всё это можно представить в виде следующей схемы.

$D_1 \longleftarrow \text{сходство признаков} \longrightarrow D_2$

Первичное устойчивое выражение (служащее базой для трансформации)

Вторичное, трансформированное устойчивое выражение

Специфику появления фразеологизма-трансформа в газетном дискурсе помогают раскрыть основные положения когнитивной теории. При этом «изучение когнитивных процессов сквозь «лингвистический фокус» только начинается» [4; с. 26]. Данный подход подразумевает, что язык «как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» вторичного, то есть трансформированного фразеологизма [5; с. 53]. Когнитивная и прагматическая необходимость использования фразеологизмов-трансформов объясняется прежде всего самим содержанием текста. Эти, по сути, элементы языковой игры апеллируют к глубинным знаниям читателя и предоставляют ему возможность воспринять «видимый и слышимый текст с невидимым и неслышимым подтекстом» – в данном случае, фразеологизмы-трансформы [6; с. 298]. Авторская реализация подобных фразеологизмов в новых текстах в обязательном порядке предполагает умственные усилия не только самого автора, но и его читателя, в силу того, что трансформы непременно содержат дополнительную вербализацию тех или иных когниций.

Известно, что «имя текста в современной газетной публицистике отмечается высоким экспрессивным фоном. Выполняя информативную и прагматическую функции, заголовок играет роль первой скрипки и является ориентиром для читателя» [7; с. 48]. В микротексте газетных заголовков происходит первоначальная коммуникация автора и читателя. Находясь непосредственно перед текстом, заголовок содержит в себе определённую информацию об его содержании и в связи с этим чаще всего подвергается той или иной эмоциональной трансформации. Согласно результатам психологических исследований, «около 80 % читателей уделяет внимание только заголовкам» [8; с. 16].

Именно поэтому трансформации в первую очередь свойственны газетным заголовкам, где, как правило, фразеологизм отражает тему или идею всего текста. Популярность заголовков в виде трансформированных фразеологизмов вызвано их коммуникативной яркостью – привлечением внимания читателя. Такой заголовок выполняет своего рода рекламную функцию: его выпуклость, нетривиальность заметно увеличивают вероятность того, что текст, который он предвещает, найдёт своего читателя. В связи с этим в заголовках нередко трансформирование фразеологизмов, языковая игра с использованием устойчивых выражений и некоторые другие средства привлечения внимания потенциального читателя.

Понятно, что фразеологизмы в своём содержании отражают, как правило, типичные жизненные явления. Для обеспечения успешности текстов при их создании важно учитывать именно пресуппозицию, под которой понимаются фоновые знания типовых ситуаций, существующих ещё до создания текста. Указанную пресуппозицию можно считать «собственно экзистенциальной пресуппозицией, включаемой говорящим в процесс создания, а слушающим (пишущим) в процесс исполнения текста» [9; с. 113]. В то же время в газетных заголовках трансформациям иногда подвергаются такие фразеологизмы, которые, обозначая те или

иные денотативные ситуации, являются характерными лишь для определённых социальных или профессиональных групп. Например, заголовок статьи о военном призыве в структуру детской считалки *Кто не спрятался, я не виноват* на позицию местоимения я внедряет слово *военкомат*: *Кто не спрятался – военкомат не виноват* [НГ; 2008; № 23], что способствует восприятию этого заголовка как скрытой угрозы. К юридической сфере восходит трансформ *Перестройка в законе* [АиФ; 2000; № 45], исходным вариантом которого послужил жаргонный фразеологизм *вор в законе*, обозначающий вора из высшей касты преступного мира. Данный фразеологизм, который проник в общенародный язык сравнительно недавно, содержит в себе негативную оценку. Как видно, изменение или добавление элемента в составе фразеологизма позволяет его использовать для обозначения другой денотативной ситуации.

Считается, что в процессе создания трансформаций обобщённый характер смысла фразеологизма закономерно утрачивается, если конкретизация данного смысла происходит по причине замены одного из элементов (*Тёртый романтик* [АиФ; 2000; № 13]) или структурного расширения его компонентов (*Все соки из страны выжал ВПК, а воевать нечем* [АиФ; 2000; № 14]). При этом следует ещё раз подчеркнуть, что адекватное понимание трансформированного фразеологизма обеспечивается лишь надёжным знанием его первоначального варианта. Известно, что весь процесс понимания имеет два уровня: 1) языковой, или «поверхностный», связанный с эксплицитной информацией; 2) интерпретирующий, или «глубинный», связанный с имплицитной информацией [10; с. 63]. Таким образом, осуществление коммуникантом интерпретации представляет собой сложный когнитивный процесс, который зависит как от прагматических и коммуникативных целей, так и социально-ролевых и индивидуально-психологических особенностей индивидуумов и влечёт за собой последующее понимание или непонимание того или иного текста, а также соответствующую реакцию на данную ситуацию. Структуру, возникшую в результате подобной интерпретации высказывания, учёные предлагают называть когнитивным представлением высказывания [10; с. 64]. Когнитивистская теория рассматривает интерпретацию как понимание, а оно, в свою очередь, сводится к узнаванию, которое есть не что иное, как соотнесение слов с их прототипами. Однако если эти прототипы были подвержены трансформации, то их узнавание может быть затруднено, что, в свою очередь, затрудняет и их интерпретацию.

Итак, понимание текста, содержащего трансформированные фразеологизмы, является довольно сложным когнитивным процессом, который требует понимания различного рода аллюзий и скрытых смыслов, появляющихся в результате данных трансформаций. Задача автора газетного заголовка – трансформировать фразеологизм таким образом, чтобы обеспечить возможность его адекватной трактовки читателем, поскольку это является предельно важным для самого автора, желающего с помощью трансформации так или иначе воздействовать на читателя. В основе семантики фразеологизмов лежат фоновые знания [11; с. 72], что позволяет находить их и понимать даже в трансформированном виде. И если трансформированный фразеологизм в газетном заголовке был тем не менее интерпретирован верно, значит, читатель, который восстановил исходный фразеологизм и понял цель его трансформации, закономерно будет заинтересован в прочтении данной публикации.

Библиографический список

1. Шейнов В.П. Скрытое управление человеком. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. 431 с.
2. Баранов А.Г. Прагматика как методологическая перспектива языка. Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. 188 с.

3. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте: учеб. пособие по спецкурсу. М.: Изд-во Моск. гос. пед. ин-та, 1988. 83 с.
4. Гиздатов Г.Г. Когнитивная парадигма изучения языка // Семантика языковых единиц: докл. VI межд. конф. М.: [б.и.], 1998. Т. 1. С. 24-26.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / [Под общ. ред. Е.С. Кубряковой]. М.: ИПО «Лев Толстой», 1996. 248 с.
6. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1976. 305 с.
7. Ляпун С.В. Лексико-семантические и стилистические особенности современного газетного заголовка (на материале газеты «Комсомольская правда» за 1994-1998 годы): дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 1999. 163 с.
8. Уманцева Л.В. Пословицы и поговорки в газетных заголовках (жанровостилистическое отношение заголовка и текста) // Функционирование языка в различных речевых жанрах (Лиманчик-97): материалы Всерос. науч. конф. Ростов-на-Дону, 1988. Вып. 4. С. 57-62.
9. Лисоченко О.В. Риторика для журналистов: прецедентность в языке. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 318 с.
10. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 63-71.
11. Алефиренко Н.Ф. Протовербальное порождение культурных концептов и их фразеологическая интерпретация // Филологические науки. 2002. № 5. С. 72-81.

References

1. Sheynov V.P. The hidden control of people. Moscow, Minsk, 2001. 431 p.
2. Baranov A.G. Pragmatics as a methodological perspective of language. Krasnodar, 2008. 188 p.
3. Fedosyuk M.Y. Implicit ways of information transferring in the text: Textbook for a special course. Moscow State Pedagogical Institution, 1988. 83 p.
4. Gizdatov G.G. Cognitive paradigm of language learning // Semantics of language units. Moscow, 1998. Vol. 1. P. 24-26.
5. A Brief Dictionary of Cognitive Terms / [under total ed. of E.S. Kubryakova]. M.: Leo Tolstoy, 1996. 248 p.
6. Zvegintsev V.A. Sentence and its relation to language and speech. Moscow State University, 1976. 305 s.
7. Lyapun S.V. Lexical, semantic and stylistic features of modern newspaper headlines (Based on the newspaper "The Komsomolskaya Pravda", 1994-1998): dis. ... cand. of philol. sciences. Maikop, 1999. 163 p.
8. Umantseva L.V. Proverbs and sayings in newspaper headings (Genre and stylistic relation of title and text) // Functioning of language in various speech genres (Limanchik-97). Rostov-on-Don, 1988. Issue 4. P. 57-62.
9. Lisochenko O.V. Rhetoric for journalists: the precedent in the language. Rostov-on-Don, 2007. 318 p.
10. Kobozeva I.M, Laufer N.I. Interpretive speech acts as an act of mind and speech // Logical analysis of language. Language of speech actions. Moscow, 1994. P. 63-71.
11. Alefirenko N.F. Proto-verbal derivation of cultural concepts and their phraseological interpretation // Philological sciences. 2002. № 5. P. 72-81.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) Аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) Ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются **в квадратные скобки [1; с. 54–67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это не содержание статьи, а ее характеристика. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

*Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег.....

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

.....

.....

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

.....
.....
.....
Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 3(30) 2018

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год.

Подписано в печать 29.10.2018. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 11,3. Усл. печ. л. 14,8. Тираж 500 экз. Заказ № 276(д)
Выход в свет 09.11.2018. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский проспект, 14

Отдел оперативной полиграфии ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84